

РУБЕЖИ ПАМЯТИ

АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОСЕЛЬСКОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
КРАСНОСЕЛЬСКОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И КРАЕВЕДЕНИЮ

РУБЕЖИ ПАМЯТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

Редакционная коллегия:

Золотова И.В., директор СПб ГБУК «ЦБС Красносельского района»

Костышина С.В., заместитель директора по связям с общественностью СПб ГБУК «ЦБС Красносельского района»

Васильева И.А., заведующий ОМО СПб ГБУК «ЦБС Красносельского района»

Шабашов С.Р., член Координационного совета по патриотическому воспитанию подрастающего поколения Красносельского района Санкт-Петербурга и краеведению

Бородин О.П., заведующий ИБО СПб ГБУК «ЦБС Красносельского района»

Литературная обработка, составление сборника:

Костышина С.В., Васильева И.А., Шабашов С.Р., Золотова В.М.

Рисунки предоставлены учащимися СПб ГБОУ ДОД «Детская школа искусств»

Красносельского района

Рубежи памяти: сборник краеведческих работ / сост. И.В. Золотова. — Санкт-Петербург: Администрация Красносельского района: Координационный совет по патриотическому воспитанию подрастающего поколения Красносельского района Санкт-Петербурга и краеведению, 2016. — 130 с.: ил. ISBN ; 9: /7/; 26767/77/2

Сборник включает в себя тексты докладов, представленных на XII историко-краеведческой конференции. Авторы публикаций — свидетели военных событий, краеведы, историки, взрослые и дети, на равных правах участвующие в работе по изучению прошлого родного края.

Сборник состоит из четырех тематических разделов: «Красносельский район в годы Великой Отечественной войны», «Воспоминания», «70 лет без войны», «Юные краеведы».

Впервые в научный оборот введены данные о жизни Красного Села и Дудергофа в годы их оккупации немецкими войсками — результаты кропотливой работы с документами из собраний архивов Санкт-Петербурга.

Воспоминания жителя Сосновой Поляны Пименова В.Д., уроженца деревни Сухлово Псковской области, расскажут о суровой судьбе советских людей, оказавшихся на занятых врагом территориях.

В раздел, посвященный послевоенному строительству мирной жизни, вошли статьи заслуженных краеведов Кисель-Загорской Л.В., Ткачевой Т.А., Эшимовой Н.С.

Стихи, включенные в сборник, представляют творчество талантливых поэтов — жителей Красносельского района.

ISBN ; 9: /7/; 26767/77/2

© Администрация Красносельского района Санкт-Петербурга, 2016.
© Координационный совет по патриотическому воспитанию подрастающего поколения Красносельского района Санкт-Петербурга и краеведению, 2016

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Книга, которую вы держите в руках, – не просто сборник работ, связанных темой Великой Отечественной войны. Перед вами книга священной памяти о горестях, лишениях и трагических событиях, которые выпали на долю людей, переживших это нелегкое время. Страницы ее пропитаны слезами страданий, ведь война коснулась каждой семьи.

И вместе с тем, это – книга памяти о героизме и мужестве советских людей. Листая страницы, понимаешь, какие титанические, невероятные усилия пришлось предпринять нашим воинам, чтобы выстоять, превозмочь врага и победить; понимаешь, какой ценой досталась Победа.

Уверен, что наша с вами задача – наш общий долг – состоит не только в том, чтобы сохранить эту народную память о военном времени, жертвах и героическом подвиге людей, отдавших жизнь за наше мирное и счастливое будущее, но и в том, чтобы быть достойными их подвига.

Е.В. Никольский, член Правительства Санкт-Петербурга —
глава администрации Красносельского района Санкт-Петербурга

ПЕТРОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

СВЕРХМОЩНАЯ НЕМЕЦКАЯ ПУШКА «ДОРА». БЫЛА ЛИ ОНА ПОД ЛЕНИНГРАДОМ?

Разочаровавшись в результатах расследования о предполагавшейся стрельбе из осадной мортиры «Берта» с Вороньей горы по Ленинграду, я решил проверить робкие сообщения отдельных средств массовой информации о перевозке после окончания осады Севастополя под Ленинград немецкой сверхмощной осадной мортиры «Дора». При этом я, вместо копания в неточностях и выдумках противоречивых публикаций ряда авторов, решил вновь применить оказавшийся таким эффективным метод анализа объективных технических возможностей и целесообразности стрельбы из этого гигантского осадного орудия по Ленинграду. И вот что из этого вышло.

Прицельность стрельбы из «Доры» из-за особенностей её нацеливания крайне низкая, поэтому для разрушения каких-либо конкретных объектов в Ленинграде она была бы крайне неэффективна. Единственной целью её применения могла бы стать стрельба «по площадям» фугасными снарядами огромной мощности для достижения психологическо-

го эффекта устрашения населения. В тяжёлом положении блокадного города на этот эффект противнику вполне обоснованно можно было рассчитывать, поэтому целесообразность и вероятность доставки «Доры» под Ленинград следует считать весьма высокой.

А вот технические возможности стрельбы из «Доры» по Ленинграду настолько сложны и трудоёмки, что возможность её реального применения представляется маловероятной и нецелесообразной.

В отличие от «Берты», которую никто из авторов публикаций о ней лично видеть не мог (после 1918 г. в Германии не осталось ни одной «Берты» на вооружении), и к которой относились сообщения о всяких крупнокалиберных пушках, построенная перед самой Второй мировой войной «Дора» зафиксирована на множестве фотографий, её тактико-технические данные (ТТД), условия и результаты использования хорошо известны из самых надёжных источников.

Свои исследования я проводил в двух

следующих основных направлениях:

1. Каковы боевые возможности ТТД «Доры», был ли, исходя из них, смысл доставлять её для осады Ленинграда?

2. Была ли возможность доставить «Дору» под Ленинград и использовать для стрельбы по нему?

Сверхмощная пушка «Дора» была разработана в 1936 году по личному указанию Гитлера и построена фирмой Круппа в 1941 году. Предназначалась для разрушения французской линии Мажино и бельгийских пограничных фортов. Для этого она должна была обладать (и обладала) следующими основными ТТД: дальность стрельбы 35–45 км, снаряд калибром 800 мм должен был обеспечивать пробивание брони толщиной 1 м и бетона толщиной 7 м, твёрдого грунта толщиной 30 м. Вес фугасного снаряда составлял 4,8 т, бронебойного — 7 т. Общий вес орудия составлял 1350 т.

Для боевого применения орудия предназначалось создание специальной огневой позиции. Для этого стандартная железнодорожная колея через обычную стрелку пере-

ходила в сдвоенный железнодорожный путь, служивший для сборки и перемещения орудия; в направлении цели двойной путь продолжался с дугообразным искривлением для горизонтального наведения, а параллельно с обеих сторон прокладывались две железнодорожные ветки для двух мощных кранов, соединённые со стрелками основной магистрали. С каждой стороны сдвоенного пути заходили по половине транспортёра.

На каждую пару тумб при помощи кранов укладывались две главные пролётные балки. Половины шасси соединялись поперечными связями. Транспортёр располагался на 40 осях (80 колёс) по 40 колёс на колее сдвоенного пути, который был разнесён по ширине на 6 м. Размер огневой позиции составлял около 4x4 км.

Для инженерной подготовки позиции требовалось 1000 сапёров и 1500 рабочих из местного населения. Охрана позиции возлагалась на караульную роту численностью 350 человек, а также большую группу военной полиции и специальную команду со сторожевыми собаками. Кроме того, имелось уси-

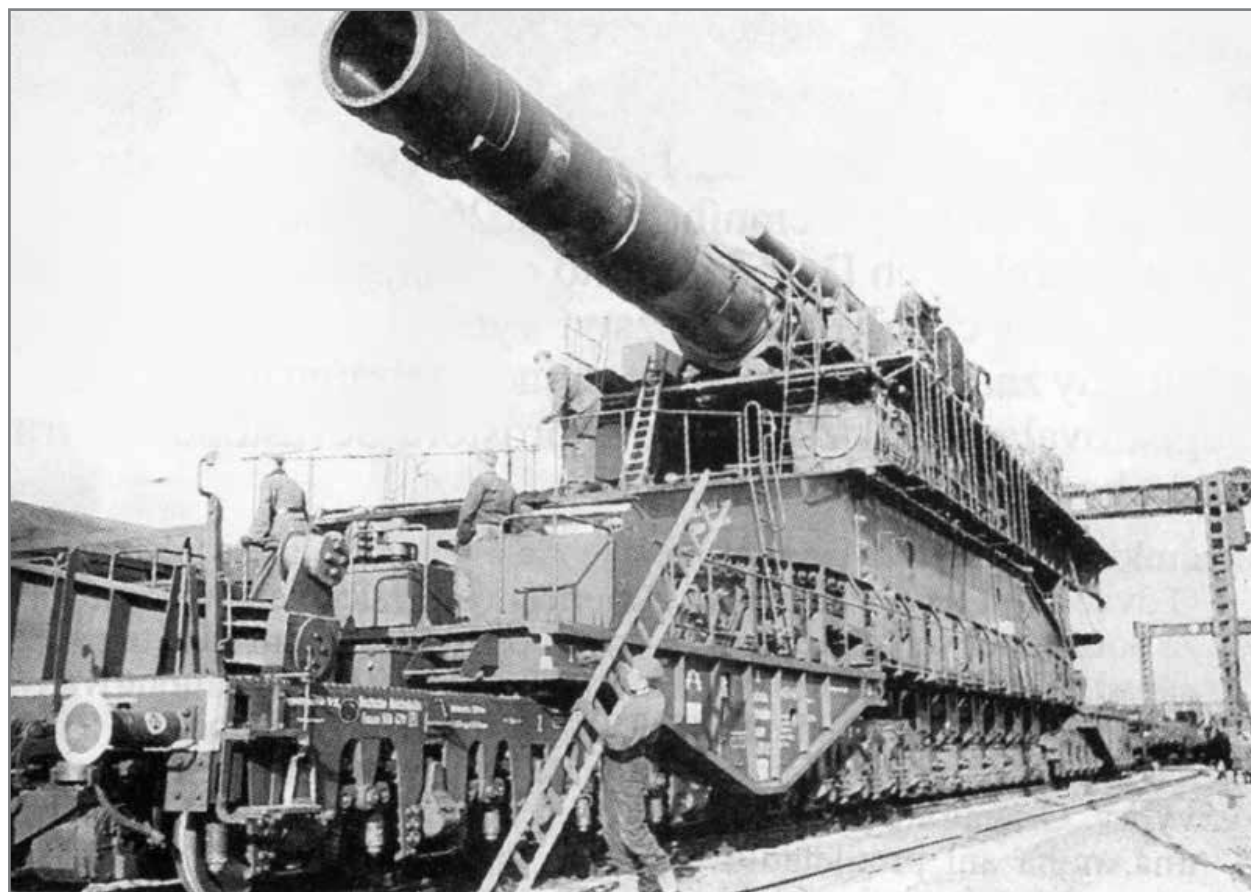
ленное военно-химическое подразделение в составе 500 человек, предназначенное для постановки дымовой завесы, и усиленный артиллерийский дивизион ПВО численностью 400 человек. В состав расчёта входил также транспортный батальон, маскировочная рота, комендатура, полевая почта и полевой хлебозавод. Общая численность личного состава была более 4000 человек; кроме того, были привлечены 20 инженеров фирмы Круппа.

Для перевозки всего этого «хозяйства» использовались 5 поездов с общим количеством вагонов — 106.

На основании приведённых ТТД можно предположить возможное местоположение огневой позиции для «Доры», если бы пришлось её выбирать. Она, конечно, могла быть только в южном направлении, куда привезли бы по железной дороге разобранную после стрельбы по Севастополю «Дору», и на

расстоянии не более 30 км (с учётом дальности боя орудия). Для размещения огневой позиции требовалась довольно большая, идеально ровная для железной дороги площадка недалеко от магистральной железной дороги южного направления.

С запада, примерно до уровня Красного Села, размещению «Доры» препятствовало наличие Ораниенбаумской группировки войск Красной Армии и кораблей Балтийского флота с их мощной артиллерией. С востока выбору такой площадки препятствовал изрезанный неровностями рельеф прилегающей к железнодорожным магистралям местности. Оставалось только центральное направление между Нарвской (Таллинской) и Варшавской железными дорогами. На этом направлении немецкие войска располагались на расстоянии всего нескольких километров от южной границы города, но вдоль обеих магистральных же-

лезных дорог в непосредственной близости от них расходились (это видно и сейчас) холмы Ижорской возвышенности, включая Пулковскую, Пушкинскую, Кирхгофскую, Дудергофскую с Лагерной и Кавелахтинской грядами, Красносельскую и Шундоровскую возвышенности. Зато южнее этой границы была совершенно плоская равнина, примыкавшая к подножию южных склонов Дудергофской и Кирхгофской возвышенностей. На этом поле с мелколесьем и можно было бы разместить огневую позицию «Доры». Для разгрузки разобранной «Доры» и доставки её на создаваемую огневую позицию могла быть использована станция Тайцы и перегон к северу от неё до переезда у Кавелахты. Всё это находилось на расстоянии около 30 км до самого центра Ленинграда — Балтийского вокзала. Таким образом, единственным идеальным местом для размещения огневой позиции «Доры» могло стать поле в тылу немецких войск южнее подножия Дудергофской и Кирхгофской возвышенностей недалеко от станции Тайцы.

Как видно из приведённых абсолютно объективных предпосылок, сверхмощная «Дора» вполне могла быть размещена между Дудергофом и Тайцами для обстрела Ленинграда. А соответствовало ли это характеру боевой обстановки?

Как известно, от взятия Ленинграда Гитлер отказался ещё в 1941 году, он собирался просто задушить его голодом. Поэтому целью обстрела города семитонными снарядами, конечно, мог быть преимущественно устрашающий психологический эффект, но решающего влияния на военную обстановку при огромных затратах он оказать уже не мог. В то же время Гитлер лелеял надеж-

ду оказать влияние на Англию путём её артобстрела через Ла-Манш. Поэтому вполне приемлема версия, высказанная командующим 11-й армией Вермахта, осаждавшей Севастополь, фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном в книге «Утерянные победы»¹, ставшая поэтому широкодоступной: «Дора» была перевезена в Тайцы под Ленинградом, затем, не будучи смонтирована, поступила в Польшу для подавления Варшавского восстания в сентябре-октябре 1944 года, а 22 апреля 1945 года в Баварии захвачена американскими войсками.

Но это всё мои расчёты и вражеские публикации о возможности пребывания «Доры» под Ленинградом. А где объективные доказательства? Они есть! Ещё до ознакомления с книгой Манштейна, на одной из топографических карт военного времени мне удалось обнаружить ветку железной дороги от железнодорожной станции Тайцы в направлении лощины между Дудергофской и Кирхгофской возвышенностями, обрывавшуюся «в чистом поле» между ними. В 1944 году следов этой ветки уже не было, это я видел лично. Предполагаю (опять!), что ветка была проложена для начала строительства огневой позиции для «Доры», но потом, в связи с перевозом «Доры» под Варшаву, была демонтирована, а монтажно-строительные материалы (рельсы, шпалы) и техника собраны и, как обычно, увезены вместе с пушкой.

Таким образом, на вынесенный в заголовок этой статьи вопрос «Была ли сверхмощная немецкая пушка «Дора» под Ленинградом?» можно дать однозначный утвердительный ответ: «Да, была». При этом надо уточнить: «Но не стреляла».

¹ Манштейн Э. Утерянные победы: пер. с нем. / Э. Манштейн. — Москва: АСТ; Москва: Хранитель, 2007. — 828 с.

ТУПИЦЫНА МАРИНА ПЕТРОВНА
ДУДЕРГОФ И КРАСНОЕ СЕЛО
В ГОДЫ ОККУПАЦИИ 1941-1944 ГОДОВ

2014 год был богат на юбилеи. Одна дата для нашего города священна — 70-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. О трагических днях блокады много сказано, но столь же трагическая участь постигла и миллионы людей на оккупированных территориях.

В материалах краеведческой конференции «Пусть не прервётся связь времён» были опубликованы воспоминания жителей Красного Села, оказавшихся в оккупации. В архивах Санкт-Петербурга сохранились материалы оккупационных властей. Их содержание раскрывает конкретные факты из жизни Красного Села и окрестных деревень. В материалах архива содержатся тысячи имён людей, бытовые подробности того времени, справки, приказы, статистика. И большую, неоценимую помощь оказывают подлинные немецкие фотографии из личной коллекции Дениса Владимировича Жукова. Фотографии были сделаны в 1941–44 годах в Красном Селе и его окрестностях. Узнать о действиях немецкой армии помогла новая

книга Вячеслава Мосунова «Битва за Ленинград. Неизвестная оборона».

9 сентября немецкие части при поддержке тяжёлой артиллерии и авиации начали штурм Красногвардейского укрепленного района с юго-западного направления. На участке Красносельского сектора противник прорвал оборону наших войск и силами 36-й моторизованной дивизии начал наступление в направлении Дудергофских высот. 10 сентября немцы уже были в Дудергофе, а 12-го вошли в Красное Село. Началась долгая оккупация, которая длилась до 19 января 1944 года.

На оккупированных территориях начали наводить немецкий порядок. Бывший Красносельский район Ленинградской области был разбит на волости: Дудергоф Западный, Дудергоф Восточный, Коврово, Кокколово, Тайцы, Гатчина-Мельница. Отдельными административными единицами были Красное Село и Дудергоф.

В Дудергоф Восточный входили и деревни Харьгазы, Лейнимяги, Талзимяги, Пар-

СОСТАВ ДУДЕРГОФСКИХ ВОЛОСТЕЙ (НА 1 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА)

Дудергоф Западный — 603 человека	Дудергоф Восточный — 1424 человека
Виллози	Горская
Саксолово	Пиккола
Гаргино	Мурьела
Старицы	Вариксело
Кавелахта	Карвала
Нижняя	Мюреля
Расколово	Александровка
	Куприяновка
	Кюллизи
	Тайголази
	Пелгола
	Паюла
	Перекуля
	Ретселя и др.
	Староста А. Зарин
	Старшина Каулин Иван Иванович

комьяги, Пеккозимяги, Пулкизимяги, Туйпо, Лампула.

Городское управление Красного Села находилось на проспекте Ленина (Главная улица), дом 72. Бургомистром был Адамсон, управляющим трудовым лагерем — А.А. Молотков. В Тайцах находилась трудовая комендатура. В Дудергофе в доме 37 по Советской улице располагалась своя комендатура.

Немцы педантично проводили учёт всех домов в Красном Селе. В апреле 1943 года в Красном Селе немцы занимали 225 домов, из них воинская часть — 190, гражданское

население — 583 дома, свободно — 40, за текущий год за ветхостью и на дрова разобрано 98 домов.

20 марта новый начальник коммунального отдела Самрякова Е.А. приняла 10 инвентарных книг домов, расположенных на 58-ми улицах Красного Села.

Была проведена перепись всего Красного Села. На каждой улице, в каждом доме жителей переписывали пофамильно. Часто записи велись в тетрадях, выпущенных до войны на Красносельской бумажной фабрике. Встречаются записи на оборотной стороне

ФАБРИЧНЫЙ ПОСЕЛОК, ОКТЯБРЬ 1941

КРАСНОЕ СЕЛО, СЕНТЯБРЬ 1941

КРАСНОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ, ЗИМА 1941-1942

СТАНЦИЯ КРАСНОЕ СЕЛО, СЕНТЯБРЬ 1941

листовки Русской освободительной армии.

Подробный учёт населения был и в окрестных деревнях. Учитывалось общее количество жителей, а также количество мужчин, женщин и детей до 14 лет; количество финнов, эстонцев, латышей, украинцев и прочих.

В Дудергофе на 11 августа 1943 года было 534 человека, 125 детей, 194 беженца.

В одной из справок число родившихся с 22 июня 1941 года по 1 июня 1943 года составляло 11 человек. Одним из которых является краевед и житель посёлка Алексей Михайлович Степанов.

Всё трудоспособное население должно было работать. Им выдавался паспорт, в котором указывался возраст, довоенная профессия, место, где работали до 20 июня 1941 года и где работают сейчас. Такой паспорт получила мать Евгении Павловны Новожиловой, жительницы п. Можайский. Для занятия частным промыслом надо было заплатить за патент 300 марок и ежемесячно выплачивать в городскую казну 200 марок. Дети до 14 лет обязаны были посещать школу. Тем, кто пропускал школу, присылали повестки, их разносил участковый полицейский. Е.П. Новожилова рассказывала, что в школах особенно и не учили. Перед тем, как впустить в школу, осматривали — нет ли вшей.

В оккупированном Дудергофе работали детский сад, русская школа, финская школа, амбулатория, а в Виллози — молочный пункт. В ведомостях на получение зарплаты можно поимённо узнать, кто трудился в этих учреждениях. В Красном Селе работали русская школа, русская больница, детский сад, парикмахерская.

Все работающие были разбиты на отдельные трудовые лагеря. Один такой лагерь обслуживал железную дорогу. В документах он так и назван «Железная дорога», с перечислением жителей, живущих в нём. Это — территория вдоль железной дороги между Красным Селом и Дудергофом. В ведомостях чётко указаны сферы работы: сельское хозяйство, лесное хозяйство, железная дорога, служба при германском управлении, русская администрация. Жители Дудергофа часто работали на вырубке леса на Дудергофских высотах. Всех работающих кормили один раз в день. Поваром комендатуры был Михаил Колчин, живший на пр. 25 Октября в доме № 10. Об этом рассказала Е.П. Новожилова, потом этот факт подтвердился в архивном документе.

В деревнях были назначены старосты и старшины, их полномочия пока не совсем выяснены. Каждые 2 недели старосты деревень подавали сводку о рождении и смерти по деревням. Эти сводки передавались

в регистратуру Красного Села. По приказу бургомистра Красного Села Адамсона заведующий регистратурой Аникин А.А. должен был к 9 часам утра восьмого числа каждого месяца предоставлять подробные сведения о жителях и наличии скота.

На Ореховой горе в посёлке Можайском сохранилась могила Игоря Жолобова, погибшего в 1943 году. В одной из сводок за 19 июля 1943 года сообщается: «15 июля умер Жолобов Игорь Васильевич, 1925 года рождения. Причина смерти — несчастный случай: раздавлен поездом». Игорь работал сцепщиком вагонов в Тайцах.

Красное Село было поделено на участки, за которыми закреплялись участковые. По ведомостям за 1943 год насчитывается 10 таких участков. Начальником полиции в 1943 году был Иван Лыков. Полицейские участковые вели дневники, в которых записывались их каждодневные дела с отметкой о выполнении. Что же делали участковые? Разносили повестки на биржу труда, повестки школьникам, которые не ходят в школу, повестки о квартплате, повестки на изъятие скота, проверяли штрафы, санитарное со-

стояние домов. Иногда по доносам граждан делали в домах обыски. Но это касалось только бытовых моментов. В одном доносе содержались сведения, что житель одного дома продаёт мыло в большом количестве. Во время обыска в подвале этого дома нашли запасы мыла, оставшегося ещё с довоенных времён.

Летом 1943 года в дневниках полицейских появляется запись о повестках на эвакуацию.

В повестке указывалось, когда и куда должен был явиться человек. Предписывалось упаковать только годные вещи, вынести их и поставить у дверей. Если брали корову, то надо обратиться к заведующему лагерем Молоткову А.А., и он укажет, куда поставить корову. Выполнение обязательно. Срок на сборы — 24 часа. Повестка была подписана: «работодатель граф фон Клейст-Ретцов». Массовая эвакуация в Эстонию проходила в июле-сентябре. Инвалиды эвакуировались в Опочку Псковской области. Квартиры эвакуированных граждан вскрывались, и имущество описывалось.

Как рассказывала Е.П. Новожилова, к

КРАСНОЕ СЕЛО

ним в дом пришёл волостной старшина Иван Каулин и сказал, что немцы готовят-ся брать Ленинград, жители окажутся в по-лосе наступления и для их же безопасности им надо переселиться. Эвакуация проходила чётко и быстро.

В дневнике полицейского 5 участка Крас-ного Села Елесина с 25 июня появляются записи о повестках на эвакуацию. 29–30-го июня шла подготовка к эвакуации. 1 июля 1943 года запись гласит: «Участок закрыт по причине отсутствия жителей».

Прибывшие на сборный пункт грузились в товарные вагоны и в тот же день отпра-влялись в Прибалтику. Кого-то отправляли потом в Германию, в концлагеря, или они работали в хозяйстве немецких бауэров. О пережитом рассказывали чудом уцелевшие люди. Об этом можно прочесть и в упомя-нутом мною сборнике «Пусть не прервётся связь времён».

На 1 января 1943 года в Красном Селе насчитывалось 3438 жителей, детей — 816, беженцев — 261 человек. 10 марта 1943 года жителей было уже 3263 человека. Людей на-

чали эвакуировать в Прибалтику, Финлян-дию. Летом-осенью эвакуация стала мас-совой. Всего в Красносельском районе на 7 июля 1943 года проживали 5011 человек, финнов — 2399, русских — 2428, прочих — 185. В январе 1944 года, когда 63 и 64 Гвар-дейские стрелковые дивизии освобождали Дудергоф и Красное Село, в этих населённых пунктах гражданского населения не было.

Источники:

1. РГИА (Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге). Ф. 3355. Оп. 5. Д. 11
2. Мосунов В.А. Битва за Ленинград: неиз-вестная оборона. — М.: Яуза: Эксмо, 2014. — 384 с.
3. Жуков Д.В. Битва за Ленинград. Мы погибли, чтобы жили вы: фотоальбом — Санкт-Петербург: Историко-культурный центр Карельского перешейка, 2015. — 95 с.: ил. — (Забываемые кадры = Forgotten images: 1941–1945).
4. Воспоминания Новожиловой Е.П., Сте-панова А.М.

КРАСНОЕ СЕЛО

ПЕТРОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОЭТИЧЕСКУЮ ГИПЕРБОЛУ МИХАИЛА ДУДИНА

В 1944–1946 годах, будучи учеником начальной школы в Дудергофе (Нагорном), в доме № 29А по проспекту 25 Октября, который находился у подножия западного склона Воро-ньей горы, я с друзьями катался на лыжах и санках с этого очень крутого склона. На её пло-ской, практически безлесной вершине, на отдельных соснах было несколько наблюдатель-ных постов немецких «кукушек», остатки двух маленьких окопов, соединённых коротким ходом сообщения (траншеей), несколько мелких воронок от снарядов или бомб, поэтому, прочитав в газете «Ленинградская правда» произведение Михаила Дудина «Песня о Воро-ньей горе», я очень удивился отсутствию там хоть каких-либо следов пребывания столь грозной пушки. Однако это удивление было недолгим и вскоре бесследно исчезло. А стихи были такие:

Весь Ленинград как на ладони
С горы Вороньей виден был.
И немец бил
С горы Вороньей.
Из дальнбойной «берты» бил.

Прислуга
В землю «берту» врыла,
Между корней,
между камней.
И, поворачивая рыло,
Отсюда «берта» била,
Била
Все девятьсот блокадных дней.

Полюбив краеведение, я усомнился в реальности описанной Дудиным картины стрельбы из «Берты» именно с Вороньей горы по Ленинграду и решил разобраться в этом вопросе скрупулёзно и объективно.

Прежде всего, надо было понять, что представляла собой эта страшная «Берта» и как она оказалась (могла ли оказаться?) на такой высокой горе с крутыми склонами.

Современные материалы о «Берте» не только в Интернете, но и в солидных печатных изданиях многочисленны и разноплановы. Из них вырисовывается следующая краткая характеристика: «Берта» была создана в Германии фирмой Круппа перед Первой мировой войной и являлась в то время самым мощным артиллерийским орудием для разрушения фортов и других крупных сооружений. Согласно легенде, пушка была названа «Большой Бертой», «Толстой Бертой», «Толстушкой Бертой» в честь жены, а по другим источникам — внучки Круппа. Краевед не может пройти мимо такого разночтения. Мои поиски привели к следующему: Берта фон Болен действительно была внучкой основателя фирмы Густава Круппа, но она же была и женой Альфреда Круппа, так что правильны оба статуса, надо только уточнять, о каком из Круппов идёт речь.

Осадная мортира «Берта» имела калибр 420 мм. Сравним: её младшие «братья и сёстры» «Густав», «Карл» и «Гамма» имели калибр 600 мм, «Дора» — 800 мм. К примеру, отлитая из бронзы в 1568 году Андреем Чоховым кремлёвская «Царь-пушка» имела калибр 890 мм.

«Берта» была на колёсном ходу; для перемещения на большие расстояния использовалась платформа-транспортёр. По некоторым данным, суммарный вес пушки (видимо, с платформой) составлял 40–48 тонн.

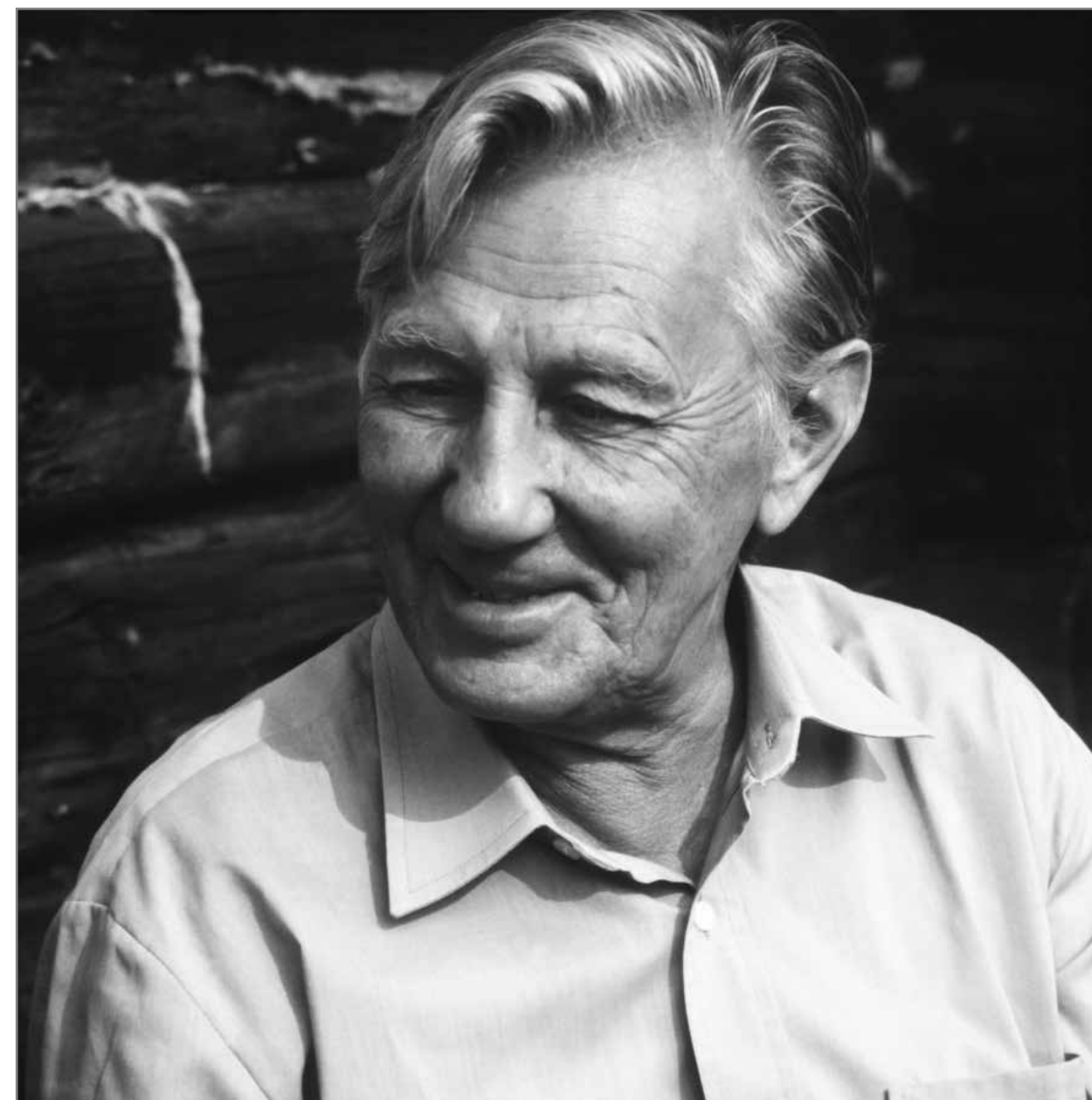
Стреляла «Берта» снарядами весом 820–900 кг каждый на расстояние 12,2–14 км. Фугасный снаряд при взрыве образовывал

воронку диаметром 10,5 м при глубине 2 м. Осколочный снаряд содержал 15 000 осколков, сохранявших убийную силу в радиусе до 2 км. Бронебойный снаряд разрушал оборонительные сооружения из стали и бетона толщиной до 2 м. Такие тактико-технические данные были рассчитаны не только на физический эффект, но и на огромный психологический эффект устрашения. Во всяком случае, больше нечем объяснить тот факт, что до настоящего времени «Берта» остаётся нарицательным именем самой грозной в мире пушки всех времён и народов, хотя на самом деле это не соответствует действительности.

Рассказы о «Берте» или предположительно о ней, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, встречаются как в интернете, так и в печатных публикациях. Например, корреспондент газеты «Красная звезда» А. Поляков в октябре 1942 года опубликовал статью «Конец «Берты»» с рассказом майора И.С. Жигарева об уничтожении его артиллеристами под Ржевом огромной пушки, которую он квалифицировал как «Берту», с фотографией какой-то большой пушки на гусеничном ходу. Эта же статья была перепечатана в газете «Правда». По сообщению ветерана НКВД Н. Евдокимова, существует журналистское расследование этого же эпизода.

Более того, имеется сообщение на сайте «Артобстрелы Ленинграда»¹ о применении «Берты» для обстрела Ленинграда со стороны Красного Села. К нему прилагается фотография «Берты» и ещё одной пушки с подписью: «Мортира, стрелявшая из Красного Села», а в тексте — «Мортира с Вороньей горы». При этом пушка «Берта» мало похожа на её другие фотографии, нет никаких свидетельств, что она имеет какое-либо отношение к Красному Селу и тем более Вороньей горе, а «пушка с Вороньей горы» вообще без колёс и не похожа на фотографии «Берты». Откуда взялись эти материалы, не сообщается.

¹ paneuin.ru

ДУДИН М.

Красочное описание стрельбы из «Берты» приводит на сайте «На защите Невских мостов» П.А. Покрышев: «Осадная мортира «Толстая Берта» калибра 420 мм была установлена на железнодорожном транспортёре. Её снаряд весом почти тонну летел с леденящим душу свистом, а в разрывной воронке свободно помещался двухэтажный дом. Мортира выпускала всего лишь один снаряд и быстро перемещалась. Транспортёр ходил по колее, проложенной в густом лесу, и не просматривался. Способ ведения огня был такой: на место будущей огневой позиции мортиры ставилось обычное тяжёлое орудие и велась им пристрелка цели. Затем данные пересчитывались для «Берты», подъезжал транспортёр, и мортира производила свой единственный выстрел». Источника, откуда автор получил эти сведения, не приводится. Безусловно, по крайней мере, одно обстоятельство: транспортёр с пушкой мог

двигаться только по идеально ровной плоской местности (железной дороге), поэтому на Вороньей горе он оказаться не мог ни при каких условиях, да и долететь «до Невских мостов» снаряды «Берты» просто не могли.

Приведённые и многие другие проанализированные мною материалы однозначно показывают, что на Вороньей горе «Берты» никогда не было и быть не могло в принципе.

К этому можно добавить ещё несколько дополнительных аргументов. Ответственность за первый из них я беру на себя. Как я уже сообщал в начале публикации, на вершине Вороньей горы не было ни малейших следов крупных земляных работ, в том числе дорожных. А ведь если бы на Вороньей горе только началась подготовка огневой позиции для «Берты» (дороги, укрытия, маскировка, бытовки для сотен строительных рабочих и нескольких сотен человек расчёта орудия), они были бы тотчас обнаружены нашей разведкой, в том числе авиационной.

А уж после первых выстрелов пушка была бы немедленно уничтожена авиацией или артиллерией, в том числе главным калибром кораблей Балтфлота из района Ораниенбаума. Так что стрелять по Ленинграду с Вороньей горы «Берта» не могла бы не только «все девятьсот блокадных дней», а даже в течение одного-двух дней.

А теперь самые главные и бесспорные аргументы. Во-первых, по условиям Версальского договора все 14 созданных на заводах Круппа «Берт» были уничтожены, так что ни под Ленинградом вообще, ни тем более на Вороньей горе их быть не могло. Во-вторых, при дальности стрельбы 12–14 км с Воро-

ньей горы её снаряды не могли достичь даже южных границ Ленинграда. В-третьих, ни в официальных документах, ни в солидных монографиях, ни в многочисленных воспоминаниях блокадников нет ни малейшего упоминания очевидцев, свидетелей, которые бы лично видели это орудие, результаты его применения.

Подвожу итог: пушки «Берты» на Вороньей горе не было и быть не могло. Честный поэт-фронтовик Михаил Дудин поверил рассказам о легендарной пушке и упомянул её в своих замечательных стихах. Я, как исследователь, разобрался в ситуации, но результаты моего разбирательства никак не уменьшают достоинств замечательных стихов замечательного поэта.

Используя юридическую терминологию, поэтическую гиперболу М. Дудина можно считать следствием его «добросовестного заблуждения». В этом нет ничего предосудительного, да и вредных последствий никаких нет, даже психологических. Не было стрельбы из «Берты» с Вороньей горы по Ленинграду 900-килограммовыми снарядами, зато снарядами дальнобойной тяжёлой артиллерии Ленинград обстреливался регулярно, это исторический факт, который я помню по своим личным впечатлениям свидетеля. Сообщалось о применении по городу 500-килограммовых авиабомб. Почти каждый ребёнок блокадного Ленинграда имел коллекцию осколков снарядов и бомб, стабилизаторов зажигательных авиабомб. Так что моё расследование про «Берту» просто восстанавливает историческую правду, ничуть не принижая художественных достоинств стихотворения М. Дудина.

ФИЛИМОНОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ

ДЕЙСТВИЯ 602-ГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА

109-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

В ХОДЕ КРАСНОСЕЛЬСКО-РОПШИНСКОЙ

НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

(13-20 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА)

РОЖДЕНИЕ ПОЛКА

Комплектование 109-й Ленинградской краснознаменной стрелковой дивизии личным составом в ходе подготовки к операции «Январский гром» велось в ноябре-декабре 1943 года и в основном закончилось к 1 января 1944 года. Штатная численность дивизии была доведена до 4000 человек личного состава. Пополнение поступало в основном из госпиталей, тыловых частей и запасных стрелковых полков на основании приказа командующего Ленинградским фронтом от 29.10.1943 г. № 134 и приказа командующего 42-й армией от 30.10.1943 г. № 127. Приказами предписывалось прохождение медицинского переосвидетельствования всеми военнообязанными мужчинами рядового и сержантского состава в возрасте до 50 лет включительно, признанными ранее годными к нестроевой службе, за исключением подходящих под действие п. п. А и Б ст. 76 приказа НКО N336-42 г. (прим. — расписание болезней 1942 года, пункты А и Б — внутренние и психические болезни). Всех признанных годными к службе должны были немедленно перевести на строевые должности в боевые подразделения. Личный состав поступал через 36-ю запасную стрелковую дивизию и направлялся непосредственно в запасные стрелковые полки, расположенные на северо-западных окраинах города. 602-й стрелковый полк был расквартирован в Лахте.

В соответствии со сложившейся к тому моменту практикой комплектования стрелковых полков, из личного состава полка сформировали три стрелковых батальона по три стрелковых роты численностью 80 человек в каждой.

По табелю срочных донесений численный состав полка на момент начала активной фазы наступательной операции 15 января 1944 года составлял:

Начальствующий состав	Сержанты	Рядовые	Всего
154	454	987	1595

На вооружении стрелковой роты имелись 31 винтовка, пулемёт системы Максима, 7 ручных пулемётов, 31 пистолет-пулемёт Дегтярёва, а также два миномёта калибра 50 мм.

Командование полком осуществляли: командир полка — полковник Путятин Павел Дмитриевич, 1905 года рождения; начальник штаба — майор Мелехин Алексей Дмитриевич, 1921 года рождения (награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны I-й степени за участие в наступательной операции); командир ПНШ-1 — капитан Столяров Павел Никитич, 1915 года рождения; командир ПНШ-2 — капитан Улитин Виктор Андреевич, 1919 года рождения.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ И
ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТНОСТИ

В соответствии с общим планом наступательной операции 109-му стрелковому полку¹ в составе 109-го стрелкового корпуса 42-й армии ставилась задача нанести удар по позициям противника на участке Урицк – Старо-Паново – Финское Койрово – Кискино в направлении Ропши, и совместно с частями 2-й ударной армии, ведущими наступление с Ораниенбаумского плацдарма, окружить и уничтожить группировку гитлеровцев в Урицке, посёлке им. Володарского и Сосновой Поляне.

602-й СП обеспечивал правый фланг дивизии на участке от Балтийской железной дороги до церкви в Старо-Паново. В центре, на участке между железнодорожной платформой и рощей у деревни Финское Койрово, действовал 381-й СП. Левый фланг дивизии удерживался силами 456-го СП.

Исходное положение для наступления 602-го СП находилось в ложине, вдоль реки Койровки оборону на этом участке держал 187-й СП 72-й стрелковой дивизии, подразделения которого сменили в ночь на 15 января 1944 бойцы 602-го СП.

Подразделения полка на этом участке располагались в следующем порядке: справа 3-й стрелковый батальон, в центре 1-й стрелковый батальон, слева 2-й стрелковый батальон; батальоны были развёрнуты в два-три эшелона. Штаб полка на момент начала операции находился непосредственно в ложине реки Койровки. Артиллерийскую поддержку наступления осуществляли 104 миномётный и 404 артиллерийский полки, в задачу которых входило подавление неприятельских огневых точек до начала наступления пехоты.

Противник на участке боевых действий 602-й СП оборонялся силами 126-й пехотной дивизии 50-го армейского корпуса 18-й армии Вермахта. Оборонительные позиции противника представляли собой расположенный на возвышенности эшелонированный укрепленный район с оборудованными огневыми точками, прикрытыми естественными препятствиями и проволочным заграждением. Состав и расположение вражеских войск на момент наступления были известны командованию 602-го полка.

Согласно плану наступательной операции 109-я стрелковая дивизия должна была пе-

¹ Далее стрелковый полк – СП.

рейти в наступление с рассветом 15 января. Во время занятия исходного рубежа и начала боевых действий стояла сухая и ясная погода: лунная ночь и осыпавшийся сухой снег препятствовали скрытному занятию позиций.

НАСТУПЛЕНИЕ

Вечером 12 января 1944 года, ровно в 20:00 полк покинул район расквартирования в посёлке Лахта и совершил пеший марш в район сосредоточения на проспект Стачек, куда прибыл к 03:00 13 января 1944 года.

В течение дня личный состав осуществлял подготовку к занятию позиций; к полуночи миномётные и пулемётные роты, а также снайперские подразделения заняли исходное положение. Противник проявлял огневую активность, подвергая массированному артиллерийскому обстрелу дорогу, долину реки и передний край обороны. 14 января подразделения полка закончили подготовку к наступлению и около 20:00 выступили на рубежи атаки. Поздней ночью 15 января завершилась смена на позициях подразделений 187-го СП, исходное положение для наступления по фронту было занято: справа Балтийская железная дорога, слева Старопановская церковь.

Полку объявляют задачу: выступить в направлении Старо-Паново к перекрёстью железных дорог и атаковать противника по линии Балтийская железная дорога — Старопановская церковь. Ближайшая задача состояла в том, чтобы уничтожить врага в опорных пунктах у железнодорожного моста, возле церкви в Старо-Паново, под станцией Лигово и у развилки дорог. В последующем предполагалось развить наступление и овладеть амбу-

КРАСНОСЕЛЬСКО-РОПШИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ, ЯНВАРЬ 1944

латорией, северо-восточной частью Урицка, сажевым заводом, обеспечить правый фланг дивизии со стороны Урицка и Сосновой Поляны.

Пятнадцатого января в 9:20 началась артподготовка силами 104-й МП и 404-й АП, которая продолжалась 1 час 40 минут. Противник открыл ответный массированный огонь по переднему краю нашей обороны.

В 11:00 по сигналу «серия красных ракет» подразделения полка перешли в атаку, но под массированным огнём противника вынуждены были залечь на нейтральной полосе. При первой атаке полк понёс значительные потери: включая 15 раненых и 3 убитых офицера. Командование полка сочло причиной неудачи слабую артподготовку, не достигшую цели подавления огневых точек противника. Ввиду больших потерь 1 и 2 батальоны были сведены в один, принято решение дожидаться наступления темноты и повторить атаку. Все это время противник продолжал вести миномётный огонь короткими налётами, активно работали вражеские снайперы.

Повторная атака, предпринятая вечером 15 января, также не имела успеха, несмотря на проявленные советскими воинами мужество и героизм. Заместитель командира 2-го стрелкового батальона капитан Василенко Д.Ф. личным примером поднимал бойцов в атаку и фактически осуществлял командование сводным батальоном вплоть до окончания наступательной операции.

Командование полка приняло решение повторить атаку на следующий день перед рассветом. 16 января подразделения полка дважды, в 4:05 и 9:40, после десятиминутной артподготовки переходили в атаку, но были отброшены на исходные позиции интенсивным пулемётным и артиллерийским огнём противника. К вечеру 16 января потери полка составили до 40% численного состава, выжившего после боев 15 января. В период с 15 по 20 января штаб полка предоставлял документы по табелю срочных донесений формально, без указания в них фактических потерь. На обороте донесения за 16 января имеется карандашная пометка начальника штаба майора Мелехина: «До 20 числа потери не рассчитывать».

Утром 17 января была предпринята последняя атака на Старо-Паново, стрелковые батальоны дополнительно усилены резервом командира полка и ротой автоматчиков. Однако подразделения полка снова вынуждены были отойти на исходные позиции с большими потерями. К тому времени 602-й и 381-й стрелковые полки потеряли более 60% личного состава убитыми и ранеными. Командование дивизии приняло решение перебросить остатки 602-го СП в рощу у Финского Койрова с целью атаковать противника в Ново-Паново. 381-й СП из этого же района осуществлял наступление на Сосновку.

В 18:00 17 января сводный батальон 602-й СП под командованием капитана Василенко покинул позиции в ложине реки Койровки, оставив для прикрытия рубежа пулемётную и миномётную роты. К 3:00 18 января подразделения укрылись в роще у деревни Финское Койрово, откуда планировали наступать в направлении Ново-Паново. Противник проявлял огневую активность, ведя по роще массированный артиллерийский огонь, в том числе с использованием шестиствольных миномётов. Рубеж обороны противника проходил по восточному берегу реки Дудергофки.

18 января дважды, в 11:00 и в 18:00, подразделения полка переходили в атаку, но интенсивным огнём противника были отброшены обратно на опушку рощи. В ходе атак 18 января непосредственное участие в боях принимали начальник штаба майор А.Д. Мелехин и начальник разведки капитан В.А. Улитин.

18 января около шести часов вечера противник спустил по Лиговскому каналу воду из Красносельского водохранилища, что вызвало значительный подъём уровня воды в кана-

ле и отрезало штаб полка, укрытый в роще у Финского Койрова, от передовых позиций за Лиговским каналом. Командир полка потерял связь со штабом и вынужден был переправляться вплавь через канал в направлении рощи.

Появление воды в канале имело тяжёлые последствия для передовых частей красноармейцев, так как лишило их возможности пополнения боеприпасов, запасов воды и пищи. Весь личный состав штаба полка был привлечён к наведению переправы, строительство которой значительно осложнялось постоянным обстрелом, отсутствием инструментов и транспорта, а также постоянно повышавшимся уровнем воды в канале. Строительство переправы продолжалось вплоть до утра 19 января. В течение этого времени подразделения полка за Лиговским каналом оставались полностью отрезанными от тылов, не имея возможности для эвакуации раненых.

Вечером 18 января, ввиду отсутствия продвижения дивизии на этом участке, комдив передал письменный приказ командиру 602-го СП лично возглавить атаку и выполнить поставленную задачу. В то же время подразделения 2 УА уже значительно продвинулись на занятую врагом территорию, овладели Ропшей и создали реальную угрозу окружения противника в районе Урицк – пос. Володарского – пос. Горелово.

В ночь на 19 января немцы начали организованный отвод войск из данного района, и приказ командира дивизии был отменен ввиду поступивших данных разведки. Вместо этого было принято решение организовать решающую атаку утром 19 января. К этому времени в полках осталось в строю менее одной роты, 381-й СП вёл наступление на Сосновку силами сорока пехотинцев. Из-за нехватки боеприпасов батальоны иногда вынуждены были использовать трофейное оружие, собранное на поле боя. Противник вёл шквальный артиллерийский огонь, интенсивно освещал местность ракетами, чтобы обеспечить своим частям отход с занимаемых позиций. К 3 часам утра огонь стих, на линии фронта установилась почти полная тишина.

Утром 19 января было завершено строительство переправы, доставлены боеприпасы и накормлен личный состав. В 12:00, после короткого артоналёта, подразделения советских войск перешли в решительную атаку. Враг оказывал незначительное огневое сопротивление, вёл редкий пулемётный и автоматный огонь. Подразделения красноармейцев стремительно продвигались вперёд, врываются в траншеи противника. Вражеские автоматчики, бросая оружие, разбежались.

В 13:30 лощина реки Дудергофки была полностью очищена от фашистских захватчиков. Преследуя отдельные группы противника, стремительно отступавшие в направлении пос. Володарского, советские войска вышли на южную окраину Сосновой Поляны и в 14:30 соединились с частями 125-й стрелковой дивизии, которые при поддержке танков вели наступление на немецкие позиции у посёлка Володарский.

В 17:30 подразделения достигли ж/д платформы посёлка Володарский и по инициативе начальника штаба развили наступление на посёлок Ленина с задачей отрезать пути отхода разбитым подразделениям противника, находящимся в Урицке.

В 19:30 подразделения достигли пос. Ленина, встречая незначительное сопротивление врага. К ночи на 20 января 602-й СП вошёл в посёлок Немецкая Колония и расположился на отдых. Отступая, противник взорвал мосты и дороги, поэтому передвижение транспорта по ним было невозможно, и тыловые части полка отстали. Мирное население посёлка было угнано противником.

В дальнейшем, в период с 21 по 24 января 1944 года, полк передислоцировали в район Нового Петергофа, где он находился в резерве дивизии на переформировании.

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ ПОЛКА В ПЕРИОД ОПЕРАЦИИ

Безвозвратные потери полка в период с 15 по 20 января 1944 года составили:

	Начальствующий состав	Сержанты	Рядовые	Всего
Убито	14	78	135	227
Ранено	38	162	406	606
Пропало	—	46	77	123
Итого	52	286	618	956

Значительный объем потерь полка не был учтён непосредственно 21–24 января ввиду полного выбытия младшего и среднего командного состава, комплектования пополнением. В дальнейшем при переформировании полка под Нарвой приказом от 25 апреля 1944 № 105 были списаны свыше 300 человек личного состава как «выбывшие по ранению в различные госпитали». Даты выбытия указаны в приказе с января по март 1944 года, некоторые воины были объявлены убитыми, и в настоящее время их останки покоятся в братских могилах в Лигово, большинство же до сих пор числится пропавшими без вести.

Источники:

1. ЦА МО РФ. Книга учёта личного состава 602 сп 109 сд. — Центр. архив Мин. обороны РФ. Ф. 7252. Оп. 112747с. Д.5

2. ЦА МО РФ. Приказы 602 сп 109 сд. — Центр. архив Мин. обороны РФ. Ф. 7252. Оп. 113112с. Д. 11

3. ЦА МО РФ. Журнал боевых действий 602-сп 109-сд. — Центр. архив Мин. обороны РФ. Ф. 7252. Оп. 1. Д. 72, лд 1-25

4. ЦА МО РФ. Переписка по табелю срочных донесений 602 сп 109 сд за 1944 г. — Центр. архив Мин. обороны РФ. Ф. 7252. Оп. 31115с. Д.1, лд 40-45.

КАЗАНКОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
СТАРО-ПАНОВО. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ
ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ
ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Краеоведам хорошо известен фрагмент немецкой полосы обороны времён Великой Отечественной войны, сохранившейся, в том числе, и на юго-западных и южных окраинах Санкт-Петербурга. Представлена эта полоса обороны серией уцелевших немецких железобетонных сооружений типа «Ringstand 58»¹. Эти сооружения выстроены в единую линию, в черте города проходящую от территории муниципального образования «Урицк» Красносельского района до территории муниципального округа «Город Павловск» Пушкинского района.

Интересно то, что в данной линии немецких фортификационных сооружений ещё существуют «бреши», которые не до конца изучены. Ещё остаются участки, на которых найдены сооружения сильно разбросаны по территории, что даёт повод усомниться в известности всех сохранившихся немецких долговременных огневых позиций времён войны.

СООРУЖЕНИЕ ТИПА «RINGSTAND 58»
НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ РЕКИ ИВАНОВКА, ФОТО 2015 ГОДА

ДОТ В СТАРО-ПАНОВО, ФОТО 2014 ГОДА

ДОТ В СТАРО-ПАНОВО,
ЧЕРТЁЖ

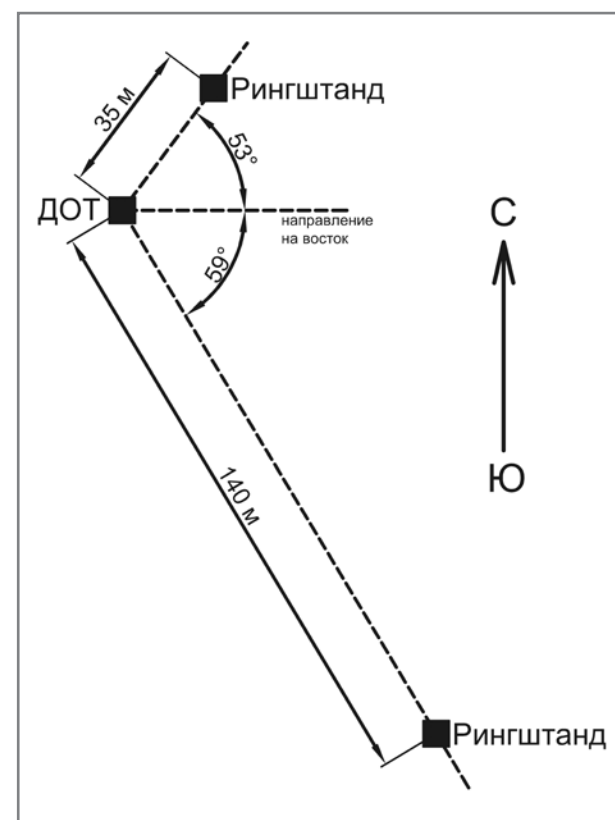
¹ Другие названия данного типа железобетонных огневых точек: «Regelbau 58», «VF58», «Bauform 201», «Bauform 202», «Tobruk».

На территории Красносельского района Санкт-Петербурга на восточном берегу реки Ивановки расположены три сооружения типа «Ringstand 58». До недавнего времени ближайшими подобными сооружениями считались огневые точки вблизи Волхонского шоссе, северной части Виллозского городского поселения Ломоносовского района Ленинградской области. Весной 2015 года исследователем Александром Коровиным была найдена ещё одна огневая точка вблизи пересечения Волхонского шоссе и реки Дудергофки на расстоянии почти четырёх километров от известных огневых точек на берегу реки Ивановки в МО «Урицк». Долгое время существовало предположение, что на территории Красносельского района между ними сохранились промежуточные немецкие фортификационные сооружения времён войны. И это предположение недавно подтвердилось.

В 2013 году в газете «Красносельский район» вышла статья под названием «Рабочий характер», рассказывающая о жизненном и трудовом пути жителя Старо-Паново, полного кавалера Ордена Трудовой Славы Семёнова А.М. В этой статье упоминался интересный факт: вернувшись после войны на свой родной участок в Старо-Паново, семья Семёнова А.М. нашла на этом участке долговременную огневую точку – дот! В статье также была приведена фотография, доказывающая, что это не ошибка. К счастью, эта статья не прошла мимо исследователя немецкой фортификации Константина Битюкова, который вместе со своим коллегой Александром Коровиным, проведя большую работу, смог определить, о каком дачном участке идёт речь в статье. Но рассмотреть на участке что-то конкретное и побеседовать с хозяевами не получилось.

В мае 2014 года Константин Битюков прислал эту информацию с координатами мне, так как на тот момент мы уже находились с ним в переписке по вопросу поиска немецких фортификационных сооружений

ПЛАН РАСПОЛОЖЕНИЯ НЕМЕЦКИХ
ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ СООРУЖЕНИЙ В СТАРО-ПАНОВО

в окрестностях Старо-Паново. Данная тема меня очень сильно заинтересовала, и я решил ей заняться.

После знакомства и беседы с доброжелательными хозяевами указанного участка и лично с Семёновым А.М. я убедился, что никакой ошибки тут нет — в Красносельском районе Санкт-Петербурга, в историческом районе Старо-Паново, на частном дачном участке располагается небольшой бетонный двухамбразурный дот! В наши дни дот имеет деревянную пристройку и приспособлен хозяевами под баню. Благодаря доброжелательности хозяев участка, я смог детально изучить данное фортификационное сооружение. Стоит заметить, что деревянная пристройка очень осложнила процесс снятия замеров.

Конструкция дота необычна. Боковая стена высотой 1,6 м, начинающаяся от северо-западного угла дота, создаёт полу-

СООРУЖЕНИЕ ТИПА «RINGSTAND 58» В СТАРО-ПАНОВО

открытую позицию с ориентированной на северо-восток (в сторону города) амбразурой. Внутри самого дота, в плане прямоугольного, находится закрытая позиция с амбразурой, ориентированной на юг — юго-восток. Амбразуры были предназначены для пулемётных орудий.

В наши дни обе амбразуры заложены кирпичом (по этой причине измерить толщину стен не представилось возможным, так как других сквозных отверстий в стенах дота не было). По воспоминаниям хозяев участка, в юго-восточном углу потолка внутреннего помещения имелось круглое отверстие диаметром не менее полуметра. Высота сооружения — более двух метров. Толщина стен дота составляет около 60 см!

Схем или фотографий огневых точек аналогичной конструкции найти не удалось.

Дот имеет немецкое происхождение. В пользу этой точки зрения говорит ряд доводов:

1. Амбразура полуоткрытой позиции была ориентирована в сторону советских позиций и Ленинграда. Для защиты города такая позиция была бы бессмысленна.

2. Дот с северной стороны и снаружи не имеет существенных повреждений и следов боев. Это говорит о том, что он был построен после разрушительной Старо-Пановской

операции лета 1942 года. С осени 1942 по начало 1944 года Старо-Паново находилось в руках именно немцев.

Версия о немецком происхождении дота с самого начала была высказана также и хозяином участка. Как вспоминает Семёнов А.М., их семья, покидая осенью 1941 года свой участок, отчётливо помнила, что никакой железобетонной огневой точки на их участке не было.

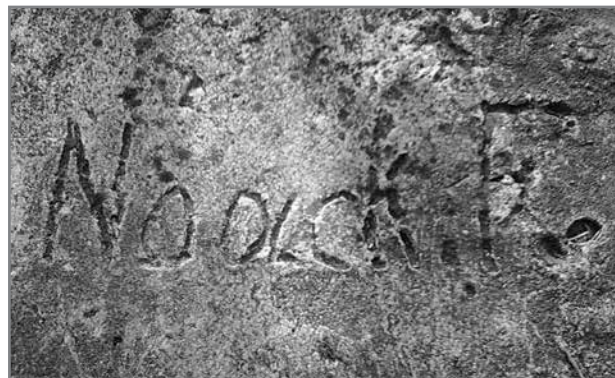
Разговор с Семёновым А.М. привёл меня к новому открытию: оказалось, что в окрестностях дота до настоящего времени сохранились ещё два немецких бетонных бункера. По его воспоминаниям, после войны все эти три сооружения были связаны единой системой ходов.

После обследования указанных местной было обнаружено, что два других немецких бетонных сооружения действительно существуют! Находятся они также на территории дачных участков исторического района Старо-Паново. Сооружение, находящееся к юго-востоку от дота — типовое сооружение типа «Ringstand 58». Своеобразной особенностью этого сооружения является надпись «Noack F.», выведенная ещё на незастывшем бетоне и означающая, предположительно, чью-то фамилию и первую букву имени. Однозначно определить ориентацию сооружения под землёй не удалось. Сохранность данного сооружения хорошая.

Бетонное сооружение, располагающееся севернее дота, имеет не совсем стандартную форму. Хозяевами участка оно приспособлено под клумбу. Добиться разрешения осмотреть это сооружение вблизи и снять замеры не получилось. Ввиду меньших размеров, а также того, что данное сооружение располагается относительно недалеко от дота, можно сделать предположение о том, что оно являлось наблюдательным пунктом или укрепленным входом в подземные ходы сообщений. Сохранность данного сооружения удовлетворительная.

При нанесении на карту мест располо-

СООРУЖЕНИЕ ТИПА «RINGSTAND 58» В СТАРО-ПАНОВО

жения всех этих трёх сооружений становится очевидно, что они также встраиваются в общую линию аналогичных сооружений на окраинах Санкт-Петербурга и являются продолжением полосы немецкой обороны.

Определить время постройки этих трёх сооружений не удалось. Изучение немецкого аэрофотоснимка Старо-Паново, датированного 13 мая 1943 года, однозначных результатов не дало.

Изучив секторы обстрела данных сооружений, мы пришли к заключению, что три найденных сооружения были связаны между собой и дополняли друг друга. Сооружение типа «Ringstand 58», находящееся к юго-востоку от дота, простреливало противоположный берег реки Дудергофки. Этим обеспечивалось, в том числе, и прикрытие дота с востока². Замаскированный толсто-стенный дот имел более выгодные условия для постоянного наблюдения за позициями советских войск и поэтому простреливал более удалённую территорию как в северо-восточном (малая амбразура), так и в южном, юго-восточном направлениях (большая амбатура).

Является спорным вопрос о мотивах устройства в найденном доте ориентированной на юг — юго-восток амбатуры. На данный вопрос однозначного ответа найти

не удалось. Можно сделать лишь предположение.

К югу от Старо-Паново, в районе бывшего Ново-Паново, русло реки Дудергофки делает изгиб в западном направлении и близко подходит к Земской улице и Таллинскому шоссе. Можно предположить, что в случае успешного советского наступления из района Лиговского канала или Волхонского шоссе данный участок мог оказаться удобным местом для попытки прорваться к шоссе и железнодорожной насыпи. Возможно, именно из-за подобных опасений данный участок немцами был усилен железобетонной огневой точкой. Установка же немецкой железобетонной огневой точки с амбатурой, направленной на восток, могла бы только точно защитить протяжённую береговую полосу Дудергофки, проходящую с севера на юг. Простреливать большую часть восточной береговой линии могла позволить только огневая точка с направлением стрельбы, примерно параллельным руслу реки. Именно дот с амбатурой, направленной на юг — юго-восток, то есть примерно вдоль береговой линии реки Дудергофки на данном изгибе, мог служить для контроля восточного берега реки Дудергофки в указанном участке³.

Надеюсь, что изучение военных документов сможет помочь ответить на данный вопрос.

Таким образом, в Красносельском районе Санкт-Петербурга стали известны ещё три сохранившихся фортификационных сооружения времён Великой Отечественной войны. Несмотря на прошедшие 70 лет с момента окончания войны, на территории Красносельского района находятся новые артефакты, которые раскрывают перед нами масштабы и значимость проходивших здесь великих событий.

² Сооружение типа «Ringstand 58» закрывало восточное «мёртвое пространство» амбатур дота.

³ За счёт того, что дот в Старо-Паново находится севернее описываемого изгиба реки, в сектор обстрела направленной на юг — юго-восток амбатуры попадает именно восточный берег реки Дудергофки, а не её русло.

ОСИПОВА ЭЛЬВИРА ЮРЬЕВНА НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

*Девятнадцатилетнему
Герою Советского союза,
рядовому Александру Типанову,
закрывшему собой вражеский дот
в бою под Красным Селом
18 января 1944 года, посвящая*

Я написать тебе давно
Хотел бы: «Здравствуй, Настя!
Мы столько лет с тобой в одном
Учились вместе классе.

Ты помнишь парту у окна
И в клеточку страницы?
И как тебя однажды я
Вдруг дёрнул за косицу...

Взметнулась ты, как фейерверк,
И головой качнула.
А я чуть было не слетел
Со школьного со стула...

А помнишь физика? — Он мог
Увлечь нас всех мгновенно!
С ним толковали мы про всё:
Про лес и поле, про костёр,
Про самобытность русских сёл,
Про звёзды во Вселенной...
Мальчишкам он любил твердить:
«Чтоб жизнь не оскудела,

Мужчина каждый должен три
Исполнить главных дела:

Во-первых, свой построить дом,
И вырастить в нём сына,
И посадить в краю родном
Хоть деревце едино».

Давно уж школа позади,
Нам нынче девятнадцать.
Но всё в ушах моих стоит
Звук прежних интонаций.

А значит, кончим лишь войну,
И я, лихой, задорный,
Тебя, конечно же, найду
И вновь, как раньше, подойду,
И за косицу дёрну.

И мы с тобой построим дом,
Ты мне подаришь сына,
И посажу я под окном
Берёзку или рябину.

* * *

Ну а пока что — вот мой фронт,
В боях под Ленинградом.
Я — пулемётчик, пулемёт
Всегда со мною рядом.
Мы наступаем третий день,
Долой фашистов гоним,
То их в сугробы до бровей
Швырнём, то сами тонем.

Но мы готовы в снег и вброд!
Да хоть на туче синей!
Лишь бы вперёд! Лететь вперёд!
Сражаться за Россию!

Однако, хватит мне мечтать.
Звучит команда: «К бою!»
Вот высота. И нужно взять
Её любой ценою!

Понятно?
— «Да!» — И, сжав ружьё,
Поднялась наша рота,
Стрелки — испытанный народ,
Гроза войны — пехота!

Вперёд! Клокочущей волной
Сквозь вихри пуль и пыли,
К вершине белой снеговой
Вперёд! — Мы так решили!

Но что такое? — Вражий дот
Проснулся вдруг на склоне,
Насквозь пространство режет, рвёт,
И даже крошит неба свод,
И мы — как на ладони.

Я вижу гибнущих ребят:
Кто вмиг упал, кто ранен,
Но все они словно кричат:
«Эй, Саня! Где ты, Саня?

Где твой могучий пулемёт?
Включай его скорее!

Размажь, разбей проклятый дот!
Ты можешь! Ты сумеешь!»!
А дот ощерился, как ёж,
И смотрит чёрным глазом.
Его так просто не пробьёшь -
Там стенки — в три фугаса.

И есть лишь узенькая щель,
Даже не щель, а щёлка —
Попасть в неё ещё трудней,
Чем нитку вдеть в иголку.

Из этой щели к нам летят
Немецкие гостинцы.
И лишь в неё воткнув снаряд,
Достать удастся фрица.

На всю гашетку я нажал,
Лицом примкнул к прицелу
И в тот чернеющий овал
Свой пулемёт нацелил.
Стрекочет верный пулемёт,
Несутся пули к цели,
Но рассыпаются, как лёд,
О толстые панели.

Огонь! — И вновь горячий свист!
Огонь! — И снова пламя!
Огонь! — Но снова бьёт фашист
В ответ, не умолкая.

Огонь! И вдруг — конец огня...
Висят пустые ленты.
Вы ждёте помощи, друзья,
А тут ... — патронов нету!

Но я же должен немца смять —
Надеются ребята...
Что делать? Чем же мне стрелять?
Ура! Нашёл! Граната!

И даже две ... — Готовься, враг!
Сейчас не будет скучно!

И помни впредь: «На Русь никак
Войной ходить не нужно»!
Беру гранаты — и наверх,
Вжимаясь в снег колючий,
Туда, откуда смерти смех
Разносится трескучий.

Взрывают пули вокруг меня
Воронку за воронкой,
А я ползу, как будто я
От пуль заговорённый.

И вот уже недалеко
До вражьей амбразуры.
Бросок! — И в дырку прямиком
Летят мои «бандуры».

Попал? — Похоже! Можно встать
И в новую атаку!
Но лишь привстали, дот опять
Застрекотал, заквакал! ...
И снова нам лежать в снегу
Приходится прилежно,
Как в школе лишь «врага», «врагу» —
Склоняя безуспешно.

А немец лупит, как шальной,
Всё резче и всё злее,
Словно от крови пролитой
Безудержно хмелея...

Но как ты, немец, не бузи,
Здесь все высоты наши!
За Русь же, знаешь, на Руси
И смерть принять не страшно!

За этот славный русский холм —
Да здоровствует отвага!
Я поперёк тебя крестом
Сейчас навеки лягу!

Заткну огня гремучий шквал,
Замкну и перекрою!
Самим собою! Наповал!
Живым самим собою!

Простите, милые друзья!
Но нынче здесь, у дота,
Пускай один останусь я,
Чем вся погибнет рота.
И я во весь поднялся рост,
Как будто вырос вдвое!
Вдохнул задиристый мороз,
И ввысь рванул... стрелою!

И сразу пуль звенящий рой
В моё вонзился сердце,
Пытаюсь трелью огневой
Унять азарт гвардейца.

О, как пылает моя грудь...
И кровь из раны хлещет...
И жар такой, что не вдохнуть...
И сталь внутри скрежещет...

И я уж даже не пойму:
Живой я или мёртвый,
Но всё бегу... бегу ... бегу...
Шаг третий... шаг четвёртый...

Ты погоди, стальная смерть,
Вращать свои качели.
Я уже твой... но дай успеть
Добраться мне до цели.

И снова вверх, как альпинист,
Немыслимым аллюром!
Вперёд! В последний свой круиз!
Взлетел! ... И рухнул прямо вниз,
Упал на амбразуру.

Ура! Я, кажется, успел!
И вширь раскинул руки...
Теперь не важно, мёртв или цел —
От смерти нет кольчуги.

Лежу... — И тысячи зарниц
Моё взрывают тело...
Как хорошо, однако, жить
На свете было белом.

* * *

Но полно!.. Хватит нам грустить,
Что время скоротечно.
Я сделал всё, чтоб Русь спасти,
И дот умолк навечно.

И нашей стала высота!
Опять, как прежде, нашей!
А это значит — неспроста
Я здесь погиб однажды.

Так было нужно. Час пробил —
Домой уж не вернуться...
И кос, о Настенька, твоих
Мне больше не коснуться.

Теперь и вы, навек, друзья!
Прощайте... И простите!
И долго-долго за меня
На свете проживите.

С любовью светлой за меня
Однажды повстречайтесь,
Прекрасной ею... за меня,
Как солнцем, восхищайтесь.

И дружный свой постройте дом,
И вырастите сына,
И посадите под окном
Берёзку иль рябину.

Ну и совсем уж уходя
Туда, где звёзды тают,
Я вас прошу сильнее меня
Любите Родину, друзья!
Она одна такая!

Чтобы жила святая Русь,
Добром приумножалась,
Врагам и недругам — на грусть,
Земле же всей — на радость!

10.02.2015

КУРЫЛЁВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Хочу поделиться с вами воспоминаниями о военном детстве одного жителя посёлка Горелово. Имя моего героя — Павел Фёдорович Соколов.

Семья Павла Фёдоровича Соколова относится к семьям, которых по указу Екатерины II привезли из Рязани на новое место жительства. Переселенцы — их было около 12 семей: Струговы, Хайловы, Потяновы, Соколовы, Комаровы, Красавины — образовали поселение Сосновка. К началу XX века деревня разрослась до 100 домов. Жители деревни оказались в гуще исторических событий, которые коснулись всех жителей России того времени: приход советской власти, создание колхозов, раскулачивание, высылка, расстрелы... К середине же XX века, после Великой Отечественной войны, деревня исчезла с лица земли.

У молодой семьи Соколовых — Фёдора Егоровича и Анастасии Николаевны (в девичестве Комаровой) — в 1931 году родился первенец — Павел. В год, когда началась

война, ему было 10 лет. То время он до сих пор помнит так, будто всё было вчера...

Павел Фёдорович вспоминает: «22 июня 1941 года в 6 утра мы узнали о войне. Отцу в тот же день пришла повестка — 23 июня к 7 утра явиться в Красное Село в военкомат.

В то время между Гореловым и Красным Селом ходили только электрички, автобуса не было. Приезжаем мы рано утром в военкомат, а военком ругается: «Ваша группа ушла в 7 часов!» Велели отцу явиться на следующий день, и 24 июня он ушёл рядовым в действующую армию. Остались мы с мамой и дедом. Дедушка, отец мамы, был частично парализован, у него не действовала правая рука.

13 сентября немцы заняли Горелово. До этого был сильный шрапнельный обстрел, кто-то из взрослых дал команду прятаться в погребах, и мы все, взрослые и дети, спасались там. В нашем погребе собрались человек 40, как в бомбоубежище. Слышны были звуки стрельбы, указания командиров на-

СОКОЛОВЫ ПАВЕЛ ФЁДОРОВИЧ И ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА

ших войск, потом автоматные очереди — это уже подходили немцы. Сидели мы в погребках, кажется, суток двое-трое, пока немцы с автоматами — человек 8 их было — не открыли наше убежище. Всех выгнали, осмотрели, к нам интереса не проявили — искали солдат. Дальше — кто-то опять залез в погреб, кто-то стал потихоньку пробираться к своему дому. А вокруг уже хозяйничали немцы. Заходили в дома, брали, что хотели. У нас перестреляли всех кур, зарезали поросёнка, всё унесли. Наш дом в деревне был крайним, мы построили его в 1938 году. Нас с матерью и дедом выгнали из дома, а из него сделали огневую точку: вырезали пол,

потолок, сделали в стене амбразуру. Справа от дома выкопали блиндаж, слева блиндаж, а в доме установили пушку, она стреляла по осаждённому Ленинграду. Наши орудия тоже не молчали, отвечали. Много народу в деревне погибло от обстрелов.

В сентябре-октябре жители Сосновки, спасаясь от обстрелов и голода, стали разъезжаться кто куда. Финское население (а финнов в Горелово было много) немцы переписали, дали им подводы до поезда и отправили через Таллин в Финляндию. Остальные, кто смог, подались подальше от города. Перебирались в деревни, в глушь — под Лугу, под Псков; кто куда мог, где были

родственники или знакомые. Тогда уехать можно было без пропуска — немцы видели, что беженцы, и не препятствовали. Все, кто сумел до марта 1942 года уйти, — ушли. Мы остались в Сосновке. Жили трудно, голодали, и мама с другими женщинами ходила в деревни менять вещи на продукты; ходили далеко, на несколько дней.

В феврале 1942 года, когда мамы не было почти две недели, умер дедушка.

В марте 1942 года всех дееспособных старше 16 лет отправили в Германию. Две семьи — нашу и Хайловых (их было четверо) — как трудоспособных оставили для обслуживания немцев. В Сосновке, кроме наших семей, местного населения не осталось.

На территории от Скачек до Горелова всего было оставлено человек 30. Все были на учёте. Жили мы по чужим домам, где укажет староста, нас несколько раз переселяли. Работали в основном на расчистке дорог от снега.

Утром 30 апреля 1942 года немцы велели нам до 18 часов покинуть Горелово. Они были очень строги к исполнению указов: за неподчинение — расстрел. Всем приказано было собраться в Виллози, в лагере для мирного населения. Собрали мы с мамой какие могли вещи, погрузили их на тележки и пошли в Виллози.

Лагерь для населения в Виллози размещался в «Доме с башенками». За пределы лагеря не выпускали, внутри помещения — трёхъярусные нары. Кормили — утром кружка кипятка и кусок хлеба из отрубей; в обед похлёбка из отрубей; вечером кружка воды и кусок хлеба из отрубей.

Мы с мамой жили так 2–3 недели. Когда пришло распоряжение набирать людей в трудовые лагеря, мы сразу решили проситься туда: там кормили лучше, и можно было свободнее передвигаться. Собралось нас человек 13, и в конце мая 1942 года мы пошли в лагерь у пос. Тайцы в сопровождении немецких патрулей.

Это было торфопредприятие. Занимались мы добычей торфа: вырезали его, скла-

дывали в кучи. Верхний слой, дерновой, шёл на машину, где его теребили и формовали на подстилку для скотины. Чёрный торф шёл на отопление. Работали на разных карьерах, и счастье, если карьер был сухой, а нет — стояли в воде, а резиновых сапог, как вы понимаете, у нас не было. Работали 6 дней, воскресенье — выходной. В будни — с 7 утра до 7 вечера, но кто к этому времени не делал норму, оставался и дольше, часто до темноты. Ведь если не выполнишь норму — лишишься пайка, а это смерть. Выполнение нормы проверялось утром. Дисциплина и учёт были строжайшие. Норма была — 125 квадратных метров для взрослых и 80 квадратных метров для подростков. Мне к тому времени было 11 лет. Паёк был 200 г муки и 200 г хлеба; ещё на 10 дней давали 200 г суррогата (что-то вроде маргарина) и 200 г соли. Это было очень мало, ведь работа была очень тяжёлая. Мы постоянно были голодными. Летом в рацион прочно входила трава. Пытались есть всё, что росло. От лебеды и белого клевера очень пухли; лука лесного и щавеля было не очень много, спасались осотом — сочная, мясистая трава. Сушили её, мололи, пекли лепёшки, в муке только обваливали.

Мой приятель Виктор Хайлов от такой пищи и работы не мог уже бегать; я ещё мог пробежать трусцой метров 50, мы были на грани.

Чуть облегчал наше положение рынок. Тем, кто работал в трудовом лагере, разрешалось оформить пропуск и в выходной сходить на рынок в Гатчину. На рынке 8-литровое ведро картофельных очисток стоило 80 рублей (очистки шли с немецких кухонь), буханка хлеба — 120 рублей. Вещей на продажу у нас уже не было, и мама продала обручальное кольцо за 600 рублей.

На торфопредприятии вначале нам за работу не платили, но старосты наши сумели выбить оплату; стали нам платить 125 рублей в месяц, это давало нам шанс ещё держаться.

И всё равно мы очень были ослаблены от голода, почти все — больны. У меня из-за постоянного поднятия тяжестей произошло опущение всех органов, боль в животе страшная, сил не было. Я свою норму — 80 квадратных метров — не успевал сделать до 7 вечера. Мать приходила ко мне на участок, и мы вдвоём доделывали мою работу, иногда затемно.

Наша жизнь, конечно, зависела от того, какой комендант был в лагере. Навсегда запомнился немец Вилле, очень жестокий был человек. У него была подзорная труба, в которую Вилле наблюдал за нашей работой. Если люди собирались в кучки или кто-то присаживался на минуту-другую отдохнуть, и это попадало в поле зрения Вилле, он тут же, вскочив на коня, оказывался со своей плёткой рядом. А плётка — тройной трос, сверху обтянутый кожей. Много он не бил, но вмажет 5 плёток — у человека все внутренние органы отбиты. Дяде Грише Барецкову дал 15 розг, и всё — человек умер. Очень его боялись и ненавидели. К счастью, он недолго надзирал за нами, его заменили русским эмигрантом, который в 20-е годы уехал из России. Этот человек нам немного помогал и относился сочувственно.

Жили мы в бараках. В лагере стояло 6 бараков, люди были из разных мест — Гатчины, Тайцев, Красного Села. В центре барака был коридор, а справа и слева разгорожены комнатки. Одну такую комнатку, примерно 6

квадратных метров, занимали мы с мамой.

Так мы жили до января 1944 года. В начале января 1944 года немцы погнали всё население, которое ещё осталось в Красном Селе, Можайском, Тайцах, на запад. Нас, работающих, придерживали — не было у них уверенности в завтрашнем дне, а как только началось массовое отступление немцев — погнали и нас. Дали команду двигаться своим ходом на вокзал в Гатчину, оттуда — поездом в Прибалтику. Но порядка уже не было, немцам было не до нас.

Освободили нас в Гатчине, но вернуться назад в Сосновку было невозможно — все дома деревянные в деревне разобрали на нужды Ленинграда. Поэтому мы до 1947 года жили в Тайцах, где работала мама. Но очень нас тянуло вернуться в нашу Сосновку. И в 1947 году мы первыми на земле уже бывшей Сосновки построили сначала хлев, в котором ютились вместе с коровой до января, пока не подвели под крышу дом.

После 7 класса я поступал в судостроительный техникум, меня не приняли, мотивируя тем, что я находился в оккупации, очень это было обидно. После 8 класса я поступил в электромашиностроительный техникум...»

Вот такое военное детство... Сейчас Павел Фёдорович вместе с женой Валентиной Васильевной живёт в Горелове, в своём доме. Есть дети, внуки, правнуки. И память. Память о том страшном времени.

ПИМЕНОВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ «Я ДУМАЛ, ЧТО ОТЕЦ ПРИВЕЗЁТ НАМ С ВОЙНЫ НОВУЮ ИГРУШКУ»

ДО ВОЙНЫ

Деревня Сухлово, где я родился, стоит на шоссе Псков — Новгород, как раз посередине. В этом месте вдоль дороги протекает река Шелонь. Она берет начало в окрестностях города Порхова и впадает в озеро Ильмень. Протяжённость реки — около ста километров, ширина — метров 50–70 и глубина — 5–6 метров. В довоенное время она была перегорожена плотинами во многих местах, где строились мельницы. Благодаря этим плотинам поддерживался большой уровень воды, и в реке было много рыбы.

Деревня наша насчитывала до войны 89 домов. Двести лет назад она имела статус волости, населения было около пятисот человек, был полицейский участок, два магазина, две кузницы. В деревне имелся постоянный двор — одноэтажное каменное здание. В нем располагались кузница и прочие мастерские для ремонта саней и карет, которые ездили по тракту Псков — Новгород.

После революции, когда организовали колхоз «Свободное Сухлово», в этом здании

находился гараж для колхозной полуторки. Разобрали его в шестидесятых годах прошлого столетия за ненадобностью.

Деревня стоит на левом, северном берегу реки, вдоль дороги, на возвышенности, потому и получила своё название от слова «сухо». В деревне была построена часовня, которая в довоенное время служила моргом, а по большим праздникам там проходили службы.

Колхоз «Свободное Сухлово» занимал территорию в 3500 га. Имелся свой колхозный лес, луга и поля. В деревне действовала школа, где я начал учиться в 1943 году. Школа наша была большая, хотя и одноэтажная. Я проучился в ней только сентябрь, а потом школу закрыли в связи с началом военных действий. Довоенное время я, конечно, не помню, но отдельные эпизоды запечатлелись в памяти очень ярко.

Наша семья к 1941 году состояла из семи человек: дедушка и бабушка по матери, отец, мать да мы, трое сорванцов: Женя, я и Сашка. Женя родился в 1932 году, я — в 1936, а Саша — в 1937.

Мой дед, Иван Иванович Большаков, родился в 1868 году. Он был очень мудрым человеком, прожил большую жизнь, работал все время на земле, охотился, рыбачил, занимался садом и пчёлами, все последние годы был бессменным лесником колхозного леса. Отец наш работал кузнецом в колхозной кузнице, которая находилась недалеко от дома, и я там часто бывал.

В кузнице работали ещё двое кузнецов. Все трое были страстными рыбаками (мой отец ещё и охотником), а также много чудили. Про кузницу всегда в деревне ходили разные слухи. Например, кузнецы могли, увидев, что кто-то идёт по дороге мимо кузницы, нагреть в горне нужную в хозяйстве железяку и бросить её на дорогу. Человек, увидев вещь, брал её, горячую, в руки. Больше всего доставалось глухонемому дяде Жене. Доставалось частенько и мне.

Вероятно, в детстве у меня была неплохая память, и я знал много частушек. Когда в кузнице не было отца, и я туда приходил, кузнецы всегда просили меня спеть частушку — непременно плохую и громко. Я, конечно, пел, меня хвалили, и потом я никак не мог понять, почему тут же появлялась мать с ремнём. Она в это время работала в огороде возле дома и, конечно, все слышала.

В летние месяцы в кузнице было много работы, ремонтировали колхозную технику: бороны, плуги, косилки и жнейки. Работали без выходных. Обычно по воскресеньям приходили на работу пораньше, клали на наковальню старый лемех от плуга и в три кувалды полчаса лупили по звонкой железяке, а после этой операции закрывали кузню и огородами уходили за реку, где с раннего утра уже были заготовлены сети и лодки. Правление колхоза было недалеко от кузни, поэтому все начальство слышало, что кузня работает.

Правление колхоза находилось как раз напротив нашего дома. Это было большое двухэтажное здание. На первом этаже половину здания занимало правление, вторую

половину — магазин, а весь второй этаж — клуб.

В клубе часто показывали кино, и я бывал там с родителями. Конечно, содержания кинолент я не помню, но треск аппарата и яркий луч остались в памяти. Ходил я часто и в правление колхоза. Там сидел счетовод дядя Миша. У него не было одной ноги, и он ходил на протезе с тростью.

Я просил у него книжечку колхозника, пел частушку ему, он вставал из-за стола, открывал старинный сундук, стоявший в углу, я брал одну книжку, бежал домой и рисовал. Мне очень нравился запах из этого сундука, запах типографской краски и бумаги.

Немного помню морозы сорокового года. В такие морозы бабушка не выпускала нас из дома на улицу. Но мы с Сашей, вероятно, ей просто надоедали, и тогда она сдавалась.

Мы одевались, выходили на улицу, и сразу замерзали наши носы и руки, дышать вдруг становилось трудно. Мы быстро возвращались домой, и бабушка спрашивала, почему мы так быстро вернулись.

Ещё одно воспоминание осталось о финской войне. Моего отца призвали в армию, но война быстро закончилась, и наступил день, когда наши деревенские солдаты возвращались домой. С утра уехала наша колхозная полуторка в город Порхов. Туда наши солдаты приехали на поезде из Ленинграда, и вот как-то вечером мать встретила отца, и вместе они пошли домой. Отец привёз нам с Сашей подарок — легковую заводную машинку. Мы её заводили и играли целый день, а вечером во главе со старшим братом её разобрали, и, конечно, получили хорошую взбучку от матери.

НАЧАЛО ВОЙНЫ. ПРОВОДЫ

Осталось немало ярких воспоминаний о днях нашей мирной жизни сорокового года, и вот наступил сорок первый, который я помню достаточно хорошо. Началась война.

Мы с Сашей ещё не понимали толком, что

это значит. Мама все чаще плакала, бабушка с дедом даже на наши шалости не обращали внимания, и все деревенские тоже стали серьёзными. Прекратился смех и гулянки вечером на пяточке возле часовни. Вскоре деревенские мужики получили повестки, и в назначенное время мы пошли провожать отца в армию. На окраине деревни стояла колхозная полуторка, отец нёс Сашу на руках, справа шли мама и брат Женя, я шёл слева, рядом с отцом. Я думал о том, что отец скоро вернётся, как и в финскую войну, и привезёт нам новую игрушку. Игрушку мы с Сашей не хотели, а просили отца, чтобы он привёз нам две красные звёздочки.

На проводы собралась вся деревня. В основном все женщины плакали. Потом поступила команда садиться, и полуторка повезла наших отцов в город Порхов. Машина в деревню больше не вернулась. Её мобилизовали на войну.

Из нашей деревни ушли на фронт пятьдесят два человека, вернулись восемь. Потом они рассказали, что в Порхове им выдали обмундирование и оружие, скомплектовали войсковое подразделение и отправили на боевые рубежи под город Волгу. Прибыли туда поздно вечером, стали занимать оборону. Утром оказалось, что они уже окружены. День они кое-как оборонялись. Оружия не было, на пятерых — одна винтовка; гранат и патронов было мало, командиры или убиты, или сбежали. Ночью провели что-то вроде собрания. Решили разделить на три группы. Первая группа голосовала за то, чтобы сдать в плен. Немцы днём и ночью кричали в громкоговорители, обещая золотые горы. Вторая группа говорила, что нужно идти к своим, вырываться из окружения. Третья группа решила, что нужно идти в партизаны. В 1944 году мы получили извещение, что отец пропал без вести.

Шофёр нашей колхозной полуторки дядя Коля прошёл всю войну и вернулся домой стариком, совершенно глухим после очень сильной контузии.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 41-ГО

Наступил июль 41-го года. По шоссе со стороны Пскова потянулся непрерывный поток отступающих. Шли, в основном, повозки, много было беженцев, которые тянули на себе тачки разных конструкций, шли солдаты, санитарные машины, — всё двигалось таким плотным строем, что нельзя было перейти на другую сторону дороги. Многие жители ушли из нашей деревни, особенно колхозный актив. Наши деревенские добрались до Новгорода и, перейдя Волхов, обосновались, кто где мог. Там они жили и работали всю войну в колхозах и на предприятиях, а в конце 1944-го, когда нас освободили, вернулись домой.

Наш дед Иван пережил Первую мировую, и опыт жизни в военное время у него был. Первое, что он сделал — выкопал на краю огорода землянку. Она была небольшая, примерно три квадратных метра, но глубокая и имела потолок.

Все колхозное имущество, которое не забрали в армию, распределили по дворам колхозников. Так у нас появилась телега, лошадь, плуг, борона.

Где-то в десятых числах, часа в три дня, мы с Сашкой пошли купаться на реку. Посреди деревни река делала изгиб, наш северный берег был песчаным и мелководным, здесь брали песок для хозяйственных нужд, потому берег сильно изрыт, весь в ямах. Возле воды был чистый песок, там мы купались и загорали. Лето выдалось жарким, и вся деревенская малышня пропадала на речке целыми днями. И вот, в один из этих дней, на берегу реки, возле деревенского пляжа остановилась воинская часть. Было жарко. Солдаты, конечно, раздевались, мылись и купались. На берегу между дорогой и берегом стояла походная кухня. Солдаты накупались, пообедали, стали собираться в дальний поход. Мы с Сашей в это время находились на пляже. Вдруг из-за леса на другом берегу реки вылетел самолёт. Он шёл на

небольшой высоте вдоль самой реки. И тут я увидел, как что-то отделилось от самолёта и полетело вниз. Метрах в трёхстах от нас прогремел взрыв.

Вторая бомба взорвалась в реке, подняв высокий столб воды. А самолёт летел дальше на восток, уже над деревней. Следующий взрыв раздался в конце деревни. Бомба попала в дом моего деда по отцу. Дом был большой, но в нем уже никто не жил.

У отца была большая семья: пятеро братьев и одна сестра. Дед уже умер, бабушка сильно болела, и потом, когда пришли немцы, она тоже умерла. Остальные дети жили в разных городах со своими семьями, все были взрослыми.

Я увидел, как полетели бревна в разные стороны, но, что удивительно, дом не загорелся. Бабушка, папина мать, находилась в другом доме. В это время прибежал к нам брат Женя, ему было почти десять лет, и увёл нас домой, посадил в землянку, принёс мешок сушёных яблок и приказал сидеть, а сам куда-то убежал. Он вернулся за нами часов в восемь вечера и отвёл нас домой. В доме топилась печь, что меня сильно удивило, поскольку раньше я никогда не видел, чтобы печь топили вечером. Бабушка жарила мясо, потом пекла хлеб. Мама накормила нас и уложила спать. Было ещё довольно светло, когда внезапно над деревней низко пронеслись несколько самолётов. Они пролетели над деревней, не стреляя и не бомбя, в восточном направлении. А минут через десять самолёты вернулись назад и умчались на Запад. После этого все стихло, и мы с Сашей уснули.

На следующее утро я увидел запряжённую в телегу лошадь. Из разговоров старших я слышал об эвакуации. Я ещё не знал, что это такое, но предположил, что нужно куда-то ехать. Часов в десять утра дед посадил нас на телегу, и мы отправились в путь. Ехали мы в сторону леса, на север. Там, в лесу, километра через три, протекала река Ситня. Она текла с запада на восток, большей частью че-

рез леса и впадала в нашу реку ещё через 15 километров. Река не широкая и не глубокая, но вода в ней очень чистая и холодная.

Вот к этой реке мы и приехали. Там я увидел почти всех наших деревенских. Было как-то очень интересно: мы, ребята, купались в Ситне и, вдобавок ко всему, могли целый день ловить раков. Потом сюда пригнали коров и всю живность, готовили пищу на костре в большом чугунном котле. По ночам слышалась канонада, часто летали самолёты, их обстреливали. Там мы прожили с месяц.

В течение этого времени случились важные события. Возле нашей деревни произошёл бой. С севера и с востока нашу деревню окружал лес, но начинался он не у самого селения, а в полутора-двух километрах от него. С юга деревню огибала река Шелонь, а на противоположном берегу, где стояла деревня Кипрово, начинался уже Дновский район.

Отступая, наши части поставили за деревней на опушке леса танки, и, когда немцы начали наступать, завязался бой. В результате этого боя были подбиты две немецкие машины. Одна машина была набита продовольствием — макаронами, крупами, галетами и прочим. Вторая буксировала полевую кухню. Наши подбитые танки сгорели, немецкие были сразу убраны. Немцы почему-то бросили и кухню, и машину с продуктами, и даже не подожгли их.

Наши женщины, вооружившись вёдрами и коромыслами, принесли в наш лагерь эти, сваренные немецкими поварами, макароны. Макароны были с консервами и большим количеством масла.

После боя наступило затишье. И вот однажды к нам в лагерь верхом на лошади приехал немецкий офицер. Он подозвал к себе ребят постарше и спросил, показывая рукой на реку: «Ситня?» Ребята ответили ему: «Да». Офицер ещё раз посмотрел на карту, потом свернул её, сунул в планшет, развернулся и уехал в сторону деревни. Так впервые мы увидели немца. Пока мы жили в лесу, дед

вырыл окоп на высоком берегу Ситни. Тогда те, у кого были возможности, тоже выкопали окопы, сделали потолки из брёвен, поставили внутри, точнее, заготовили буржуйки. Эти окопы нам оченьгодились зимой 1943–1944 годов — нам пришлось прожить там два месяца.

Вскоре после встречи с немцами все деревенские вернулись в деревню. Когда приехали домой, все оказалось на месте, деревня была цела. Вокруг деревни находились поля, засеянные рожью. Поля были наполовину смяты гусеницами танков. На нашем огороде у бани стояла немецкая легковая машина. Возле переднего левого колеса осталась маленькая воронка. Осколок от взорвавшейся бомбы продырявил капот и перебил рулевую трубу, а в остальном машина была исправна. В таком виде она и простояла до зимы.

Мы боялись что-нибудь брать из машины, но поскольку немцы не проявляли к ней интереса, дед стал её потихоньку использовать. Сначала он снял колеса и вынул камеры. Они были сделаны из красной резины очень хорошего качества. Этой резиной впоследствии дед оклеил всем галоши и валенки. Затем он снял внутреннюю обшивку кузова, и мать сшила мне из неё куртку, которую я проносил всю войну. Братья постарше растащили весь щиток приборов. А весной сорок четвёртого, когда пришли наши, они сняли с машины двигатель и мосты, а кузов забрали позже. Так что мы с Сашей играли в настоящей машине, где были и руль, и педали, и прочее. Когда выросли, мы с ним проработали всю жизнь шофёрами.

ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ

Итак, мы стали жить в оккупации. Немцы нас не обижали, не грабили, и поэтому нашим деревенским удалось собрать колхозный урожай и запастись продуктами на зиму 1942 года. Немцы постоянно у нас не жили. Они назначили старосту, который должен был доводить до сельчан все немец-

кие приказы, касающиеся населения. На деревенском сходе поделили колхозную землю между собой.

У всех были приусадебные участки, каждой семье выделили землю возле дома, а кому не хватало, можно было брать участки на дальних полях. Коровы были у всех довоенные. Осенью убрали урожай и стали ждать зиму.

До революции жизнь в деревне текла своим особым укладом. Все весеннее и летнее время в деревне велись сельскохозяйственные работы: крестьяне возделывали землю, растили скот, собирали урожай. Когда же наступала зима, население занималось различными промыслами: шили шубы и тулупы, катали валенки, изготавливали телеги, хомуты, сбруи и прочую крестьянскую утварь, необходимую в деревенском быту. В каждой деревне был какой-нибудь свой промысел. Так, например, Сухлово славилось кузнецами. У нас в старину имелось две кузницы. Деревня Вошково, в трёх километрах от нашей, славилась плотниками. Там можно было заказать телегу, построить дом, сделать раму и прочие столярные изделия. Деревянные телеги из Вошкова привозили в Сухлово, и тут наши кузнецы оковывали их железом. В Кипрове и Костыжицах катали валенки. В деревне Поружка жили печники, в Козловичах занимались шкурью. Там выделывали шкуры, шили из них шубы и тулупы, изготавливали хомуты и прочую упряжь. В каждой деревне зимой не сидели сложа руки: где-то шили обувь, вязали свитера, носки, варежки; где-то шили летнюю обувь.

С приходом советской власти давний уклад сельской жизни был нарушен. Когда появились колхозы, заниматься промыслами запретили, поскольку все они считались нетрудовыми доходами. Но люди продолжали привычные занятия втихую, потому что деваться им просто было некуда. Предметы, необходимые в крестьянском быту, негде было купить, да и денег у крестьян не было.

В колхозе работали за трудодни, можно сказать, бесплатно, так как весь урожай сдавали государству по плану, потом сверх плана, и, если в районе узнавали, что в колхозе ещё что-то осталось, то остатки просто отбирали. Как это происходило, хорошо показано в киноленте «Председатель». Это, пожалуй, единственный фильм, где правдиво изображена сельская жизнь в военное и послевоенное время.

В сорок первом году сельские промыслы вновь расцвели пышным цветом. Все старики — это бывшие мастера своего дела: сшить одежду, изготовить телегу, смастерить что-нибудь из домашней утвари не составляло для них труда. Зимой наш дед нанял портного, который жил у нас месяца два. Мастер сшил нам троим по пальтишку, красивый полушубок для мамы, деду — новую шубу и много других мелочей. Денег не было, и расчёты вели натуральным продуктом, в основном, зерном.

В начале войны наступление немецкой армии развивалось стремительно, поэтому в деревне осталось много беженцев, которые не успели уйти с оккупированных территорий. Они заняли сельский клуб и пустые дома, покинутые коренными жителями нашей деревни. Конечно, пропитания у беженцев не было, но они помогали другим по хозяйству и тем самым зарабатывали себе на пропитание. Жили, конечно, не то чтобы хорошо, но особенно сильно не голодали. Беженцы оставались у нас до самой Победы, но к концу сороковых все они вернулись к себе на родину — в Западную Белоруссию и на Украину.

У моей мамы был родной дядя Гриша, самый старший, и две сестры — старшая, тётя Аня, и младшая, тётя Надя. Во времена НЭПа вся семья Большаковых сумела купить маленькую мельницу в деревне Козловичи. На этой мельнице мололи муку. В тридцатые годы дядю Гришу раскулачили, отобрали мельницу, а его с женой и двумя детьми сослали на Урал. Как он потом рассказывал,

привезли их в лес в районе Кочконора, вывели из вагонов, поезд ушёл, а они остались. Первую зиму они прожили в землянках, а в следующее лето построили там деревню, где и прожили всю жизнь. Когда он после войны в 47-м году приехал один на родину, к нам в гости, и посмотрел, как мы живём, сказал: «Спасибо товарищу Сталину, что он сослал нас в Сибирь». Сосланные были кулаками, а это — самые трудолюбивые люди.

Во время войны деревенские организовали бригады строителей. Строители уходили в тайгу и там добывали золото и платину. Там им простили все грехи и за сданное золото хорошо платили. Продукты были все, а также можно было купить любые вещи. Потом дядя Гриша приезжал к нам в деревню много раз, в Кочконоре у него родились ещё две дочки.

Две маминих сестры жили до войны в Петродворце, и обе работали кондукторами в местном автобусном парке. В сентябре 41-го года немцы выбросили десант между Стрельной и Петродворцом. Они оккупировали Петродворец. Тётя Аня на автобусе уехала в Ленинград, а обратно вернуться не смогла — дорога уже была перерезана. В Ленинграде их автобус отдали в медсанбат, а тётя Аня стала санитаркой. До 44-го года она была при госпитале в воинской части и погибла в 44-м году. При отступлении немцы минировали все крупные сооружения. Когда приходили наши части, то эти сооружения использовали для своих нужд. Так они использовали в Эстонии большое сельскохозяйственное здание под госпиталь. Примерно через неделю ночью над этим зданием пролетел немецкий самолёт. Он дал сигнал по радио, и все это сооружение взлетело на воздух. Тётю Аню придавило брёвнами, и она погибла. У неё остались дочь Соня 14-ти лет и сын Коля 12-ти лет.

Когда немцы пришли в Петродворец, то все мирное население собрали южнее Петродворца. Жили они там целый месяц в железнодорожной будке: тётя Надя, Соня и

Коля. Через месяц их погрузили в вагоны и привезли в Латвию, недалеко от Пскова. Выгрузив из вагона, построили и стали отбирать мальчиков. Тётя Надя не растерялась и передела Колю в Сонину одежду. Так как девочек не брали, то Коля остался цел. После этого их расселили по хуторам к латышам в дома и дали справки, что они беженцы. Благодаря этим справкам они двинулись в путь к нашему дому. Расстояние в 500 км прошли за полмесяца, и где-то в ноябре, на большую радость деда и бабушки, пришли к нам. Так в нашей семье стало девять человек.

В сентябре 41-го года открыли школу, и деревенская детвора в возрасте до четвёртого класса пошла учиться. Учились в школе по советским учебникам, так как других не было. В школе ввели Закон Божий и раз в неделю из Опок, где была действующая церковь, приезжал батюшка и читал проповеди. В сентябре и октябре по ночам в деревню приходили солдаты нашей армии. Они тихонько ночью стучали в окна и просились переночевать и поесть. Их, конечно, пускали, кормили, и они оставались ночевать. Солдаты шли группами и по одному, с оружием и без. Обычно их прятали в банях или в гумнах, на окраине деревни, чтобы в случае прихода немцев они могли уйти. К нам тоже приходили солдаты, и дед их прятал в бане. Они день отдыхали, а в ночь уходили. Шли они, в основном, на станцию Батецкая, многие шли босиком, и деревенские им помогали, чем могли.

Только один раз получился прокол. Два наших солдата рано утром зашли в гумно. Они там легли спать. Одна женщина видела. Днём по деревне ехали два немца на мотоцикле. Эта женщина остановила их и сказала, что в гумне находятся два партизана. Немцы сначала не хотели туда идти, но женщина настояла. Они развернули мотоцикл и поехали к гумну. Солдаты наши, видимо, со сна растерялись. Вероятно, патронов у них не было, они выскочили из гумна и побежали по ржаному полю в сторону леса. Немец снял вин-

товку, передёрнул затвор, встал на правое колено, левый локоть поставил на левое колено и выстрелил. Он с двух выстрелов убил обоих. Эту женщину немцы потом наградили, а когда пришли наши в 44-м году, её забрали сразу, и больше мы её не видели.

Ночью один наш колхозник отвёз тела на телеге в лес, и там, в бору, их похоронили. Потом, когда я ходил с первого по четвёртый класс в нашу школу, мы ко дню Победы ходили, украшали эту могилку.

НЕМЦЫ. ЛЖЕПАРТИЗАНЫ. ЛИСТОВКИ

Зима 1941–1942 годов выдалась суровой: выпало много снега и стояли сильные морозы. До нас стали доходить слухи, что в Ленинграде очень сильный голод. Немцы дали распоряжение расчистить дорогу Псков — Новгород: движение по ней было большое. Всю территорию нашего колхоза протяжённостью примерно в 5 км вдоль шоссе разделили на участки по числу дворов. Нам достался пятидесятиметровый участок за деревней и ещё один участок в самой деревне. Всю зиму мы должны были содержать свои участки в порядке и чистоте, иначе, как говорилось в приказе, расстрел. Правда, до расстрела дело не доходило ни разу, но такими словами заканчивались все приказы. У нас посреди деревни простаивал пустой скотный двор: колхозных коров разобрали по дворам. Немцы оборудовали его под склад. До Порхова из Германии боеприпасы возили по железной дороге, а из Порхова до Новгорода их доставляли на лошадях и машинах. Привезя боеприпасы, их выгружали с телег как раз на этом скотном дворе. Большие телеги на резиновом ходу запрягались в зависимости от веса груза четырьмя, шестью или восемью лошадьми.

Морозы в январе сорок второго стояли лютые. На немецких извозчиков жалко было смотреть: тонкая шинелька, сапоги да пилотка на голове. Слово «кольт» не сходило с языка. Они все время прыгали и махали ру-

ками: «Кольт, кольт!». Утром они выезжали из Порхова, часа через четыре разгружались у нас и отправлялись в обратный путь. Позднее, ближе к весне, боеприпасы перевозили на машинах в Новгород. Там проходила линия фронта, а у нас был прифронтовой тыл.

Однажды в феврале сорок второго года к нам явился староста. Он сказал деду, что в нашу деревню в воскресенье приедет высокое немецкое начальство. В деревне кроме деда охотников не осталось никого — все ушли на фронт. И поэтому дед должен был сходить с немцами на охоту. Дед приготовил все для охоты, поставил флажки в лесу. Рано утром во двор прикатила шикарная легковая машина. Из неё вышли три больших чина, одетые в тёплые белые полушубки и валенки. Погода стояла очень холодная, но солнечная. Немецкие офицеры встали на лыжи и во главе с дедом отправились на охоту. Водитель лимузина, укутав моторный отсек ватным одеялом, остался в нашем доме и каждые полчаса ходил прогревать автомобиль. Мать, как обычно по выходным, поставила на стол швейную машинку и стала чинить наше детское бельишко.

Немец уселся рядом, и они «разговорились». Немец немножко говорил по-русски. Он показывал фото жены, родителей, двух дочерей. Был он из богатой семьи. Войны, конечно, он не хотел и говорил, что нужно Гитлера и Сталина посадить в одну клетку, и пусть они там воюют. Кто победит — того и победа. Потом, когда ходил к машине, брал и меня с собой и сажал на пассажирское сиденье рядом. На левом переднем крыле были прикреплены лыжи. Он один раз даже снял их и предложил мне покататься. Увидев шестилетнего ребёнка на двухметровых лыжах, рассмеялся и положил их на место. Вечером офицеры вернулись с охоты и уехали в Порхов. Дед потом долго восторгался их ружьями. У нас была собака — сибирская лайка. С ней-то и ходили на охоту. Пёс был молодой, по кличке Тузик. Он так понравился немцам, что они приехали через неделю и купили его

у деда. Нам, конечно, было очень жалко расставаться с Тузиком, но успокаивало то, что у нас была ещё одна охотничья собака, с которой охотился наш отец.

Летом сорок второго года жизнь протекала спокойно. Работали много и усердно. Наш дед был опытным хозяйственником, он сеял много гороха и овса. Всю следующую зиму мы ели овсяную и гороховую кашу. Даже нас, детей, дед заставлял работать.

В шесть лет, например, я возил навоз. Дед дома со двора грузил навоз в телегу, потом сажал меня на телегу, давал в руки вожжи и я ехал в поле. Там меня встречала мать, выгружала навоз и разбрасывала его по полю, а я ехал домой к деду. Осенью мы помогали в уборке урожая.

Как-то в дождливый день, уже под вечер, к нам в деревню приехал отряд немцев со стороны Новгорода. Остановившись в деревне, немцы стали ходить по домам, приказали освободить в каждом доме по комнате и начали расселяться по домам. К нам в дом пришли часов в девять вечера, с фонариком обошли и проверили все помещения. Мы, три родных брата и двоюродный Коля, уже спали на сеновале. Немец осветил нас фонариком, сказал «гут» и удалился. К нам поселили на постой трёх немцев. Они заняли комнату, а Соня, мама и тётя Надя перешли спать в стоящий рядом с домом амбар, где до этого спал один дед. Летом амбар пустовал. Навели там порядок, поставили кровати и стали жить. В доме осталась только бабушка, она спала на печке и готовила нам пищу.

Выяснилось, что в нашу деревню приехало на отдых с фронта воинское подразделение. Вероятно, это был миномётный батальон, потому что из вооружения были одни миномёты. Устроились немцы основательно. Для машин вырыли укрытия, на берегу реки Шелони устроили огневые точки для миномётов. Посреди деревни на одном из дворов поставили кухню. Погода наладилась, и немецкие солдаты начали отдыхать активнее: купались в реке, загорали. В нашем доме

расположились сапожная и портновская мастерские. Приходили немцы и приносили обувь и одежду в ремонт. Все немцы были молодыми. По вечерам они устраивали танцы под аккордеон.

За деревней на лугу поставили футбольные ворота и почти каждый вечер играли в футбол. Мы, дети, целыми днями пропадали на речке. Иногда прямо на наш пляж на машине приезжали немцы. Они загоняли машину в реку и просили помыть машину снизу. Давали нам щётки, и мы мыли ходовую часть. Когда машина была вымыта, водитель всегда нас за работу угощал. Самым маленьким, вроде меня, он давал пакетик с сухим лимонадом, а ребятам постарше — по сигарете.

Вечером, в восемь часов, немцы делали развод на караул. Выстраивалось подразделение, которое заступало в наряд, им зачитывался приказ, потом оркестр играл марш, и они проходили строем. Комендантского часа у нас не было. Часовые ночью ходили по двое, в защитных халатах и москитных сетках. Партизан в 42-м году ещё не было. Было довольно тихо. Вдоль деревни на околице стояли гумна. На чердаках немцы поставили стереотрубы и круглые сутки вели наблюдение за местностью. Один раз в хорошую погоду несколько девушек сушили сено. Зашёл разговор о том, видят их немцы или нет. Расстояние до деревни — километра два. В том месте поля уже кончались, и начинался лес. Несколько девчонок пошли в кусты по нужде. Моя тётя Надя повернулась к деревне спиной и похлопала себя по мягкому месту. Через некоторое время пошли на очередные танцы, так те молодые немцы смеялись и приговаривали: «Ах, Надя, Надя!» Вот такое было у них наблюдение.

Немцы даже устроили один раз учения. Миномёты стояли у них на боевых точках. Они запретили в этот день пасти скот и выходить из деревни на сельхозработы. Поставили километра за 2 мишени — белые щиты 2х2 метра — и стреляли из миномётов. Они

уехали через полтора месяца так же неожиданно, как и приехали, вероятно, по тревоге.

Детей в деревне у нас было много. Однажды, после ухода немцев, один мальчик из беженцев собрал компанию из своих и местных деревенских ребят и решил пойти в поле за земляникой. Времени было около двух часов дня. Но пока они шли по деревне, многих ребят разобрали по домам обедать, и компания сильно сократилась. Собирая землянику, мальчишки наши большой снаряд. Старший из них, лет двенадцати, сказал, что умеет разряжать снаряды и начал колотить по головке камнем, а рядом стоял его младший брат. Остальные ребята убежали, сказав, что снаряд трогать нельзя. Едва они добежали до канавы и спрятались в ней, раздался взрыв... Родители собирали тела погибших братьев по кусочкам. Хоронили мальчиков в маленьком гробике — то, что собрали. Это были первые смерти в нашей деревне.

В сорок первом гибли и наши солдаты при отступлении, но их не успевали хоронить. Были и убитые немцы. Около нашей школы, у дороги, была могила с крестом. Как-то в августе 1942 года в деревне появилась большая закрытая машина, доехала до этой могилы и остановилась. Из неё вышли двое немцев с автоматами, женщина в медицинской форме и трое советских военнопленных. Взяв лопаты, пленные стали разрывать могилу. Там лежали три тела немцев, завёрнутых в плащ-палатки. Женщина развернула палатки и достала жетоны, которые были у покойных на шеях. Жетон представлял собой алюминиевый круг, разделённый на две равных части с одинаковыми номерами на каждой из них. Немка отломила по линии разлома половинку жетона у каждого покойного, оставив вторую половинку на цепочке. Потом тела погрузили на машину, и немцы уехали. Практику отправки тел своих солдат на родину я наблюдал у немцев и позднее. В годы войны жителям нашей деревни часто приходилось зарывать убитых немцев.

Осень сорок второго года оказалась скудной на большие события. Все население старалось убрать урожай и запасти больше пропитания на предстоящую зиму. Тогда же немцы стали брать сельскую молодёжь на работы.

В сентябре забрали тётю Надю и ещё нескольких девушек. Их отправили под Старую Руссу на лесозаготовки, где наши и проработали до начала следующего года. Отпустили их домой на католическое рождество. Немцы отмечали этот праздник очень широко. Даже тётя Надя принесла домой литровую бутылку рыбьего жира, которым впоследствии поили нас с Сашей.

Зима 1942–1943 годов выдалась мягкая, по сравнению с зимой сорок первого, зато очень снежная, так что приходилось много работать, чтобы очистить дорогу от снега. Стали появляться слухи о партизанах, немцы очень боялись партизан и приказали вдоль дороги, которая шла лесом до соседней деревни, выпилить весь лес на сто метров. Вся дорога была очищена до самого Новгорода. Сразу после Нового года к нам ночью постучали. Дед вышел, открыл дверь, и в дом вошли два человека. Они представились партизанами. Были они чисто одеты и выбриты. На улице остались ещё несколько человек. Ничего не прося, незнакомцы вели себя как грабители: выкинули всё из шкафа, забрали женское бельё моей матери и тёти Нади, потом спустились в подвал, где стояли пчелиные ульи. Дед держал несколько ульев пчёл и на зиму убирал их в подвал. Разорив ульи и забрав мед, грабители ушли. Мы сразу поняли, что это никакие не партизаны. Те были обросшие, с бородами, все худые и, в первую очередь, просили есть, а эти начали собирать женское бельё. Потом мы узнали, что немцы специально создавали такие отряды из уголовников и всякого отребья, пускали их по деревням грабить население, выдавая себя за партизан. Сами немцы писали разные приказы, в которых местному населению предписывалось немедленно со-

общить немецкому командованию, если будут замечены партизаны, иначе расстрел.

Так для нас начался сорок третий год — самый тяжёлый и самый кровавый. Зиму мы прожили довольно спокойно. Немцы по-прежнему у нас постоянно не жили, поэтому в деревне сохранялся уже устоявшийся уклад жизни. Весной обработали землю, что смогли, то посадили и посеяли. О том, что творилось в мире, мы почти ничего не знали.

Кое-какие слухи до нас доходили, но этого было мало. Немцы теперь стали совершенно другими по сравнению с сорок первым годом. Они уже не играли так часто на губных гармошках, стали молчаливее и серьёзнее, уже не хохотали так.

Однажды в феврале или начале марта мы играли на дороге в шалыгу — игру вроде хоккея. Устав от игры, мы сели с клюшками в руках на перила моста через ручей. Внезапно на западе в небе показался самолёт. Время было к вечеру, а самолёт летел сравнительно высоко. Тогда ребята, смеясь, подняли клюшки и стали целиться в него. Самолёт улетел, а мы продолжали сидеть. И вдруг с восточной стороны раздался рёв самолёта — он летел над самой деревней и стрелял из пулемёта.

Мы, как воробьи, мигом слетели под мост. В это же время к мосту подъезжала повозка: мужик торговал снетками. Когда самолёт улетел и стало тихо, мы вышли из-под моста и увидели, что с неба падают листовки. Повозка стояла возле моста, лошадь лежала на дороге. Одна пуля попала в левую заднюю ногу лошади. Собрался народ, рану перевязали, лошадь подняли. Кость в ноге была цела, и мужик на следующий день потихоньку поехал дальше. Оказалось, что самолёт разбрасывал листовки, но, заметив, как мы целимся в него клюшками, немецкий пилот, видимо, принял нас за партизан, вернулся и дал очередь по деревне. С тех пор мы больше так не шутили. Листовки призвали не помогать партизанам, угрожая смертью тем, кто будет этим заниматься.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В начале лета сорок третьего года иногда по воскресеньям в деревню стали наведываться немцы. Они приезжали за молодёжью. Ребят и девочек в возрасте 14–15 лет они забирали и увозили в Германию. В дни, когда устраивалась облава, вся молодёжь уходила в лес, на удалённые от деревни сельхозработы. У многих имелись специально оборудованные места, где можно было спрятаться, если немцы появлялись неожиданно.

В народе ходило много слухов о партизанах. Кое-где вспыхивали перестрелки, слышались отзвуки взрывов. Однажды в июле к нам в деревню пришли трое партизан. Они были одеты во все кожаное, звёздочки на фуражках, полевые сумки за плечами, пистолеты на ремнях. Партизаны остановились посередине деревни, на пяточке возле часовни, где обычно собирали сельчан. Народу собралось мало, в основном дети да старики. Один из партизан проинформировал нас о победах Красной Армии, о ситуации на фронте и положении в Ленинграде и сказал, что они — настоящие партизаны. Затем он рассказал о тех мнимых партизанах, которые грабили нас в сорок втором году. Партизан сообщил, что скоро в наших краях будут бои, и сказал, чтобы мы прятали своё имущество, потому что идёт народная партизанская война и поэтому будет много разрушений от пожаров. Ещё он обратился к нам с тем, чтобы мы всячески помогали партизанам продовольствием и одеждой. Закончив речь, партизаны ушли обратно в лес. Потом один старик рассказывал, что как раз в это самое время он ходил в лес за грибами и видел, что в деревню пришли трое партизан, а в лесу ожидали ещё человек тридцать.

Так в июле сорок третьего года в нашем краю зародилось партизанское движение.

Уже где-то в сентябре в партизаны ушёл мой двоюродный брат Николай Екимов. Было ему 14 лет. У нас в районе была сформирована 10-я партизанская бригада, а под

городом Сольцы действовала 5-ая бригада. Коля попал во второй отряд 10-й бригады, где командиром отряда был бывший военный Журавлев. Брата определили ездовым в отряд снабжения. Занимались они в основном добычей кормов для лошадей и продуктов питания для партизан. Иногда их посылали в разведку. Один раз брат попал в немецкую засаду. Вдвоём с таким же четырнадцатилетним мальчиком он поехал в деревню узнать, если там немцы. Положили на сани копну сена и поехали, якобы купили сено и везут домой. Допросили их и, вероятно, поверили. Сено с саней скидывать не стали и отпустили. Если бы нашли винтовки, то мальчишек, конечно, расстреляли бы. Это всё было в осенние месяцы 1943 года. Партизаны в основном базировались в деревнях, которые находились в лесу, вдалеке от шоссе Псков — Новгород. В нашей деревне партизаны обосновались где-то в ноябре.

Железнодорожная станция Дно находилась примерно в двадцати пяти километрах от нашей деревни, если добираться туда по шоссе. А по прямой получается только восемнадцать километров. Дно — крупный железнодорожный узел. Для немцев эта железнодорожная ветка имела важное стратегическое значение. Через станцию Дно проходили все железнодорожные составы, питающие немецкую армию на Ленинградском фронте. Вот в основном по этой причине в тылу у немцев и развернулось сильное партизанское движение. Весь Дновский район был наштапкован партизанскими отрядами. Уже с сентября сорок третьего повсеместно происходили стычки с немцами. Деревни горели каждую ночь. Главной целью партизан была железная дорога. Немцы в Дновском районе сосредоточили значительные силы охраны.

ОТРЯДЫ СС

В 1943 году, с расцветом партизанского движения, в наших краях появились и от-

ряды СС. Отдыхавшие у нас в сорок втором году немецкие солдаты говорили, что они такие же люди, как и мы, и нас не тронут. Но, если придут солдаты СС в чёрной форме, то нам нужно убегать в лес или прятаться где-нибудь, лишь бы не попадаться им на глаза. Это нелюди: с детства они приучены убивать. У многих эсэсовцев не было родителей, они росли и воспитывались в детских домах. Там-то их только и учили, что убивать.

Деревня Горушка стоит в семи километрах к востоку от нашей, на другом берегу Шелони, уже в Дновском районе. В октябре там появились партизаны. Естественно, произошёл бой, партизаны ушли. Немцы в отместку выгнали все население в поле и расстреляли. Погибло, по-моему, 240 человек. Там сейчас установлен памятник.

Уже после войны я как-то рыбачил на Шелони и познакомился с одним из участников этого страшного события, моим ровесником. Он рассказал, что когда их построили в поле, мать прижала его к себе, укрыв полый пальто, и предупредила, чтобы он оттуда не вылезал. Когда мать, убитая, упала, он оказался под ней. Лежал там молча, не шевелясь. После расстрела они обложили трупы соломой, подожгли и ушли. Из этой кучи выползли всего шесть человек, это были дети, которых спасли матери. Там были и мои родственники по линии отца, мастера гончарного дела. Они не только снабжали глиняной посудой всю округу, но ещё клали печи и камины.

После расстрела слух об этом разнёсся быстро, и мы, малые и старые, знали уже наверняка, что, если придут отряды СС, нужно уходить в лес. Партизанские отряды росли как на дрожжах. Все молодые люди, которым в 1941 году было по 14–15 лет, в сорок третьем должны были служить. Их брали в партизаны как по мобилизации. Кроме того, много военного люда осталось по деревням при отступлении Красной Армии. Все эти заблудшие солдатики тоже подлежали мобилизации. К октябрю 1943 года 10-я бригада занимала уже весь Павский район. Парти-

заны забирали у населения лошадей, овец, коз и коров. Нашего коня по кличке Персик взяли ещё в сентябре. Он был рыжей масти и какой-то маленькой породы. Позже я его видел, когда через нашу деревню проходил партизанский отряд. Персик тащил сани в упряжке. Снег тогда ещё не выпал, и тащить сани по земле было, конечно, очень тяжело.

Начиная с конца сентября каждую ночь полыхала какая-нибудь деревня. Каждый день где-то проходил бой, а по ночам за лесом виднелось зарево. Старушки крестились и приговаривали, будто в Библии сказано, что придёт Антихрист и загорится земля и небо.

Наступил сентябрь 1943 года. Мне исполнилось семь лет, и я пошёл в первый класс. До сорок третьего наша начальная школа работала, и мой старший брат уже окончил два класса и перешёл в третий. Учебников и бумаги у нас не было. Нам в школе выдали большие тетради в форме блокнотов. Состояла такая тетрадь из пластмассовых чёрных листов, разлинованных белыми линиями в клетку, в прямую и косую линейки. К тетради прилагался карандаш с белым грифелем. Он хорошо писал на чёрном листе. Когда тетрадь была исписана, эти листы мыли влажной тряпкой, и можно было начинать снова. Так, при помощи этой тетради и классной доски, мы постигали азы знаний. Проучились мы около месяца, а в начале октября школу закрыли. В тот день ночью к нам в деревню пришёл большой отряд партизан, они пробыли у нас до полудня и ушли на север от нашей деревни, в густые леса и глухие деревни. Туда немцы не совались.

В конце августа у нас в деревне заболела бабушкина сестра. Мария Ивановна была очень старая, вероятно, старшая сестра деда, ей было уже под восемьдесят. Она жила одна в своём доме на краю деревни. Мама каждый день ходила к ней и даже там ночевала.

С каждым днём бабушке становилось все хуже, и её решили взять в наш дом, перевезли на телеге и положили в комнате на кро-

вать. Температуру было не сбить, лекарств не было, и через неделю бабушка умерла. Её положили в гроб и оставили в доме на ночь. Обычно покойников, положив в гроб, отвозили в часовню, но так как лошади у нас уже не было, тело решили оставить дома. Утром, когда рассвело, все увидели у неё на лице большое количество крупных вшей. Мама взяла бумагу, намочила в керосине, вши прилипли к бумаге, и она бросила бумагу в печь. Дед сказал, что эти вши тифозные, и выяснилось, что Мария Ивановна болела тифом. Дедушка нам всем строго-настрого запретил говорить об этом. Нужно было это сохранить в тайне, потому что немцы ужасно боялись тифа. Если бы они узнали об этом, то могли бы сразу сжечь наш дом, а то и всю деревню. В тот же день мы похоронили Марию Ивановну.

Начиная с сентября усилились налёты нашей авиации на станцию Дно. В ясную погоду нам хорошо были видны эти налёты. Ежедневно после девяти часов вечера начинался этот «концерт». Прилетали наши самолёты и начинали бомбить. Сразу вспыхивали прожектора. Они шарили по небу, находили и вели наши самолёты. Были хорошо видны разрывы снарядов в воздухе, цепочки трассирующих пуль. Если бомбы попадали, например, в цистерны с топливом, то сверху поднимался столб огня, и потом это горело до утра. Днём все было тихо, а с 8–9 часов вечера бомбёжки начинались вновь, и так каждый день. Дед раскрыл крышу в амбаре. Крыши в деревне обычно крыли соломой, и для того, чтобы она загорелась, достаточно было одного попадания зажигательной пули. Всю домашнюю утварь, ценные вещи и продукты питания — зерно, картофель — все закапывали в землю. Делалось это тайком, ночью, потому что полакомиться этим добром желающих находилось много. Так, к октябрю у нас в доме уже не осталось ничего лишнего, только самое необходимое.

В начале ноября заболел дедушка. Я спал с ним в одной кровати. Он тоже заболел ти-

фом. Однажды вечером я лёг спать, а дедушка начал бредить и сказал, что вот тут возле камня налим трется. Тётя Надя была рядом, спросила его: «А щук там нет?» Он ответил, что щук нет. Это были его последние слова. Меня переложили на другую кровать. Ночью я проснулся и увидел, как соседские старушки моют деда. Нас осталось в семье семь человек.

Однажды был какой-то праздник. Решили испечь пирог. Истопили печку и положили в неё пирог. Осталось немного теста. Мама сделала небольшой хлебец и посадила в печь вместе с пирогом. Когда пирог испёкся, его вынули, и оказалось, что хлебец ещё сыроват. Его посадили вновь и про это все забыли. А когда вечером бабушка стала укладывать валенки в печку, чтобы они хорошо высохли, то и обнаружила этот хлебец. Я ей помогал, подавал валенки. Вынув обугленный хлебец из печки, бабушка постучала по нему пальцем и сказала, что кто-то в нашей семье сгорит. Так бабушка и предсказала свою смерть.

Почти сразу после похорон деда заболела мама — и снова это был тиф. К счастью, в это время у нас в деревне не было немцев. В Боровичах, в семи километрах от нас, стоял немецкий гарнизон. Там был немецкий медпункт. Причём работали в нем и немцы, и русские врачи.

У тёти Нади я один раз видел несколько колец — золотые или нет, я не знаю, но камни на кольцах были очень яркие и красивые. Благодаря этим кольцам она сумела уговорить одну врачиху приехать к нам в деревню к больной маме. Врач приехала, дала лекарства, сделала уколы. Потом она приезжала ещё два или три. Недели через две мама пошла на поправку, но была ещё очень слаба. Ей бы надо было сначала вылечиться и набраться сил, но она стала вставать и включаться в повседневную работу. Поскольку организм её был ослаблен после болезни, во время работы мама часто потела и в результате сильно простудилась. Она заболела

ангиной, да так сильно, что буквально через три дня у неё в горле образовались большие нарывы, которые маму и задушили. Мама умерла. Ей было всего тридцать лет. Вскоре после похорон мамы в середине ноября заболела бабушка — и тоже тифом.

ПО НОЧАМ ГОРЕЛИ ДЕРЕВНИ

К осени обстановка сильно обострилась. Немцы вели активные действия против партизан, которые занимали деревни на шоссе Псков — Новгород. Но партизан становилось все больше. Люди покидали насиженные места уже целыми деревнями. Женщины, старики и дети уходили в леса, молодёжь — в партизанские отряды. Партизаны стремились к железной дороге, немцы старались не пускать их в Дновский район. Треугольник Порхов — Дно — Сольцы стал районом постоянных боевых действий. Немцы ночью окружали какую-нибудь деревню, и на рассвете начинался бой. Партизаны, конечно, уходили, но недалеко. Гибли и партизаны, и немцы. Бои были каждый день. По ночам горели деревни, и мы знали, где идут бои. В конце ноября такой бой произошёл в соседней деревне Опоки. Схватка немцев с партизанами длилась три дня. Партизаны установили на колокольне пулемёты, и немцы понесли большие потери. Близилась очередь нашей деревни. В конце ноября как-то вечером пришли партизаны и забрали всех коров. Они угнали все стадо. Они уже знали, что в деревне будет бой. У нас взяли корову и нетель, которая должна была отелиться.

Сестра Соня ходила ночевать к своей двоюродной бабушке по отцу. Та была старой девой около 70-ти лет и жила одна. Звали её Мария Екимовна, а в просторечии — Екимовна.

Образ жизни в ту пору был такой. Окна должны быть завешены, это называлось маскировкой. В каждом доме приготовлены сани с тёплыми вещами, запасом крупы или муки и хлеба. В момент тревоги хватали

сани и уходили в лес. Такие сани были и у нас. В них лежала мука, немного крупы, мамин новый полушубок и несколько караваев хлеба. Ложась спать, мы укладывали свою одежду так, чтобы можно было одеться в полной темноте. Хотя мне и было семь лет, я твердо знал, что если я этого не сделаю, то мне смерть, потому что бежать в лес голому невозможно. Бабушке становилось все хуже, она лежала в беспмятстве, и по утрам тётя Надя давала ей несколько ложек чаю с мёдом.

Однажды утром прибежала Соня, вся взволнованная. Первые её слова с порога: «Вот вы тут сидите, а в деревне уже повсюду идёт бой!». Мы как раз сварили картошку и собирались завтракать. Все в один миг забыли про завтрак и стали быстро одеваться. Когда мы с Сашей оделись, тётя Надя дала мне Сашу и сказала: «Беги к Екимовне, у неё на огороде есть окоп, там вы и пересидите этот бой». Я, держа Сашу за руку, выбежал на шоссе, и мы побежали в сторону дома Екимовны. Расстояние до дома было метров 300–400.

Мы бежали по дороге вдоль реки, а слева, со стороны леса, стреляли немцы. Они стреляли из автоматов.

Мы были маленькие, а пули, вернее цепочки из пуль, летели высоко, и я их не боялся. Они были трассирующие и хорошо видны.

В доме Екимовны горела лампа, топились печка, тикали ходики — впечатление, будто Екимовна куда-то вышла и вот-вот вернётся. Так мы с Сашей простояли минут пятнадцать в ожидании. Пришла Екимовна и, всплеснув руками, воскликнула: «Что вы тут делаете? Ведь я сюда зашла случайно!» Обведя взглядом комнату, она сняла со стола маленький самовар, дала его мне в руки, сама взяла одну из икон, и мы побежали по огороду к окопу. Окоп находился рядом с двумя банями на северной окраине огорода. Бой уже разгорелся, трескотня автоматов слышалась со всех сторон. Сашу отправили

в окоп. Окоп был размером примерно два на два метра. Там уже прятались люди. Я оставился посмотреть, как на западе деревни уже горел крайний дом, и начали разгораться ещё два дома. Я был заморожен этим зрелищем. Вдруг совсем рядом раздался щелчок. У меня мимо уха просвистела пуля. Стреляли явно из бани. Кто там стрелял, немец или партизан, не знаю. Баня стояла метрах в пятнадцати от меня. Вероятно, меня просто хотели пугнуть, и я после этого, конечно, сразу нырнул в окоп. При этом я успел заметить, что у окопа стояли наши сани.

В окопе мы с Сашей сидели в самом дальнем углу. Народу было много, и поэтому сидели, плотно прижавшись друг к другу. Время было часов семь или восемь, потому что было ещё совсем темно. Сидя у самого выхода, Екимовна каждые несколько минут выглядывала из окошка, сообщала, чьи дома загорелись. Напротив нашего оконца, обращённого к югу, на прибрежной полоске земли, между рекой и шоссе, стояла часовня. Вдоль дороги до самого конца деревни протянулась вереница амбаров. С одной стороны часовни стоял амбар, с другой стороны — сарай с противопожарным инвентарём. Там были насосы и телеги с бочками. Амбар и сарай были покрыты соломой, а часовня — лесом. Расстояние между крышами было чуть больше метра. Сгорели и амбар, и сарай, но часовня осталась цела. Как я понял из дальнейших разговоров, нашим старушкам было не жалко целой деревни, главное, что уцелела часовня.

В очередной раз Екимовна высунулась из окна и увидела немца. Он удивился, увидев старушку. В руке у немца была граната. После этого он гранату убрал и стал раскидывать вещи с наших сани. Он забрал мамин полушубок, пошёл, сел на ступеньку часовни, отрезал ножом рукава и надел их на ноги, а остальное разрезал на куски.

Часам к двум дня стало тихо, прилетел самолёт, сделал два круга над деревней и улетел. Из укрытий стали выходить люди.

От деревни осталась десятая часть, всё остальное сгорело. Уцелели бани, поскольку были раскрыты. Осталась цела и наша баня вместе с амбаром — недаром дед снял с них соломенные крыши. Дом Екимовны был уничтожен пожаром, сгорела и наша изба вместе с бабушкой. Немцы оставили несколько домов — им нужно было где-то ночевать. Уцелел и дом Поляковых, как раз рядом с нашей землянкой. Вот в этот дом мы и пришли из землянки. Женщины затопили печь и стали варить обед. Немцы ходили по деревне и собирали молодых женщин. Дали им сани и заставили на себе, так как лошадей не было, свозить своих погибших в бою товарищей в один из домов. Как потом говорили, свезли около двадцати трупов. Мы поели картошки с капустой и собрались уже ночевать, но снова явились немцы и сказали, чтобы мы убирались, потому что в доме будут ночевать солдаты. Они принесли соломы и стали рассыпать её на полу.

Из дома мы с Сашей уходили последними. И вот, когда я уже переступил порог, один из немцев, уже расстелив свою палатку на соломе, окликнул нас: «Киндер, ком!» Он подошёл к нам, взял меня за руку, подвёл к окну, и, показав на пол и на Сашу, сказал: «Гуд бай». Мы с Сашей сняли свои пальтишки и легли на солому. В доме было очень тепло. Немец был очень большой, — «шкаф с руками», как у нас говорят. Волосы на нем и даже щетина были огненно-рыжими.

После всех этих событий мы с Сашей, естественно, сразу уснули. А ночью я проснулся. В доме было очень светло. В окне я увидел, что метрах в трехстах от нас горит дом. Я быстро надел пальтишко и стал торопить Сашу. На полу вплотную спали немцы.

В это время проснулся и наш немец. Увидев, что я оделся, он снял с меня пальто и сказал: «Шляфен никс война». Мы с Сашей опять легли и снова уснули. Оказалось, что горел дом, в который наши женщины свозили убитых немцев. Они подожгли его часов в 11 вечера. Он послужил крематорием для

покойников и освещал деревню всю ночь.

Проснулись мы с Сашей, когда на улице было уже светло. В доме мы были вдвоём. Я услышал выстрелы и посмотрел в окно. Напротив того дома, который горел ночью, стоял дом моей крестной. Дом был двухэтажный, покрытый дранкой, поэтому и остался цел. Там, вероятно, остановилось немецкое начальство. Все солдаты выстроились перед этим домом. Они зачем-то стреляли в воздух из автоматов. Создавалось впечатление, что они салютовали своим погибшим товарищам. Немцы были в масках и на лыжах. Потом они перестроились и на лыжах пошли в юго-западном направлении через реку Шелонь, напрямик к Порхову. Это были последние немцы, которых я видел.

После ухода немцев в дом пришли женщины, затопили печь, наварили картошки, и мы умяли её с огурцами и квашеной капустой. На всех пепелищах остались бочки с огурцами и капустой, так что еда была. Мы с Сашей побежали к нашему дому. Пепелище ещё дымилось. Так же стояли две бочки с огурцами и одна с капустой. Картошка, что лежала в сусеке сверху, сгорела, а та, которая снизу — только испеклась. Там, где лежала больная бабушка, остались обгорелые косточки, во дворе лежали три обугленных скелета овец, которых мы держали.

Была у нас и собака по кличке Дунай. Пёс жил в конуре под крыльцом. Как-то раз он облаял партизан. Они сидели на лошадях и были в нетрезвом состоянии. Один из партизан снял автомат и выстрелил в собаку. Пуля попала в заднюю лапу. Собаку мы вылечили, но с тех пор Дунай стал бояться выстрелов. После боя на том месте, где стояла конура, остались лишь косточки, хотя пёс не был привязан. От наших кур не осталось вообще ничего.

В этот момент из леса показались партизаны верхом на лошадях. Они подъехали к нам и спросили, где немцы. Мы показали, в какую сторону они ушли, и партизаны поскакали следом. К концу дня из леса при-

гнали деревенских коров. Я увидел и наших коров. Партизаны говорили, что своих коров можно забрать. Тёти Нади, Сони и Жени не было. И сена не было — сгорело вместе с домом. Оставшихся коров угнали в деревню Козловичи, которая стояла в лесу и была занята партизанами. А в нашу деревню стали возвращаться те, кто ушёл в начале боя вместе с партизанами в лес. Тётя Надя, Соня и Женя притащили санки туда, к окопу, где были мы с Сашей, взяли по караваю хлеба и, спустившись около часовни в реку, пошли на восток. Все население деревни, которое могло ходить, спустилось в реку и вместе с партизанами ушло в лес. Лес находился в километре от деревни. Немцы на деревню наступали с севера, со стороны леса, так что река всех спасала.

Люди стали возвращаться в деревню. Пришли и тётя Надя, Соня и Женя. Теперь наша семья состояла из пяти человек, и к нам примкнула Екимовна. Все население нашей деревни разместилось в уцелевших домах.

Но жить там долго не пришлось. Прожили мы в этом доме четыре или пять дней, и вот часа в три дня бежит по дороге наш деревенский старичок дед Вася и кричит: «Хозяйки, уходите! К нам идёт карательный отряд!».

Мы оделись и, взяв пожитки, пошли в деревню Козловичи, на северо-восток.

Перед Козловичами находились хутора, организованные во времена Столыпина. Все постройки были заняты, и мы пристроились в бане. Эта баня была большая, печь топилась по-белому. В бане партизаны гнали самогона, так как снабжением занимались они сами. Каждый день вечером они привозили на лошади брагу, переливали её в 200-литровую бочку, вставленную в печь, и дядя Петя, наш дальний родственник, затапливал печь и всю ночь дежурил у огня. В бане круглые сутки было очень тепло. По субботам мы из бани уходили в дом, а хозяйева бани и все беженцы мылись. Мы мылись в бане в последнюю очередь и там оставались ночевать.

Так мы там и прожили до 1944 года. Народу было нашего деревенского много.

Все наши с Сашей сверстники были там. Целыми днями мы находились на улице. Все игры были в войну. Ребята постарше вырезали автоматы из дерева. Автоматы получались как настоящие, только маленькие. Целыми днями мы строчили из автоматов и кричали: «Ура!».

Связи с деревней не теряли. Ребята повзрослее выходили на опушку леса, залезали на высокое дерево и в бинокль наблюдали за деревней. Если в деревне никого не было, они сообщали об этом родителям, и те ходили в деревню, в основном за провиантом, пекли в печках хлеб, топили баню и мылись, а вечером уходили обратно в землянки. В основном вся деревня жила в землянках и окопах, вырытых ещё в сорок первом году.

Плохо было с питанием. Все продукты — картофель, муку, крупу — закопали в землю ещё осенью, и достать их было невозможно. Ели в основном картошку, которую собрали на пепелищах. Была ещё гороховая мука. Витаминов никаких, поэтому дети часто покрывались коростой. Ещё нас донимали вши. Вечерами мы снимали одежду и искали в ней вшей. И так почти каждый день.

В середине января сорок четвёртого года партизаны предупредили, чтобы мы уходили в лес, потому что немцы создали большие карательные отряды по борьбе с партизанами и могли появиться и на нашем хуторе.

Мы перебрались в окоп. Топили печь круглые сутки. Морозы стояли не очень сильные, поэтому было терпимо.

В один из дней января немцы предприняли акцию против партизан. Отряды немцев выехали одновременно из Порхова в Сольцы, из Солец в Дно, из Дна в Порхов. Партизаны об этом знали. В двух километрах от нас, ниже по течению Шелони, есть деревня Костыжицы. На другом берегу находится костыжицкое кладбище. Там партизаны организовали засаду. Когда немецкий отряд проехал нашу деревню и выехал на

открытое место между деревней и лесом, по ним открыли огонь. Немцев было около ста человек. Ехали они на лошадях, в санях, запряжённых немецкими битюгами. Сколько времени шёл бой, не знаю, но лошадей убили почти всех. Саней было около тридцати. Убили много немцев. Так вражеский отряд был уничтожен. Боевые действия между партизанами и немцами становились всё ожесточённое. После этого боя в нашей деревне немцы уже оставались постоянно. Их было немного, в деревне осталось мало домов, где можно было жить. Стояла там миномётная батарея.

Мы не знали ничего о том, что в Ленинграде была снята блокада, и наши части приближались к нам, а немцы готовили оборону. И вот однажды, это было 27 февраля 1944 года, утром, часов в десять, начался обстрел нашей территории. Стреляли из дальнобойной артиллерии из деревни Боровичи, от нас километрах в десяти. Снаряды ложились, не долетая до нас, или перелетая дальше.

В районе наших землянок взрывов не было. Земля промёрзла, поэтому во время взрывов наша землянка подпрыгивала. Мы сидели вдоль стенок землянки. Длилось это часа два. Потом все стихло. Все жители землянок зашевелились. Стали на буржуйках готовить обед, то есть варить картошку. Картошку сварили и стали обедать.

В это время по реке Ситне шёл тот же старичок, дядя Вася, который предупредил нас в деревне о карательном отряде. На этот раз он нёс хорошую весть. Он просто кричал: «Хозяйки, выходите, наша армия пришла!».

В этот же вечер пришли офицеры и в наши землянки. Они были одеты в белые полушубки с погонами и валенки, на шапках — звёздочки. Радости не было предела. Люди целовались, плакали. Лично для меня пришло новое понимание, что дальше мы будем жить. До этого в моем детском уме была только мысль о том, что нас все равно убьют.

За два последних месяца было много

смертей — умерли дедушка и мама, сгорела бабушка, погиб троюродный брат-партизан Вася, погиб дядя Петя, который гнал партизанский самогон.

В этот день моё сознание перевернулось, и я понял, что теперь не надо будет бегать по лесам, прятаться от карателей, и что теперь можно никого не бояться. Этот день я помню с утра и до вечера: если с утра мы сидели в землянке, прижавшись к мёрзлой стенке, то вечером — такая радость. Деревню нашу ещё не освободили, но мы уже твердо знали, что это будет сделано в ближайшее время.

Наши части, что приходили к нам лесами, в основном были лыжниками. Ночью послали трёх разведчиков в нашу деревню. Немцы знали, что наши части подошли к деревне. Они в чистом поле закопались в снег, пропустили наших разведчиков, те прошли в деревню, никого там не обнаружили и вернулись в лес. На следующий день утром целый батальон на лыжах вышел из леса и был накрыт огнём из пулемётов и миномётов. Погибли почти все. После этого немцы отступили в деревню и заняли оборону вдоль ручья, который проходил посреди деревни. После этой трагедии наши основные силы шли по шоссе Новгород — Псков. К полудню того же дня они подогнали Катюши. Катюши ударили по Сухлову, и немцы, которые остались живы, убежали на запад. За два последующих дня освободили весь Порховский район, а через неделю дошли до Пскова. Псков немцы укрепили надёжно, и наши войска там были остановлены. Шоссе Псков — Новгород приобрело стратегическое значение. Вся техника и войска двигались в сторону Пскова днём и ночью. Когда боевые действия у нас прекратились, тётя Надя, Женя и Соня ушли в деревню. Баня, хотя и без крыши, осталась цела, и её нужно было приспособить под жильё. Тёте Наде в ту пору было двадцать три года.

Дня через три жильё было готово. Выбросили каменку, сделали пол, поставили

буржуйку, расширили окно. Амбар наш сапёры разобрали и сделали из него мост через ручей, который протекал полями и впадал в реку Шелонь. Народ, у кого было какое-то жильё, стал возвращаться в деревню. Осталось в деревне несколько домов. Уходя, немцы оставляли в домах какую-то жидкость, которая потом сама воспламенялась. Так сгорел и большой дом моей крёстной. У моей крёстной была семья: двое сыновей и дочь Аня. С младшим, Сашей, мы дружили. Отец был глухонемым, поэтому для армии был не пригоден и все время находился с семьёй. У них остались баня и амбар, который приспособили под жильё.

Многие семьи, которым негде было жить, оставались в окопах на Ситне до лета. Летом они соорудили жильё в тех окопах, которые сделали немцы, когда отдыхали в нашей деревне в сорок втором году. Жили в этих окопах некоторые семьи до 1948 года.

Начало марта — всегда хорошая погода. Тётя Надя и Женя ушли в деревню, меня с собой не взяли, хотя я очень просился, и я решил идти самостоятельно. Дорогу я знал хорошо и, предупредив Екимовну, пошёл в деревню. Стояла солнечная, тихая погода. Дорога была накатана. Когда я вышел из леса, то увидел в поле много ящиков, хорошо уложенных в штабель. Вдалеке виднелся ещё один такой же штабель. Это были брошенные немецкие полевые склады с боеприпасами и взрывчаткой. На самой дороге валялись немецкие винтовочные патроны. Их было много, как будто кто-то их специально насеял; патроны — зелёные, а пули — белые, никелированные. На некоторых концы пуль были окрашены, это означало, что они зажигательные. Я набил два кармана и с этим грузом пришёл в баню. Там на чердаке я спрятал этот товар и, конечно, забыл про него. Соня обнаружила патроны через несколько лет.

СКЛАДЫ БОЕПРИПАСОВ И ФЕЙЕРВЕРКИ ИЗ ПАТРОНОВ

В марте 1944 года мы вернулись домой и поселились в приспособленной под жильё бане. Потом мы её немного расширили и жили в ней до 1947 года.

Снег был очень чистым, поэтому хорошо выделялись воронки от попаданий снарядов «Катюш». Они были неглубокие, но многочисленные. Вдоль ручья, где немцы держали оборону, лежали восемь немецких трупов. На них было только нательное бельё. Через несколько дней в деревне организовали колхоз, и новый председатель собрал ребят и попросил захоронить эти трупы. Рано утром в начале марта, когда по утрам сильные заморозки, мы по снегу на верёвках оттащили волоком эти трупы метров на триста, к небольшому болотцу. Там было несколько воронок от снарядов, куда мы и свалили трупы. А потом весна довершила дело.

В то время ребят в возрасте до 17 лет было много. Осенью сорок четвёртого их всех забрали в армию, но весной они ещё были дома. Мой брат, Екимов Николай Николаевич, пробыл в 10-й партизанской бригаде до марта 1944 года. Последний бой бригада приняла около села Павы. Наши войска тогда наступали по Киевскому шоссе, а партизаны ударили немцам в тыл. Бой был очень сильным, были большие потери с обеих сторон. В этом бою погиб и мой троюродный брат Василий. После боя, когда партизаны соединились с армией, 10-я бригада была расформирована. Партизан в возрасте 17 лет и старше призывали в армию, а тех, кому ещё не исполнилось 17-ти лет, отправили в Ленинград, где их зачислили в школы. Ребята выучились специальностям и потом восстанавливали город. Моего брата Николая тоже отправили в Ленинград. Там он попал на завод «Красный Выборжец», получил специальность столяра и проработал на нём до пенсии. Последние годы работал начальником цеха.

Поскольку на полях вокруг деревни оставалось много оружия и взрывчатки, ребята тащили все домой. Окопы, вырытые во время войны для спасения, превратились в склады боеприпасов и оружия.

Амбар моей крёстной превратился в жилой дом. Там жили несколько семей. Делалось всё на скорую руку. В амбаре поставили буржуйку для обогрева, на ней же готовили пищу. Трубу провели прямо через соломенную крышу. Разумеется, с такой трубой рано или поздно должен был случиться пожар. Произошло это где-то в середине марта, поздно вечером. Тогда загорелась солома возле трубы. Огонь пытались тушить, но сухая солома моментально разгоралась. Когда огонь дошёл до чердака, начали трещать патроны, которые были спрятаны на чердаке. Все, кто пытался тушить пожар, разбежались, а когда огонь дошёл до пола, взрывы стали очень громкими. Утром на месте амбара не осталось и пепелища. Даже бревна фундамента разбросало по округе. За полмесяца Саша, Вася и дядя Женя натаскали много боеприпасов, от гранат и немецких толкушек до противотанковых мин. И все это добро хранилось под амбаром.

Для ребят всех возрастов было полное раздолье. На поле — два склада боеприпасов. Ребята постарше взрывали лёд на реке. Брали толовую шашку 200 граммов, вставляли во взрыватель бикфордов шнур, поджигали, клали на лёд — и прорубь готова. Когда начался ледоход, то целый день в том месте, где ручей впадал в реку, взрывали толовые шашки по 100 граммов. В том, 1944 году, рыбы в реке было очень много, потому что три года её никто не ловил. Рыба всплывала вверх животом. Её снабжали всю деревню, и это было большим подспорьем в то голодное время.

Вечерами на пятачке около часовни устраивали фейерверки. Особенно красиво получалось из патронов 23-х миллиметрового калибра. Брали патрон, вынимали пулю, отсыпали половину пороха, вставляли

пулю, проталкивали её в середину патрона и сверху засыпали порох. Сначала был фонтан огня, потом вылетала пуля, и опять вырывался огненный фонтан.

Всю весну сорок четвёртого занимались этим делом. Не обошлось, конечно, и без происшествий. Погиб один из братьев Большаковых — Ваня. У них в огороде была землянка, где они хранили все это добро, и уже в конце весны Ваня отвинчивал взрыватель снаряда, который и взорвался. Ване разорвало живот, и через два часа он скончался. Это был сигнал для всех, что пора заканчивать эти игры.

Один мальчик из семьи беженцев нашёл противотанковую гранату. Он решил её бросить в реку. Выдернул чеку и бросил. Противотанковая граната, как только касалась препятствия, сразу взрывалась. Он этого не знал. Граната коснулась воды и взорвалась. Взрывной волной парнишку отбросило метров на десять. Глаза засыпало песком, а у стоящего напротив дома выбило стекла — большую ценность по тем временам.

Когда сошёл снег, склады и все валявшиеся взрывчатые вещества собрали наши сапёры и увезли. Потом стали убирать танки и подбитые машины. Их в основном волоком тащили в Порхов тракторами. Там их грузили на платформу и увозили на переправку.

Мы ходили по полям, собирали медные гильзы, патроны и сдавали в металлолом. Но это было все весной и летом 1944 года. А пока мы целыми днями сидели на речке или на переправе через ручей, который весной превращался в целую реку. Через ручей на шоссе был построен хороший деревянный мост. Мост отстоял всю войну, а в январе 1944 года, когда в деревне никого не было, партизаны его сожгли для того, чтобы помешать немцам при отступлении. Но немцы мостом не воспользовались, техники у них тут не было. Когда начали наступать наши, мост очень понадобился. Пришли сапёры, разобрали наш амбар и сделали из него новый мост. По нему хорошо проходили маши-

ны, повозки. Но когда проходили трактора с оружием, да ещё тащили сани с боеприпасами и снаряжением, то этот мост вытаскивали на берег вместе с санями. Сапёры начинали строить заново. Потом, в начале апреля, когда все растаяло, машины стали вязнуть в грязи, и у переправы стали скапливаться очереди.

Мост построили заново в июле 1944 года. Тогда к нам в деревню приехала воинская часть. Военные поселились в лесу на берегу реки Ситня, в том месте, где мы жили в 1941 году с приходом немцев. Солдаты жили в палатках и занимались заготовкой сена. Они косили, сушили и стоговали сено, а часть солдат строила мост.

Тётя Надя устроилась работать в дорожную службу. Ей дали хлебную карточку. По этой карточке она получала кукурузную муку, и мы из неё варили кашу.

Конечно, с едой было очень плохо. Все, что было закошено, испортилось. Зерно подмокло, картофель смерзся. Но все равно всё это шло в пищу. Летом мы с Женей ходили на Ситню варить раков. Их было там очень много. Мы нашли место недалеко от наших окопов: южный берег там пологий, а северный — крутой и весь заросший ольхой. Там было много раков, и, когда наступала темнота, часов в 10–11 вечера, мы на южном берегу разводили два костра, примерно в метре от воды, и всю ночь поддерживали огонь. Раки сами выползали из воды и шли к огню. Наше дело было их собирать в мешок. Так под утро мы набивали два мешка и несли их к солдатам на кухню. Полковой повар давал нам две или три большие банки каши с консервами. Летом, конечно, посадили огород.

В ШКОЛУ ХОДИЛИ БОСИКОМ

Ещё весной 1944 года пришлось нашим жителям хоронить лошадей и немецких солдат, убитых партизанами в январе 1944 года. Наступила осень сорок четвёртого, и мы пошли в школу.

В нашей деревне не было ни одной постройки, пригодной для школы. Поэтому мы должны были ходить в школу в соседнюю деревню Опоки. Там уцелело двухэтажное здание. На первом этаже находились правление колхоза и магазин, на втором было две комнаты. В одной из них учились первый и третий классы, в другой — второй и четвёртый. Было всего две учительницы. Школьники были из трёх деревень, а больше всего ребят ходило из нашей деревни.

Самая большая проблема была с бумагой. Её как таковой не было, и под письмо приспособляли все, что могли. В дело шли старые книги, газеты и даже цветная бумага. Кто что мог достать. Даже ходили в лес, сдирали бересту с берёз и на ней писали.

Так мы учились. Осенью очень часто ходили на колхозное поле помогать с уборкой картофеля. На эту работу шли с удовольствием: там варили картошку, и мы были сыты. Ходили в школу босиком до самых морозов, а потом обували валенки, потому что обуви у нас не было. А весной, как только сходил снег, валенки сразу снимали и ходили босиком. Так продолжалось до сорок восьмого года.

В деревню вернулись все эвакуированные. Вернулись и довоенный председатель дядя Вася, и счетовод дядя Миша. Жизнь налаживалась. Начали пахать землю. Давали колхозу немецких лошадей-тяжеловозов, но у нас они быстро подыхали, так как нечем было кормить.

В августе сорок четвёртого года тётя Надя отвезла Женю в Ленинград. Там остался в живых папин приятель, который работал на заводе. Он устроил Женю в ремесленное училище. Туда брали детей-сирот с двенадцати лет. Женю приняли, и он проучился четыре года. Вышел оттуда слесарем и стал работать на заводе им. Жданова, нынешней «Северной верфи». Там Женя и проработал всю жизнь. В декабре определили и Сашу в детский дом как ребёнка без родителей. Меня тётя Надя оставила при себе, так как

работала на дороге и не считалась колхозницей. Я же, как сын колхозников, имел право на наш огород, и, если бы меня отдали в детский дом, тётя Надя лишилась бы огорода.

Так мы и встретили сорок пятый год вчетвером: тётя Надя, Соня, Екимовна и я. Соня в сорок четвёртом пошла в школу в деревне Гридино, куда и мне пришлось потом ходить. В 1945 году она окончила седьмой класс и поступила работать на маслозавод в деревне Березе, где и проработала всю жизнь.

Однажды в июле сорок четвёртого я на реке варил рыбу. И вот, начиная с утра, и до позднего вечера шли в сторону Пскова катюши. Они шли колоннами по 15–20 машин на «студерах», закрытые чехлами и на приличной скорости, с перерывами по тридцать минут. Сколько сотен их прошло, я не знаю.

Но на следующий день со стороны Пскова доносился грохот, хотя от Пскова до нас 100 км. Через три дня сказали, что Псков освобождён, немцев погнали дальше. Шли санитарные автобусы и машины. Все везли раненых на станцию Сальцы, а там — в санитарные поезда и в Ленинград.

В 1944 году С. Михалков и А. Александров написали гимн Советского Союза, и мы учили его, естественно, наизусть. Гимн пели при каждом удобном случае: на концертах, собраниях.

Наступил 1945 год. Немцы Псков обороняли долго. Весной 1944 года была сильная распутица, и крупных боевых действий не велось. Вскоре дороги высохли, и каждый день от станции Сольцы шли войска и техника. Мы чувствовали, что ожидается большое сражение.

Уже ощущалось приближение конца войны. Омрачало всё только одно: стали наши деревенские часто получать похоронки. Пришла похоронка и на отца. Пропал без вести. Погиб и мой дядя Пётр. Он погиб при форсировании реки Нарвы. Получили похоронку и на тётю Аню — мать Сони и Коли. Было очень обидно, что люди гибли перед окончанием войны. Их так ждали дома.

Наступило 9 мая. Мы, как всегда, пришли в школу. Прозвенел звонок. Мы сели за парты. Пришла наша учительница Надежда Михайловна, подошла к своему столу без журнала и тетрадок, слегка улыбаясь и скрестив руки на груди. Она посмотрела на нас и сказала: «Ребята, сегодня занятий не будет. Сегодня закончилась война!» Что тут произошло! Тридцать ртов в нашей комнате и столько же в соседней закричали «Ура!» Поднялся шум, гам, старшеклассники устроили пляску. Кто-то пел, некоторые заплакали. Это длилось полчаса. Потом мы побежали по домам. Я прибежал в свою баню. Тётя Надя была на работе. Соня в школе. Екимовна ушла к соседям. Погода в тот день стояла чудесная. Светило солнце, дул ветерок, очень по-весеннему тёплый.

По небу проносились редкие белые облака. Я взял удочку и побежал ловить рыбу.

В тот день в деревне никто не работал. Вечером у часовни состоялась большая гулянка.

СОРОК ПЯТЫЙ – РАДОСТНЫЙ И ТЯЖЁЛЫЙ

Сорок пятый год был и радостным, и тяжёлым. Стали возвращаться с войны наши мужчины — солдаты. Вернулось их очень мало по сравнению с тем, сколько ушло. Ушли в сорок первом году больше пятидесяти человек, а вернулись меньше двадцати.

Вернулся и мой дядя, брат отца, дядя Миша. Вернулся двоюродный дядя по матери, дядя Вася. Вернулся один из кузнецов, с которым папа работал в кузнице.

Всем, кто вернулся, пришлось жизнь начинать сначала. Семьи жили в землянках. Нужно было отстраиваться. Лошадей в колхозе не было. Лес приходилось, в основном зимой, вывозить на себе. Так заготовили за зиму брёвен, кто как мог. Основная стройка началась в сорок шестом году. Работали на себя вечерами, потому что днём была работа

в колхозе.

С едой было плохо. Иногда мужики собирались в кучку и толковали, что делать дальше.

В это время беспокойно было на Украине и в Эстонии. Там ещё шла война с лесными братьями.

На счастье или несчастье в это время приехал в деревню вербовщик. И семь бывших солдат завербовались в Архангельскую область пилить лес. Отработав два года по контракту, они получали паспорта. Условия работы были очень тяжёлыми. Работали вместе с заключёнными. Зэкков кормили, и жили они в бараках. А нашим вольнонаёмным пришлось питаться самостоятельно и жить в землянках, как на войне. Два года прошли, и они получили вождеденные паспорта, теперь они могли уехать из деревни, куда кто хочет. Двое приехали в Пулково, под Ленинград, и устроились в свиноводческий совхоз рабочими. Там с питанием было хорошо, потому что свиней кормили, в основном, просроченными и списанными продуктами. Со временем они туда перевезли свои семьи. Остальные уехали на стройку в Пикалево. Там шло строительство цементного завода, и они перевезли свои семьи к себе. Правда, эти бывшие солдаты, дойдя до Берлина и отсидев ещё два года в архангельских болотах в голоде и холоде, быстро поумирали, но их семьи и до сих пор там живут.

Из колхоза тогда старались удрать любым способом, и вербовку прекратили. Вербовали только тех, у кого был паспорт, а таких в деревнях почти не было. Ребята уходили в армию служить, и там вербовались после окончания службы. Девчонки уезжали в город, их брали в няньки. В шестнадцать лет они получали паспорта или поступали в техникумы после окончания семилетки. Так же сделали две моих двоюродных сестры: Вера работала в няньках с тринадцати до шестнадцати лет, а Маруся поступила в техникум в Пскове.

Так к новому, 1946 году население нашей

деревни ещё не очень убавилось, но дело шло к этому. Летом 1945 года подремонтировали уцелевший дом и решили там сделать школу. Дом этот после войны оказался ничейным и поэтому стал колхозным. Там сначала сделали в одной комнате управление колхоза «Свободное Сухлово», а в другой половине — магазин. Так как у колхозников не было денег, то в магазин никто не ходил, и его вскоре закрыли. Правление перевели в другой дом. Дом был большой, и там жила одна женщина с двумя детьми. Летом 1945 года сделали в бывшем магазине начальную школу, в которую осенью того же года я пошёл во второй класс.

ТРУДНЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Особенно тяжёлыми были 1946 и 1947 годы. В 1946 году шли сильные дожди. Картошка выросла очень плохая, мелкая и гнилая, а это был основной продукт питания в те годы. Это в основном и спровоцировало голод 1947 года.

Осенью сорок пятого из армии демобилизовался житель нашей деревни Иван Николаевич Аршавин. И его родители, и брат, и он сам — уроженцы нашей деревни. Ещё один брат, дядя Петя, жил в Ленинграде, работал сапожником. Сестра Аня жила в деревне Вошково, там она вышла замуж. Говорят, что футболист Аршавин родился по линии дяди Пети, и выходит, что дядя Петя приходится ему прадедом.

В 1945 году поженились тётя Надя и дядя Ваня, и он пришёл к нам в баню жить.

Дядя Ваня — человек партийный, прошёл Финскую и Отечественную войны, имел много наград, на фронте был командиром орудия (гаубицы).

Во всех отношениях он был положительным, грамотным, к нему всегда обращались жители нашей деревни, если нужно было составить какую-нибудь бумагу, или письмо, или заявление. Но был у него один существенный недостаток: если много выпивал,

то становился неуправляемым. Может, это сказывались контузии, которых было несколько за две войны. Впоследствии это его и сгубило.

Дядя Ваня устроился на работу начальником транспорта на спиртзавод, который находился в семи километрах от нашей деревни. Естественно, стал приходить домой пьяным и вести себя неподобающе. Тётя Надя была женщиной волевой — заставила его взять расчёт и стать колхозником. Они собрали всё имущество, которое было у тёти Нади и которое привёз дядя Ваня из Германии: часы, костюм, продали на барахолке в Ленинграде и купили у нас в деревне недостроенный дом, как говорят «с рук». В сентябре 1946 года у них родился сын Николай.

Наступил 1947 год. Дядю Ваню выбрали бригадиром. В то время в деревне было три бригады. В колхозе не хватало тягловой силы. Лошадей было очень мало, сказывалась бескормица. Поэтому стали приспособлять быков. Машинно-тракторная станция (МТС) работала плохо. Тракторов было очень мало, да и те маломощные, не столько работали, сколько простаивали.

В мае мы посадили картошку, и после посадки у нас осталось одно ведро. Так начался голод в деревне. Карточки отменили. Продукты теперь продавались без карточек, но это в городе. В деревне денег не было, даже когда привозили в деревню кинопередвижку, молодёжь не могла сходить в кино из-за отсутствия денег.

В то время в стране проживало 73% сельского населения, а городского было только 23%. Тогда ежегодно снижались цены. До сих пор старики вспоминают это прекрасное время. Но это был политический трюк.

Для рабочих цены снижались на 23%, но крестьянам от этого не становилось легче по той простой причине, что у них не было денег. Работали за трудодни, то бишь за «палочки». Отоваривали эти трудодни в конце года, когда урожай был собран, госпоставки полностью выполнены и все колхозные за-

крома оказывались пустыми (этот факт хорошо показан в фильме «Председатель»).

Колхозников кормил огород — те шестьдесят соток земли, которые давали им в пользование. Соток пятнадцать засеивали озимой рожью, ещё пятнадцать уходило под постройки и огород, а на оставшихся тридцати сажали картофель. Это был второй, а то и первый «хлеб».

В то время в деревне пекли хлеб дома, потому что на селе хлеб купить было негде. Не продавалась и мука. Хлеб пекли из той ржи, которую вырастили на своём участке, и получался он своеобразным. Муки было в этом хлебе процентов двадцать, остальное — наполнители: брюква, репа или картофель.

Каждый раз во время громогласных кампаний по снижению цен колхозник только и мечтал о том, чтобы съесть кусок настоящего ржаного хлеба. Примечательно, что когда объявляли о снижении цен, всегда почему-то на первом месте стоял шифер. Мы знали, что это кровельный материал, но мы его и в глаза не видели. Крыши по-прежнему крыли соломой или же те, у кого была такая возможность, дранкой. Шифер у нас появился только в шестидесятых годах. Тётя Надя перекрыла дом шифером только в 1968 году. Этот шифер я купил по знакомству и по справке, что требуется шифер. Так что снижение делалось в основном на те товары, которых не было, или на те, которые не пользовались спросом.

Другой бедой для тех, кто проживал в деревне, были непосильные налоги. Колхоз имел в своём распоряжении 3500 га земли. На эту землю налагался налог в виде госпоставок. Колхоз давал государству мясо, молоко, овощи, сено, лён, яйца и другие продукты. Но за сданную продукцию денег не платили — это был налог на хозяйственную землю. Колхозники платили ещё и налог на те шестьдесят соток, которые им выделил колхоз для личного пользования. Налог этот составлял немалую сумму, даже если в хозяйстве не было живности — как говорили в

деревне, «на ката». В год нужно было отдать семьсот рублей (до денежной реформы 1947 года), 40 кг мяса, 100 штук яиц, 1 кг шерсти. Если имелась корова, нужно было сдать 360 л молока; если поросёнок, то надо было уплатить 800 рублей и сдать шкуру. Налог составлял 75 рублей с одной яблони и 25 рублей с куста смородины или крыжовника. Все сады, которые остались целы после войны, были вырублены в 1947 году. Коров в деревне было очень мало. Коровам на зиму нужно было заготовить корм, а косить для своих коров на колхозной земле запрещалось. В сорок седьмом году под осень очень много коров зарезали, потому что нечем было кормить.

Что удивительно, были козы. Их не обкладывали никаким налогом, и население стало разводить коз. Коза давала по 3–4 л молока, две-три козы заменяли корову. Потому коз и прозвали «сталинскими коровами».

В 1947 году и мы обзавелись козой. Она была молодая, обьягчилась и давала около трёх литров молока. Моему двоюродному брату Коле ещё не исполнился год, а у тёти Нади было мало своего молока, поэтому коза, можно сказать, спасла им жизнь.

Начался июнь месяц. Есть было нечего. Тётя Надя находилась в декретном отпуске, пока ребёнку не исполнился год. Дядя Ваня с утра до ночи работал в поле. Я целыми днями рыбачил с удочкой. Дядя Ваня иногда топил ригу в гумне. Сушили лён для переработки. Однажды ночью, когда нужно было подкинуть дров в печку, он взял меня с собой. Гумно стояло на небольшом каменном фундаменте. Дядя Ваня сказал, чтобы я спустился в подпол и пролез под полом гумна. В гумне был пол, на котором молотили рожь и другие посевные культуры. Я заметил в середине гумна под полом пирамидку. Когда я к ней подполз, это оказалось льняное семя. В полу оказалась небольшая дыра — из половой доски выпал сучок. Находку я переложил в мешок. Там оказалось не только льняное семя, но и другие семена.

Собранные семена мы принесли домой — килограммов двадцать. Положили их на печку, высушили, а потом вечерами перетолкли в ступке на муку. Так мы неожиданно разбогатели. К тому времени, в конце мая, мы перебрались жить в купленный дом. Под жильё была приспособлена только одна половина дома, другая была ещё без пола и потолка. Хотя общая площадь жилого помещения не превышала 15 м, по сравнению с баней оно казалось хоромами. В бане остались жить Соня и Екимовна. Им выделили пятнадцать соток земли. Соня уже работала и получала зарплату деньгами. Там они прожили до 1960 года. Потом Соня купила домик, так там и прожила всю жизнь.

Прожить нам нужно было ещё два голодных месяца — июнь и июль. Утром я брал корзину и шёл рвать траву — крапиву, лебеду, гусиные лапки — и приносил домой, а тётя Надя затапливала печку и кипятила воду. Когда вода закипала, мы клали туда эту траву. Как только трава обваривалась, мы отбрасывали её на решето. Вода стекала, и, когда трава остывала, пропускали её через мясорубку. Потом тётя Надя делала из этой массы лепёшки и обваливала их в муке из семечек. Лепёшки пропитывались запахом масла и на сковородке подсушивались. Они нам заменяли хлеб. Если мне удавалось наловить рыбы, то жарили рыбу. В конце июня за трудодни дали дуранду — это жмых, который остаётся при приготовлении растительного масла из подсолнухов. Из этой дуранды приспособились варить суп. Так мы сумели прожить июнь и июль 1947 года. Эти два месяца были самыми голодными в моей жизни. Первый раз я наелся досыта в августе 1948 года, а до того всё время жил впроголодь.

В школу, в четвёртый класс, ходил рядом. В августе уже ели картошку нового урожая и смололи немного ржи из моего огорода.

РЕФОРМА ДЕНЕГ

Осенью 1947 года прошла реформа денег.

Первые деньги нового образца нам показала соседка-учительница, когда получила зарплату. В конце года мы купили корову, козу продали. У меня был наш старый огород, так как я числился колхозником, и мы полностью его выкашивали. Налог с меня не брали, потому что я был несовершеннолетним. Учителю от колхоза тоже полагался участок земли, но она отдавала его нам под покос. Так что корма корове хватало на зиму, а мы давали учительнице молоко.

Дядя Ваня попросил дядю Петю купить в Ленинграде кирзовые сапоги. Он выполнил его просьбу и прислал не по почте, а с кем-то, кто ехал из города в деревню. В одном сапоге он послал буханку хлеба, а в другом — полкило комбижира. Тётя Надя отрезала четыре куска и намазала их жиром, это было в самое голодное время. Вкуснее этого хлеба я ничего не ел. До сих пор помню его вкус.

Так, пережив самый голодный год в своей жизни, мы встретили 1948-й. В сорок восьмом жизнь начала налаживаться. В колхозе стали выращивать лён. Его у нас умели обрабатывать. И вот, в зимние месяцы наши женщины его трепали, чесали, и каждую субботу дядя Ваня укладывал недельную продукцию в сани и вёз за 30 км на льнозавод в Павы. Сдавал его высшим сортом. За лён хорошо платили (правда, не деньгами, а зерном пшеницы). Так, в сорок восьмом году мы впервые попробовали пирогов из пшеничной муки.

В сорок восьмом мы вплотную занялись домом. Всё лето с дядей Ваней строгаи по вечерам доски на пол и потолок. Летом наняли плотника из Вошкова. Пришёл старичок и сделал нам полностью жилое помещение из нашего дома. Он настлал пол и потолок, насадил окна и вставил рамы, повесил дверь. Потом позвали дядю Яшу (это был мой двоюродный дед из деревни Горушка), он был большим мастером по печкам. Дядя Яша сложил замечательную печь, которая простояла до 1970 года, хорошо топилась, хотя была изготовлена из самодельного кирпича-

сырца. На этой печи я спал до 1952 года.

В сорок восьмом году я окончил начальную школу, и все мы, будущие пятиклассники, поступили в Гридинскую школу. Там раньше стоял посреди парка большой барский дом. Это было одноэтажное здание, только в центре находилась надстройка с двумя комнатами. После революции и до войны там действовала больница, а после войны разместились школа-семилетка. За время войны ни деревня, ни школа не пострадали. Деревня эта находилась в стороне от центральных дорог, в лесу, за рекой Ситней, и всю войну оставалась под властью партизан. В первые послевоенные годы в Гридинской школе учились ребята со всей округи. Нам до школы нужно было идти четыре километра.

Всё бы ничего, но вот с обувью по-прежнему было очень плохо. Были только валенки. Поэтому мы всё время ходили босиком, как только сходил снег и до глубокой осени. Особенно плохо было в октябре, когда на траву ложилась белая изморозь. До леса от деревни было километра полтора, расстояние это мы преодолевали бегом, не чуя ног от холода. В лесу инея не было. Потом вброд переходили Ситню и добирались до школы. Это было в первый год. Потом, каждый год, в сентябре, наши родители приходили в воскресенье в школу с топорами и пилами и сооружали что-то вроде временного моста, и мы уже ходили по нему. Весной с началом ледохода мост уносило, и мы снова переправлялись через реку вброд. Как только лёд переставал плыть по реке, мы натягивали верёвку между деревьями и утром, раздевшись догола, уложив вещи на голову и держась за верёвку, чтобы не снесло течением, переходили реку. Весь апрель и половину мая мы принимали такие «ванны».

Придя в школу без пятнадцати девять, мы шли на физзарядку. Я утром выпивал кружку молока с хлебом и брал кусок хлеба с собой. Пока шли до школы, появлялся аппетит, и я съедал свой кусок ещё по доро-

ге. После занятий — по шесть–семь уроков в день — мы приходили домой около пяти часов вечера.

Так мы, отучившись в Гридино три года, окончили семь классов, и встал вопрос: куда идти учиться дальше? Женя, мой брат, уже работал на заводе. Вся трудность состояла в том, что жить было нигде. Ремесленных училищ много, но они все были без общежитий.

У ребят, имеющих родственников в Ленинграде, проблем не возникало — поступай в любое. Было несколько училищ, куда приглашали детей из детских домов. Меня приняли как сироту без отца и матери. Не брали сначала, потому что рост у меня не дотягивал до 1,5 м. Но потом в комиссии одна женщина пожалела меня и сказала, что я обязательно подрасту. Действительно, я скоро подрос.

Кормили нас в училище очень хорошо. Еда, которой я дома не получал, сделала своё дело: за три года общежития я вырос на 29 см, и к концу обучения мой рост был 178 сантиметров.

С деревней я связи не терял и приезжал при каждой возможности.

В сорок девятом году, когда я окончил пятый класс, у тёти Нади родился второй сын, Женя. На работу она ходить не могла, поэтому вместо неё на работу ходил я. Дядя Ваня посылал меня на работу, не связанную с большими физическими нагрузками. Так, первая моя работа была связана с тракторами. Тогда трактора были очень старые, и моя работа заключалась в подноске воды к трактору. Радиатор тёк.

Пока трактор делал круг на пашне, я приносил ведро воды из ближайшей канавы. Трактор останавливался, тракторист лил воду в радиатор и ехал дальше, а я шёл за водой. Так все три года в летние каникулы с мая до сентября я работал с трактористами.

Потом я сидел на плуге и регулировал глубину вспашки, а в 1950-м году дядя Миша, тракторист, разрешил мне культивировать

вспаханное поле. Я уже сидел за рулём и управлял трактором. К 1951 году в колхозе стало жить немного легче, народ уже не голодал. В колхоз дали грузовую машину. Стали хорошо получать за трудодни.

В конце 1949 года у нас случилось большое несчастье. Дядю Ваню в октябре райком партии отправил в Псков учиться на председателя колхоза — тогда открылись такие курсы. На курсах в основном были фронтовики — люди, прошедшие войну. И вот однажды, в выходной день, они устроили небольшой праздник. На их несчастье, в школу, где они жили и учились, пришёл директор. Завязался какой-то спор с директором, а потом и потасовка, но директор от них убежал. В это время из города возвращался дядя Ваня. Мужики крикнули: «Иван, задержи директора!» Дядя Ваня помог, он, вероятно, был тогда пьяным. Директора немного побили. В понедельник утром, когда все протрезвели, директор сказал, что сообщит в партию. Дядя Ваня вечером того же дня взял и повесился. Ему было стыдно перед райкомом, который послал его учиться. Тётя Надя осталась одна с двумя детьми. Через два года она снова вышла замуж, когда я уже учился в Ленинграде. У неё родились две дочери, Лида и Таня. Она пошла работать на ферму, там и проработала до пенсии.

В 1953 году умер Сталин, на смену ему пришёл Маленков. Первое, что сделал Маленков, — отменил налог на приусадебный участок. Молоко не нужно было сдавать бесплатно. Молоко брали, но за это платили деньги. В магазинах стал появляться товар. Появились деньги и у колхозников, стали покупать коров, заводить свиней. Даже молодёжь начала оставаться в деревне. Ребята учились на курсах шофёров и трактористов, девочки — на зоотехников. Появились хорошие трактора — «ДП» — на гусеничном ходу, с дизельным двигателем. На лошадях уже не пахали.

Пришёл к власти Никита Хрущёв. Он сделал два добрых дела: во-первых, ввёл пенсию

для колхозников. Она составляла 12 рублей. Но это были деньги для стариков. Можно было купить хотя бы соль и сахар. Колхозники стали получать зарплату ежемесячно, не так как раньше — раз в конце года. Доярки на ферме, где работала тётя Надя, стали хорошо зарабатывать. А во-вторых, колхозники получили паспорта. До этого они были как крепостные.

Когда я учился в пятом или шестом классе, со мной вышла одна история. Тётя Надя зарезала овцу осенью, и нужно было ехать в Ленинград, чтобы продать её на рынке. Чтобы поехать в город, нужна была справка из сельсовета о том, что ты член колхоза «Свободное Сухлово», иначе на рынке не пускали в дом колхозника для ночлега.

Я пропустил урок, сходил в сельсовет и взял справку. Мы как раз в школе в это время проходили крепостное право. На истории, в конце занятия, учитель спросил, у кого будут вопросы по теме. Тогда я поднял руку и спросил, в чем разница между колхозником и крепостным. Учитель засмеялся и сказал, что мы теперь живём в свободное время, в свободной стране, а крепостные жили при царе и помещиках. Началась перемена, в класс пришла наша классная руководительница и повела меня в учительскую. Когда я вошёл, все учителя повернулись в мою сторону и упёрлись глазами в меня. Николай Николаевич спросил меня, кто мне это сказал. В то время все учителя были стукачами. Их к этому обязывали власти. Я рассказал, как брал справку для тёти.

Нина Васильевна вывела меня из учительской и тихонько сказала, чтобы я больше таких вопросов не задавал. Так вот, с приходом Хрущёва этот вопрос отпал: он выдал всем паспорта, и крепостных у нас в стране не стало.

Хрущёв сделал и много плохого. Он, например, отменил и разогнал МТС. Колхозы уже привыкли, что весной приедут трактора и вспашут землю в колхозе. У них была сравнительно хорошая ремонтная база, и

все запчасти поступали в одно место. Теперь у колхозников появилась большая головная боль — ремонт техники. Потом Хрущёв стал укрупнять колхозы, чем вконец добил сельское хозяйство.

К нашему колхозу присоединили ещё три колхоза. Те колхозы были намного хуже нашего. У нас был хороший лес. Его выпилили за одну зиму, так как он стал общим. Если раньше штат управленцев колхоза состоял из пяти человек, то теперь он вырос в десять раз. Раньше в деревне все были на виду, все знали друг друга. Теперь же всё было неведомо. И народ снова побежал из колхоза. Молодёжь стала уезжать из деревни. Потом, видя такое положение, Брежнев стал уничтожать неперспективные деревни. И если сейчас не дай бог случится война, партизанам уже никто не поможет. Сейчас в Сухлово проживают постоянно всего семь человек. Летом, правда, приезжают дачники.

Деревня, в которой раньше стояло девяносто домов, которая платила налоги государству, обрабатывала 3500 га земли и кормила полтысячи человек, прекратила своё существование. Поля заросли кустарником. Будем ждать, когда партия примет новые законы о подъёме сельского хозяйства. А это время уже не за горами.

ДИНАСТИЯ ПИМЕНОВЫХ

ЭШИМОВА НИНА СЕРГЕЕВНА

Я ОТКЛИКНУЛСЯ НА ПРИЗЫВ РОДИНЫ

(СОЛОВЬЁВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ)

Я родился в Красном Селе в 1922 году. Наша семья проживала на ул. Кингисеппской в доме № 31. Мой отец — Соловьёв Алексей Васильевич — работал на железной дороге в должности помощника начальника станции в Красном Селе. Моя мать — Соловьёва Варвара Сергеевна (в девичестве Верещагина) — занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, которых в семье было четверо.

С первого по четвёртый класс я учился в начальной школе, расположенной на пр. Ленина, около нынешней площади. С дореволюционных времён эта школа носила название «Мариинка».

С пятого класса и далее я учился в Красносельской средней школе, расположенной в парке, там, где в настоящее время находится памятник Ленину.

В период моей учёбы в десятом классе нашу школу посетил представитель военкомата. Выступая перед десятиклассниками, он посоветовал ребятам поступать в авиационное училище: в стране не хватало лётчиков. Из нашего класса откликнулись девять человек, в их числе я и мой друг Евгений Курбатов, с которым я дружил с первого класса.

Мы, изъявившие желание учиться в ави-

ационном училище, попрощались со своей школой и выехали в Ленинград. Сдали вступительные экзамены, приняли военную присягу и 7 апреля 1940 года были зачислены курсантами 2-го Ленинградского авиационного училища имени Ленинского комсомола.

А в следующем, 1941 году, 22 июня, находясь на отдыхе в Петергофе, мы услышали по радио выступление министра иностранных дел Советского Союза В.М. Молотова, сообщившего о том, что немецко-фашистские войска перешли границу нашей Родины. Германия развязала войну.

Прослушав это сообщение, мы, курсанты, поспешили в училище. Нас, окончивших первый курс, в срочном порядке выпустили из училища, присвоив воинское звание — сержант, и распределили по авиационным войсковым частям. Меня и ещё нескольких человек направили в воинскую часть, расположенную в Горелове. В части нам было приказано готовить самолёты к боевому применению. На второй день в эту же часть прибыли ученики девятого класса Красносельской школы и предложили свою помощь, которая была принята. Им поручили устанавливать маскировочные сетки. Среди прибывших учеников была моя сестра Нина.

СПРАВА АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ, ЕВГЕНИЙ КУРБАТОВ, НИНА СОЛОВЬЕВА

Нам, вчерашним курсантам, было объявлено о том, что мы будем направлены в другие войсковые части для прохождения дальнейшей службы, а для этого предстояло выехать в Москву. Нам дали разрешение посетить родителей. Приехав домой, в Красное Село, я сообщил родителям о предстоящем отъезде в Москву. Мама проводила меня до Московского вокзала. При расставании она плакала, я тоже не скрывал своих слёз.

Поезд тронулся, мы выехали навстречу войне. На станции Бологое наш поезд обстреляла немецкая авиация. В поезде, кроме нас, военных, ехали ленинградские дети младшего школьного возраста. При обстреле поезда мы кинулись спасать детей. Лично я ловил их, выпрыгивающих из окон вагона.

Прибыли железнодорожники и медработники. Железнодорожники принесли нам еду, а медработники оказали медицинскую помощь тем, кому она была необходима. Я был ранен в голову осколком снаряда. Дальнейший путь до Москвы проехали без происшествий. В Москве нас поместили в метро, где мы вместе с москвичами пережидали бомбёжку.

Из Москвы ленинградских детей эвакуировали в Сибирь, а военных — на места дальнейшего прохождения службы; меня как раненого отправили в госпиталь. После госпиталя я был направлен в 42-й истребительный полк, находящийся в Орловской области.

Аэродром постоянно бомбила немецкая авиация. Шли непрерывные воздушные бои. В мою обязанность входило стрелять из пулемёта по немецким самолётам.

Однажды мне довелось быть переводчиком при допросе двух немецких лётчиков. Их взяли в плен, когда они спустились на парашютах из своих сбитых самолётов. У меня, как и у всех присутствующих при этом, спросили — знаю ли я немецкий язык. Я ответил, что знаю в пределах школьной программы. Один из пленных сказал, что у него отец коммунист, и просил сохранить ему жизнь. А другой сказал: «Вам капут». Что с ними стало дальше, мне неизвестно.

Под натиском превосходящих сил противника наш полк вынужден был отступить. Установили новую линию обороны. Опять немцы бомбили нас, мы — немцев. И всё-таки мы их остановили под Москвой и разгромили. В ходе упорных кровопролитных боёв все самолёты полка были уничтожены врагом. Затем мы выехали в г. Чебоксары, где нам передали новые самолёты. Выполняя порученную мне работу на аэродроме, я получил травму ноги и был направлен в госпиталь. В госпитале моим соседом по койке оказался преподаватель училища, в котором я учился в Ленинграде.

Он посоветовал мне снова поступить в училище и доучиться до офицерского звания. Я получил разрешение командования полка на поступление в училище и выехал в Сибирь, куда училище было эвакуировано из Ленинграда. Я снова стал курсантом. Мы, курсанты, добровольно отказались от половины продуктового пайка и денежного довольствия в пользу голодающих жителей Ленинграда, зажатых блокадным кольцом.

Я окончил училище с присвоением воинского звания «младший лейтенант» и был направлен на Дальний Восток. Война для меня закончилась на Дальневосточной границе. Далее была учёба в Высшей инженерной авиационной академии. После окончания академии — служба в авиационных полках Советской армии.

Я бы вновь пошёл служить в авиацию, если бы мог повторить жизнь сначала.

СЛАСТИХИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПОСЕЛКЕ ВОЛОДАРСКИЙ. (ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ БАБУШКИ)

Моя бабушка — Сластихина Елена Владимировна, в девичестве Гурьянова — коренной житель нашего посёлка Сергиево (Володарский). Родилась она 20 июня 1925 года. Когда началась война, бабушке едва исполнилось 16 лет. На тот момент она жила с матерью и двумя братьями, отец умер ещё до войны.

16 сентября 1941 года в посёлок уже пришли немцы, были заняты посёлки Володарский, Лигово, Урицк, Петергоф.

Из воспоминаний: «Немцы пришли со стороны поля, от трамвайных путей. На поле стояли готовые снопы овса. Судя поговору, были и финские, и немецкие солдаты. В школе мы изучали немецкий язык, поэтому он был узнаваем. У жителей сразу отобрали паспорта». В соседнем доме, где жила бабушка (пос. Володарский, ул. Железнодорожная, дом 13, за железнодорожной линией около пруда Глинки), расположились немцы. В этом доме проживали 3 человека, а на дом была поставлена радиовышка. Скорее всего, это были радисты. Соседям, хозяевам этого

дома, пришлось уйти. От немцев они узнали, что в городе блокада, голод, много людей умирает. На улице Крупской — это недалеко от нашего храма преподобного мученика Андрея Критского — стояли два больших деревянных двухэтажных дома, в одном из них немцами была сделана комендатура. Туда ходили отмечаться. Комендантом был назначен учитель немецкого языка, у которого бабушка училась.

Соседские дети — девчонка лет тринадцати с братом семи лет — во время наступления немцев, которые заняли их дом, от страха побежали к своим бабушке и дедушке, жившим в доме напротив храма преподобного Андрея Критского (пос. Володарский, улица Ленина, д. 22). Девочка не успела добежать, её убило разрывной пулей на дороге. Похоронили её во дворе школы № 414 у забора, где сейчас футбольное поле (тогда на месте школы стояло небольшое деревянное здание театра).

За время войны там было сделано три или четыре захоронения. После войны, ког-

СЛАТИКИНА Е.В.

да стали строить школу, было произведено перезахоронение на Сергиевском кладбище. Младший брат моей бабушки, Володя, принимал участие в нём.

Из воспоминаний: «Жили спокойно, немцы не обижали. Были обстрелы, горели дома от зажигательных снарядов. Сначала прятались в вырытую рядом с домом траншею, потом уже и не прятались. Привыкли. Питались из осеннего урожая: осталось несколько мешков овса. Между пос. Володарским и Сосновой Поляной стояла силосная башня — это был колхозный склад». Там осталось большое количество подсолнечно-го и горчичного жмыха. Горчичный жмых сначала не брали, он был очень горький, но потом и его разобрали. Ходили за жмыхом три раза в день всей семьёй, чтобы набрать побольше. Ходили к ЛЭМЗу (раньше был завод пишущих машин), там оказался запас

льняного масла и рыбьего жира. Брали масло и жарили на нём лепёшки. Так жили до 1 апреля 1942 года.

1 апреля немцы забрали около 100 человек, куда попала вся семья моей бабушки, и погнали их в Красное Село. Наутро их повезли в Веймар, где они жили до середины сентября 1942 года. Бабушка вспоминает, что, когда начались проблемы с едой, то их кормили какой-то баландой типа клея, народ стал повально умирать. Потом перевезли в посёлок Идрицу Великолукской области. Оттуда бабушку вывезли в Германию, тогда её и разлучили с семьёй. В 1945 году произошло долгожданное освобождение из лагеря войсками американской армии.

После войны домой вернулась вся семья: бабушка, её мама и два брата.

КОСТЫШИНА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ГЕРОИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНИКИ ЛЕНИНГРАДА: МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА КОШКИНА

*На фото застыло мгновенье,
Оно оставляет след,
Для тех, кто придаёт значение
Памяти прошлых лет.
Дети наши и внуки,
Мы здесь остались для вас.
Фотографий неслышные звуки
Расскажут немного о нас.*

В.М. Ткалич

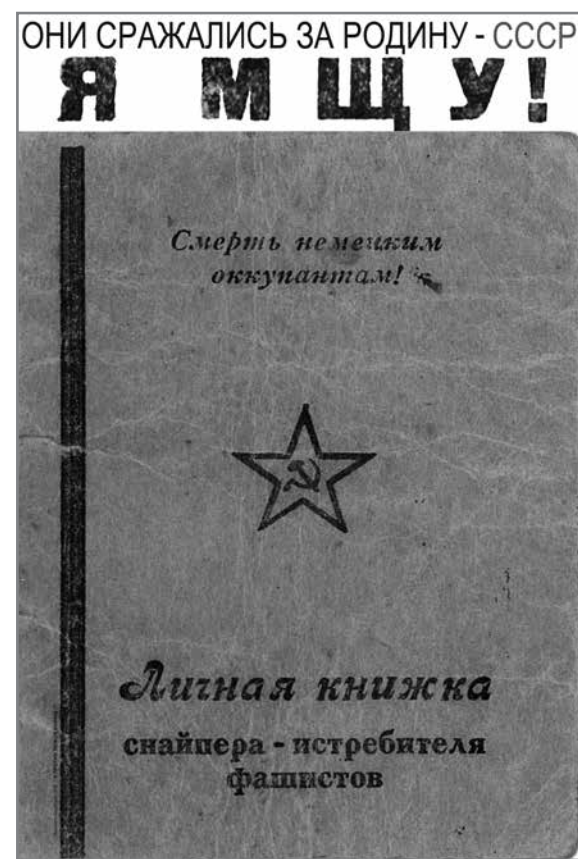
«Посвящение маме», 1981

В семейном архиве Веры Мефодьевны Ткалич¹ бережно хранятся листовки и пожелтевшие страницы фронтовых газет, где описаны героические боевые подвиги её матери — Марии Алексеевны Кошкиной.

Легенда Ленинградского фронта Мария Алексеевна Бикулова-Кошкина родилась 21 декабря 1921 года в деревне Чувашская Майна (Алексеевская область). В 1939 году она уехала работать в Ленинград. Когда началась Великая Отечественная война, М.А. Кошкина пошла добровольцем в армию. Её направили в медсанбат 2-й добровольческой дивизии народного ополчения Московского района. В начале боевых действий Мария Алексеевна была санинструктором разведроты. Она помогала врачам в полковом медицинском пункте, перевязывала и выносила с поля боя раненых солдат. В одной из газет военных лет сохранилась заметка о том, что только из одного сражения М.А. Кошкина вынесла под артиллерийским огнём 15 раненых.

Мария Алексеевна сопровождала разведгруппы. Однажды, вскоре после вылазки, раз-

¹ Вера Мефодьевна Ткалич — архитектор по образованию и художник по призванию. Именем Вера художника назвала ее мама, отец же хотел дать ей имя Капитолина, которое она взяла в качестве творческого псевдонима.

ПЛАКАТ 1942 ГОДА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В.М. ТКАЛИЧ

М.А. КОШКИНА. 1943 ГОД

ведчики попали в засаду. Силы были неравны. Шестеро разведчиков вступили в упорный бой с пятнадцатью фашистами. После того, как в перестрелке был убит наш солдат, Мария Алексеевна взяла его винтовку и впервые в жизни стала стрелять по врагам. Первым же выстрелом она сразила одного из них.

Позже М.А. Кошкина добилась, чтобы её отправили на курсы снайперов. Выходя на передовую почти ежедневно, она в короткий срок в совершенстве овладела искусством меткой стрельбы. О ней стали появляться многочисленные публикации во фронтовых газетах.

3 декабря 1942 года появилось сообщение: «Снайпер Мария Кошкина уничтожила 15 фашистов». Спустя 3 месяца была опубликована новая заметка: «На счету нашей Марии — 46 убитых гитлеровцев».

Имя Марии Алексеевны Кошкиной стало известно и фашистам. В сторону нашей обороны постоянно летели угрозы. Узнав о награждении нашего снайпера орденом, фашисты объявили охоту за ней.

В конце 1942 года именно 2-я дивизия осуществила первую наступательную операцию по захвату Старо-Паново и вокзала станции Лигово (ныне Красносельский район).

1 января 1943 года во фронтовой газете «На страже Родины» была опубликована статья Илья Эренбурга³, в которой есть такие слова: «Мы многое пережили, мы многое потеряли, но и в самые страшные дни мы хранили веру. Мы знали, что нельзя уничтожить Россию, как

³ Илья Григорьевич Эренбург (15 (27) января 1891, Киев — 31 августа 1967, Москва) — прозаик, поэт, переводчик, публицист, фотограф и общественный деятель.

нельзя уничтожить правду. Год тому назад немцы ещё мечтали ворваться в Ленинград. Они стянули на шее города петлю. Они не взяли Ленинград, они его и не могли взять, Ленинград — это больше, чем город, это гордость. Варвары омрачили его снарядами и бомбами. Они не знали, что такое сердце Ленинграда. Горячее, оно обливается кровью, и оно крепче гранита.

С Новым годом, защитники Ленинграда! Привет вам, прославленные стрелки Дьяченко, Антонов, Мария Кошкина!»

15 марта 1943 года М.А. Кошкина уничтожила восемьдесят пятого фашиста. Через год, в ночь с 5 на 6 марта, Мария Алексеевна была тяжело ранена в руку. Её отправили в госпиталь. Стрелять по-снайперски она уже больше не могла, но воевать продолжала: ходила в разведку, спасала раненых. Кошкина была первой женщиной-снайпером в своей дивизии, ставшей к тому времени 85-й Стрелковой Краснознаменной (Павловской).

О славной героине на фронте сложили песню, которую затем напечатали в многотиражной листовке:

Мария Кошкина, пусть враг тебя боится,
Ты множишь славу Родины своей.
Отныне Родина, как мать, тобой гордится,
Вписав в число отважных дочерей.

В 1942 году её портрет написал известный ленинградский живописец В.А. Серов⁴. На картине — девушка в белом полушубке, шапке-ушанке, со снайперской винтовкой в руках.

За заслуги перед Отечеством Мария Алексеевна Кошкина была награждена орденом Красной Звезды (1943), орденом Славы III степени (1944) и многими медалями.

После окончания Великой Отечественной войны она много лет работала рентгенотехником на крупнейшем производственном объединении — Ленинградском мясокомбинате им. С.М. Кирова, вела военно-патриотическую работу среди молодёжи. Тридцать лет спустя, выступая на митинге у памятника, установленного на Пулковской горе, Мария Алексеевна сказала: «Ленинградцы отдали себя целиком общей борьбе и защите Родины. Мы не искали ни личных выгод, ни славы. Для нас главным было честное служение Родине...»

ЛИЧНАЯ КНИЖКА СНАЙПЕРА

⁴ Владимир Александрович Серов (1910 -1968) — советский живописец и график, педагог. Народный художник СССР.

ЩЕРБИНИНА-ХАЛЕЦКАЯ НАТАЛЬЯ ИЛЬИНИЧНА

ВОСКРЕСЕНСКАЯ МАРИЯ МИХАЙЛОВНА

ЧТОБЫ ЖИВЫЕ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ (О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Е.Ю. ЗУБАРОВСКОГО)

*Гора Воронья, гора Воронья...**Закаты мирные горят.**Что было, помнит, что было, помнит**Врагом не взятый Ленинград.**Е.Ю. Зубаровский*

Память — это то, что объединяет наших соотечественников, это наше национальное достояние, которое нельзя утратить, чтобы продолжать быть.

И мы помним. Минуло уже 70 долгих лет, наполненных успехами и неудачами, радостями и печалью, с той незабываемой даты 9 Мая 1945 года, даты Победы нашей Родины в войне с фашизмом. Мы помним тех, кто отстоял наше право родиться и быть счастливыми. И помогают нам сберечь нашу память те, кто, пережив страшные военные годы, остались людьми высшей пробы, не растеряли высоких нравственных духовных ценностей, чтобы передать их нам, родившимся в светлом послевоенном мире. Их так мало осталось рядом с нами. И так много их уже ушло, завещая нам беречь и любить дорого доставшийся мир.

Ему было 17 лет в июне 41-го. Позади — выпускной вечер в школе, впереди — серьёзные планы: поступить в ЛГУ, стать журналистом, изучать иностранные языки.

А звали его Ефим, Ефим Юрьевич Зубаровский. После войны на долгие 47 лет он посвятил себя педагогическому труду в одной единственной школе — Можайской, ныне школе № 289 Красносельского района. Почётный гражданин района, отличник народного просвещения, член КПСС, участник Первого международного форума пожилых людей в Копенгагене, один из первых создателей и хранителей школьного краеведческого музея. В течение многих лет, до самого конца не оставлял он своего святого поста. Скромный и трудолюбивый, честный и преданный раз и навсегда выбранному делу, обладавший невероятной духовной красотой и сумевший сохранить её в тяжёлые блокадные дни, он нечасто рассказывал своим близким и коллегам о трудностях опалённой войной юности.

По состоянию здоровья его не взяли в армию в 1941 году, самые тяжёлые дни блокады

Ленинграда он находился в городе. Его эвакуировали по Дороге жизни весной 1942 года.

Он оказался в Алтайском крае, в городе Бийске, где работал сцепщиком вагонов на железной дороге. По возвращении в Ленинград он осуществил свою мечту — поступил на испанское отделение филологического факультета ЛГУ, окончил его и стал работать в Можайской школе. В Сибири впервые появились его стихи:

*Товарищ мой пал на войне,
И письма, что когда-то
Писал ему, вернули мне
запиской от комбата...*

*Товарищ мой пал на войне, —
Оставив только письма мне,
Что в блиндаже своём писал,
Дыханьем руки согревая...*

*Коптилки скудный свет мерцал,
На лист бумажный свет бросая...*

(«Письма вернулись назад». Бийск. 1943 год)

Несмотря на суровые сибирские условия жизни и труда, в душе молодого ленинградца не угасала надежда на скорый мир и возвращение домой, к родным невиским берегам.

*Природа здесь не балует, сурова, холодна.
Раскинулась широкая сибирская страна...
И по ночам всё думаю о городе родном,
Где жили мы, учились мы, друзья где наши, дом.
(«Сибирь». Бийск, январь 1943 года)*

*В фашистском кольце был наш город,
Не видел спокойных он снов,
Но старые пушки Авроры
Прикрыли собой Дудергоф...*

*И, жизни своей не жалея,
Не зная, что будет потом,
Сражалась одна батарея
На поле авроровском том.*

Ефим Юрьевич понимал, что детям, рождённым в послевоенное время, необходимо говорить правду о пережитой войне. Их родители вместе со взрослыми мучительно выживали в трудностях, совсем не подходящих для детства. Дети должны знать о тех, кому удалось не погибнуть в той страшной войне и отстоять мир. Вот тогда, в 1967 году и появился в Можайской школе краеведческий музей. Его создателями были школьный преподаватель истории Нина Ивановна Хямяляйнен и, конечно же, Ефим Юрьевич Зубаровский, который тогда являлся директором школы.

ЗУБАРОВСКИЙ Е.Ю.

Дудергофская земля была тяжело израна на проходившими здесь боями как в сентябре 1941 года, так и в январе 1944. Свидетельства тех страшных дней приходилось собирать по крупицам. Письма, фотографии, документы, осколки бомб, останки орудий военных кораблей, — всё было предметами изучения, тщательного описания в специальных краеведческих альбомах, и это наполняло музеи. Учащиеся школы активно включились в эту работу: оформляли памятные стенды, отыскивали живых свидетелей военной поры. К памятным датам ленинградские газеты и журналы часто публиковали материалы о военных событиях, происходивших на Дудергофской земле. Глубокие исследования привели к тому, что в газете «Вечерний Ленинград» в 1989 году появились две статьи Л. Лукиной «Тайны Вороньей горы», которые противоречили официально принятой версии о проходивших здесь боях (изыскания по этой теме продолжаются).

В 70-е годы вышла на экраны 4-х серийная киноэпопея «Блокада». Просмотрев её, Ефим Юрьевич сокрушался, что фильм заканчивается на самом главном, но нераскрытом — на освобождении Ленинграда от блокады.

В руководимом им школьном музее особое место было отведено военным событиям, приведшим к ликвидации фашистской блокады Ленинграда. Музей имел название «Боевой путь 63-й гвардейской стрелковой дивизии». Дудергофские высоты, называвшиеся во время войны Вороньей горой, были штурмом освобождены 19 января 1944 года. Это было очень важное событие, так как открывался простор для продвижения и встречи двух армий, пробивавшихся сквозь фашистское «стальное кольцо» навстречу друг другу. Вечером того же дня эта встреча состоялась в Русско-Высоцком. При этом была окружена и разгромлена разделявшая армии петергофско-стрельнинская группировка противника. Ефим Юрьевич и ветераны-фронтовики свято чтили эту дату, традиционно отмечая её на экспозиции школьного музея, а лейтмотивом звучало стихотворение Ефима Юрьевича, которое впоследствии стало песней:

*Январской стужей, январской стужей
Здесь было жарко от атак.
Как был он нужен, как был он нужен
Над той горою красный флаг!*

*Себе награды, себе награды
И не искал в бою солдат.
Конец блокады, конец блокады*

*Был самой лучшей из наград.
(«Гора Воронья», 21 января 1984 года)*

В 1991 году архитектором Александром Даниловичем Левенковым был создан памятник «Воинам 63-й гвардейской стрелковой дивизии». Он занял достойное место на холме у подножия Вороньей горы. Вид на памятник был открыт взорам людей, проезжавших мимо по шоссе и железной дороге. Он регулярно благоустраивался военными из расположенной рядом части Академии тыла и транспорта. Здесь проходили многолюдные митинги с почётными гостями — участниками боёв за Воронью гору.

Ефим Юрьевич был истинным патриотом земли русской. В его стихах звучат пронзительные нотки душевной привязанности к Дудергофу (Можайскому):

*Гора Воронья, гора Воронья,
Сосна качает головой.
Как на ладони, как на ладони
Любимый город предо мной.*

В годы Перестройки земли, находящиеся рядом с памятником «Воинам 63-й гвардейской стрелковой дивизии», были разделены на участки, один из них предложили Ефиму Юрьевичу. Им была построена маленькая времянка-сторожка, в которой он находился летом рядом с дорогим его сердцу памятником воинам-освободителям. Этим он очень гордился. Но тогда он ещё не знал, что на соседних участках будут построены огромные дома с заборами, которые заслонят и скроют памятник воинам, что соседи не сочтут необходимым охранять и заботиться о святости этого места.

А ведь здесь и в школе под руководством Е.Ю. Zubarovskiy регулярно проводились бесценные «Уроки мужества» для учащихся. Приглашались ветераны, которые, надев свои самые дорогие награды — ордена и медали, всегда с удовольствием приезжали в Можайский (Дудергоф), чтобы поделиться воспоминаниями с молодёжью.

*Выросли дети и внуки,
Но не забыть той поры,
Города нашего муки,
Бой у Вороньей горы.*

*Как нас заждались в блокаде,
Город боролся, как мог,
В каждом фашистском снаряде
Был нам, солдатам, упрёк.*

*Сделали трудное дело
В том ледяном январе.
На маскхалате, на белом,
Кровь, как флажок на горе.
(«19 января 1944 года»)*

То были настоящие праздники. Такие «Уроки мужества» запомнились нескольким поколениям Можайских школьников навсегда. Для ветеранов звучали стихи, которые посвящал им Е.Ю. Зубаровский:

*Немного вас с тех дальних лет осталось,
Садясь с однополчанами за стол,
Вы не забудьте, как всё начиналось,
И тех, кто до Победы не дошёл.
(«Январь 43-го, прорыв», декабрь 1992 года)*

Заболев, Ефим Юрьевич очень беспокоился за судьбу школьного музея. Ему уже было не под силу нести груз военно-исторической правды, а преемника не было. Находясь на лечении в больнице, 27 января 2000 года он закончил свой земной путь, через который пронёс свою боль о войне.

15 лет его нет с нами, не осталось в живых и почтенных фронтовиков-ветеранов.

*Молчанье... Минута молчанья.
Она нашей памяти крик.
И мука она и страданье,
И светлый торжественный миг.*

*Когда бы минутой этой
Мы каждого вспомнить могли,
Молчала бы долго планета,
И плакали б люди Земли.*

*Пусть мирное небо над нами,
А сердце так громко стучит.
И Память, бессмертная Память,
Опять в карауле стоит.
(«Минута молчания», Е.Ю. Зубаровский)*

УВАРОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА РОЖКОВ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ – ВETERAN, ФРОНТОВИК, КРАЕВЕД, СОЗДАТЕЛЬ МУЗЕЯ

2015 год для Анатолия Михайловича Рожкова (1925–2011) был знаменателен трижды: это год его 90-летнего юбилея, 70-летия Победы и 20-летия выхода первого издания краеведческого пособия «На Юго-Западе Санкт-Петербурга». Такое совпадение, словно выявляя значение личности Анатолия Михайловича, подчёркивает нашу ответственность перед памятью о нём.

Анатолий Михайлович Рожков родился 1 апреля 1925 года в деревне Букрино Старожиловского района Рязанской области. В этом же году его родители — отец, Михаил Яковлевич, и мать, Анастасия Антоновна — переехали в Ленинград. Детство и отрочество Анатолия Михайловича прошли в Коломне: семья Рожковых проживала на улице Декабристов. Здесь же с 1932 по 1940 годы он учился в школе № 11, по окончании восьми классов которой начал работать на одном из судостроительных заводов в качестве электромонтёра¹. Продолжить образование не представлялось возможности: ещё в 1933 году умер отец Анатолия Михайловича, что сказалось на материальном состоянии семьи. Год спустя он все же поступает в Ремесленное училище № 1, но начавшаяся война резко из-

менила привычный ход жизни. Не дожидаясь призывного возраста, осенью 1941 года А.М. Рожков добровольцем ушёл защищать Родину, став в шестнадцать лет бойцом Волховского фронта. Военную науку постигал на поле боя: был пулемётчиком зенитной части, которая охраняла Волховскую ГЭС от налётов вражеской авиации. Как самому младшему в подразделении, ему часто приходилось сталкиваться с назидательностью и требовательностью сослуживцев. Но учиться было у кого, ведь рядом находились солдаты, знавшие о войне не понаслышке, многие прошли Гражданскую и Финскую войны.

О способностях и характере молодого бойца свидетельствуют строки приказа № 39/н по Артиллерийскому полку 109-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии от 25 июля 1945 года о награждении медалью «За отвагу» старшего сержанта А.М. Рожкова: «...за то, что, будучи наводчиком станкового пулемёта, в составе 3-й Гвардейской стрелковой дивизии 6 декабря 1941 года при взятии нашими частями города Тихвина огнём своего пулемёта поддерживал наступление...»² Здесь же, под Тихвином, он был контужен.

В 1943 году Анатолий Михайлович ока-

¹ СПбГАИПД, ф.1728, оп.1, д.655691

² URL : <http://podvignaroda.mil.ru>

зался на Красносельском рубеже Ленинградского фронта в составе войск, готовившихся к наступлению. С этого времени он служил связистом, затем воевал в пехоте, командовал отделением и взводом, участвовал в освобождении Нарвы, Прибалтики (1-й и 2-й Прибалтийский фронт), дошёл до Германии, откуда был направлен на Дальний Восток. На фронте в 1941 году был принят в комсомол, в июне 1944 — в члены ВКП(б). К первой боевой награде добавились медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией»³.

Демобилизовавшись в марте 1946 года, Анатолий Михайлович сразу был назначен комсоргом производственного комбината Управления промторга Куйбышевского района, где проработал до осени, а осенью стал студентом дневного отделения индустриального техникума. Окончив первый курс, он вынужденно переводится на вечернее отделение и вновь поступает на комсомольскую работу, теперь в школу ФЗО №63 Ленинского района. С 1948 года Рожков работает контролёром на Ленинградской таможне, откуда в 1951 году его командировали в ГДР. Всё это указывает на организаторские способности, ответственность и надёжность Анатолия Михайловича, что подтверждает и одна из характеристик периода его работы с молодёжью: «За время работы Рожков сумел организационно укрепить комсомольскую организацию и сплотить вокруг себя комсомольский актив. Пользуется авторитетом среди комсомольцев и администрации. Политически грамотен, дисциплинирован».⁴ И все же, его дальнейшую жизнь, вероятно, определила внутренняя склонность к технической сфере.

Некоторое время А.М. Рожков работал инженером-технологом на Канонерском судоремонтном заводе. Затем, не без влияния знакомого по военной поре В.С. Старовойтова, он в ноябре 1954 года стал сотрудником ВНИИ-100 (с 1966 года — ВНИИТрансмаш). Здесь Анатолий Михайлович проработал

вплоть до выхода на пенсию в 1991 году.

37-летний период жизни А.М. Рожкова, связанный с одним из ведущих предприятий военной промышленности СССР, — самостоятельная тема. Хочется лишь упомянуть, что его продвижение по служебной лестнице было постепенным, поступательным. От инженера-исследователя, испытателя танков, по мере приобретения опыта и получения соответствующего образования, Анатолий Михайлович окончил вечернее отделение Кораблестроительного института, дослужился до старшего научного сотрудника и начальника лаборатории. За производственные достижения не раз выдвигался на доску почёта отдела и предприятия, в 1971 году награждён почётной грамотой министерства.

О жизненной успешности свидетельствовала и крепкая семья, близкие и родные люди — супруга Надежда Васильевна, с которой они были вместе с 1950 года, дети, внуки. Казалось бы, на этом активная часть жизни состоявшегося, уважаемого человека получила вполне естественное завершение. Но у Анатолия Михайловича все сложилось по-другому.

Ещё в пору работы испытателем он начал изучать хронику военных событий на Ленинградском фронте. К этому его подтолкнуло постоянное соприкосновение с местами недавних сражений — в 1961 году ВНИИ-100 был выделен из состава Кировского завода и переведён в Горелово. Кроме того, испытания танков предполагали их использование в естественных условиях, что происходило на полигоне недалеко от Красного Села, все ещё хранившем следы войны. Так работа стала постоянным, живым напоминанием о страшных кровопролитных сражениях здесь.

В один из дней испытаний, находясь на полигоне, мысленно воскрешая картины боев, словно восприняв некий импульс, он чётко осознал свою ответственность перед памятью тех, кто навечно остался лежать в этой земле. Это побудило его к тщательному изучению опубликованных материалов о боевых событиях на подступах к городу.

Постепенно вырисовывалась целостная картина происходившего на Красносельской земле. Анатолий Михайлович стал делиться своими знаниями с коллегами и на встречах с ветеранами-фронтовиками. Со временем круг слушателей расширился. Его стали приглашать в библиотеки, школы. Особенно благодарной, отзывчивой и заинтересованной оказалась школьная аудитория. Так родилась мысль создать музей на базе Дома детского и юношеского творчества Красносельского района. Разработка концепции и непосредственное её воплощение — заслуга А.М. Рожкова. С 1985 года на общественных началах он стал собирать материалы и формировать экспозицию. С 1991 года числился в ДДЮТ методистом и продолжал работу по созданию музея. К 1995 году музей под названием «Красносельский район — боевой рубеж Ленинграда» был открыт официально.

Центральной частью экспозиции являлась карта-макет, на которой схематически были запечатлены места дислокации войск, направления ударов, отмечен состав частей армий и т.д. Комментарием служили стенды с текстовой информацией и фотографиями, которые размещались на стенах музейной комнаты, в витринах. Живой иллюстрацией были предметы военного времени. Немалые усилия, потраченные на решение организационных вопросов и материальное обеспечение, восполнились интересом и вниманием со стороны основных посетителей музея — учащихся школ района. Встречи проходили в форме бесед, лекций, в проведении которых принимали активное участие коллеги Рожкова, методисты ДДЮТ.

За помощью к Анатолию Михайловичу обращались участники краеведческих конференций, чтений, нередко он выступал в качестве руководителя исследовательских работ. Очень часто, особенно в канун памятных дат, музей становился местом встречи ветеранов-фронтовиков.

В 2010 году экспозиция перекочевала в ГОУ «Центр образования № 167», где был создан школьный музей, одна из выставок которого посвящена городам-героям, вто-

рая — «Красносельский рубеж» — защите Ленинграда. Она состоит из документов и экспонатов прежнего музея, представленных в обновлённом и дополненном виде. Как и раньше, его посещают в основном учащиеся школ, хотя бывают дети дошкольного возраста, а также студенты находящейся неподалёку школы милиции.

Естественным продолжением и развитием музейной работы для А.Н. Рожкова стала подготовка краеведческого пособия «На Юго-Западе Санкт-Петербурга», которое вышло в 1995 году. Содержание книги охватывает период с XVI по XX века и включает сведения по разным темам: географии, истории, религии, культуре Красносельского района. Значительная часть отведена периоду Великой Отечественной войны. Адресованное учащимся и учителям-краеведам, пособие сразу же попало в поле зрения самых разных категорий читателей⁵. Учитывая востребованность, его переиздали в новом формате в 1997 году. Сегодня книга, несмотря на имеющиеся неточности, пользуется большим спросом, поскольку служит единственным источником информации с таким временным и тематическим диапазоном. В качестве подтверждения хочется процитировать объявление из Интернета: «Продаю ксерокопию книги А.М. Рожкова «На Юго-Западе Санкт-Петербурга». По своему построению и содержанию книга не имеет аналогов, а поэтому может представлять интерес для читателей, занимающихся изучением истории Санкт-Петербурга и его окрестностей». О ценности книги говорит и объявленная стоимость — 1100 рублей.

Следует отметить, что автор книги не был исследователем-первооткрывателем. Первая часть пособия — это наработки многих людей, в разное время изучавших историю района, в том числе и результат работы отделения ВООПИиК во ВНИИТрансмаш, члены которой в 1982–1983 годах для газеты

³ СПбГАИПД, ф.1728, оп.1, д.655691

⁴ Там же

⁵ Рожков А.М. На Юго-Западе Санкт-Петербурга : из прошлого Красносельского района : учебное пособие для учителей-краеведов. — Санкт-Петербург : Б. и., 1995. — 76 с.

А.М. РОЖКОВ (В ЦЕНТРЕ) С ДРУЗЬЯМИ-ВЕТЕРАНАМИ

«Поиск» подготовили 10 выпусков рубрики «Отечество». Авторы очерков, к сожалению, неизвестны, кроме одного из победителей конкурса знатоков истории В.А. Ефимова, написавшего статью о Красносельском театре. Об этом свидетельствует машинописный сборник «Страницы истории Красносельского района»⁶. Один из малочисленных экземпляров был у А.М. Рожкова, что позволило ему использовать тексты, а также указанные к статьям источники. При этом не стоит преуменьшать значение и роль Анатолия Михайловича в работе над книгой, поскольку известный материал был переработан, заново скомпонован, значительно дополнен, снабжён иллюстрациями. Все это предполагает доскональное знание информации и, конечно, большую работу. Некоторые темы из дореволюционной истории Анатолий Михайлович старался развить самостоятельно: пытался, например, найти документальное подтверждение сведениям о пребывании А.С. Пушкина на территории современного района, о связях поэта с лицами, проживавшими здесь.

Значительным вкладом в изучение истории края могла бы стать хрестоматия из произведений и эпизодов художественной литературы, содержание которых связано с красносельской землёй. Подборка, составленная Анатолием Михайловичем, была достаточно разнообразной и обширной. К сожалению, его предложение об издании хрестоматии не встретило поддержки.

Он долго сохранял жизненную активность. Участвовал в работе Совета ветеранов, в движении «Примирение», в частности — в организации приезда норвежских легионеров, воевавших в этих местах, и во многом, как отмечал в одной из публикаций военный историк Юрий Лебедев, способствовал установлению духа примирения внутри самого движения. Анатолий Михайлович исповедовал ценности своего времени, до конца жизни был коммунистом, но, возможно, постоянное соприкосновение с событиями, ставшими принадлежностью истории, позволило ему взглянуть на проблему войны и мира как на проблему общечеловеческую, как источник беды для любого человека и как угрозу жизни на Земле. Кроме того, встречи бывших противников стали источником новых исторических сведений, что для Анатолия Михайловича как для исследователя было очень ценно.

Со стороны же эти события воспринимаются даром судьбы, позволившим исполнить одну из евангельских заповедей: примириться — значит простить. Умение же прощать — важнейшее человеческое качество. Думается, что Анатолий Михайлович покинул сей мир с миром в душе.

А.М. Рожков ушёл из жизни 25 июля 2011 года. И мы должны помнить о нем, сделавшем так много для сохранения сведений о важнейших событиях в истории нашей страны и о многих и многих людях, отдавших свои жизни во имя будущего. Наш несомненный долг — сохранить память об этом человеке. Было бы хорошо инициировать переиздание его книги, а так же создать хотя бы небольшую экспозицию, посвящённую А.М. Рожкову.

Думается, что обращение официальных лиц к его родственникам с просьбой поделиться какими-либо материалами для музея воспринялось бы более убедительно, чем частная инициатива.

⁶ Страницы истории Красносельского района; Ленгор. отд-ние ВООПИиК, Секция исторических памятников. — Л., б.д. — 76 л.

ГРИГОРЬЕВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ВОЙНА ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИЦЫ

«...Война с фашистами поначалу не пугала. Вообще слово «война» не было для меня и моих подруг страшным. Наоборот, это было что-то новое в обыденной жизни. Тётя Маня плакала. Она когда-то пережила и 1914-й, и 1919-й годы и знала, что это такое. А мне было просто интересно. Тем более что ходили слухи о том, что Петергоф немцы не тронут, так как берегут его как подарок Гитлеру».

Читаешь такие строки и удивляешься. Вот, оказывается, какие ощущения испытывали юные сердца! А ведь в голову не придёт, что войны можно не испугаться. Мы привыкли к тому, что все репродукции военной тематики, все художественные фильмы о войне наводнены изображениями испуганных глаз, напряжённых, в страхе застывших перед репродукторами людей. Мы просто уверены в том, что все, от мала до велика, боялись войны. Но ведь было-то не так...

Цитату, с которой начинается моё повествование о войне, я позаимствовала из неизданных воспоминаний моей мамы, Щенниковой (Трофимовой) Ольги Ивановны (1923–2012), внучки потомственного почётного жителя Петергофа, Трофимова И.Т. (1840–1932). Дата начала войны трагическим образом совпала с днём, на который был на-

значен первый для мамы школьный выпускной бал. Школу мама окончила с аттестатом, окаймлённым золотой рамкой (сейчас вручают выпускнику золотую медаль). Такой аттестат давал возможность выпускнице поступить без экзаменов в любой вуз Ленинграда. Так бы и произошло, если бы не война...

Мама стала записывать свои воспоминания, будучи уже очень пожилым человеком.

В нашем семейном архиве сохранились письма, записочки, фотографии довоенных и военных времён. Некоторые, местами стёршиеся, карандашные записи разглядеть можно было только сквозь увеличительное стекло. И, если это удавалось, она была счастлива. Для того, чтобы со временем содержание этих документов не пропало, необходимо было сохранить их в печатном варианте. Вот мы и решили заняться этой кропотливой работой. Мама — с лупой, тетрадь и ручкой для записей, а я — за компьютером и сканером.

Когда знакомишься с документами, картина предвоенных и военных лет приобретает более чёткие контуры. И, даже если читаешь коротенькие хронологические записи из маленькой маминой записной книжки, чувствуешь её переживания. Вот некоторые из этих записей:

«...30/XI — Военные действия в Финляндии, 8 ч. 20 мин. Утра 22 июня 1941 г. — Война с Германией 17 августа 1941 г. — отъезд из Петергофа 19 августа 1941 г. 12 ч. 30 мин. — отъезд из Ленинграда 26 сентября 1941 г. — сгорел наш дом в Петергофе 19 января 1944 г. — Петергоф освобождён 27/I — полное снятие блокады Ленинграда! 20 час. Салют — 24 выстрела из 324 ор .1/III — 44 г. — Петергоф переименован в гор. Петродворец, 5/IX -44 г. — Финляндия вышла из войны 9/V- 45 г. Итак, всё кончено!!! Германия капитулировала!

Эту книжечку я нашла уже после маминей смерти. И такими бесценными после этого стали для меня записи, сделанные её рукой во время нашей совместной работы над воспоминаниями. Перечитывая сейчас строчки, которые когда-то печатались просто автоматически с маминого рукописного текста, делаю для себя открытие за открытием. Например, я никогда не задумывалась раньше о том, что из Петергофа можно было наблюдать ход войны с финнами, а оказывается: «...в Финскую войну через Петергоф шли войска. Из окон школы через залив мы смотрели на разрывы бомб и снарядов, но нас это не затронуло и быстро кончилось. Помню только, как один наш танк в темноте упал в Фабричную канавку, но она была неглубокой, и все обошлось без жертв».

Не анализировала я и то, каким образом немецким войскам удалось прорваться к Петергофу, но мама побывала в роли землекопа, непосредственного создателя противотанковых рвов. Вот что она об этом пишет:

«...В связи с неожиданностью обстановки, у нас в школе не было выпускного вечера. Всех мальчиков сразу же забрали в военкомат, а девочек — «на окопы». Но наша работа оказалась пустой, наш труд — напрасным. Мы рыли противотанковые рвы. Предполагалось, что танки, попавшие в такой ров, не смогут выбраться, так как он имел покатый «въезд» и совершенно отвес-

ную противоположную стенку, в которую предполагаемый танк должен был врезаться и застрять. Но немцы прорвались к Ленинграду и шли с другой стороны, так что эти рвы не были для них препятствием».

Вчерашние школьники, в сущности ещё дети, легкомысленно отважные и наивные, были брошены в такое пекло... Случайная пуля или осколок легко могли прервать только начавшиеся жизни. Но разве они об этом задумывались? Такой была и моя мама:

«Окопы мы рыли в жару. Хотелось пить. Работникам привозили бочку кваса, но попить удавалось редко — слишком много было желающих. Иногда нас обстреливали с самолётов. При первом обстреле все бросились врассыпную, а я увидела, что у бочки с квасом никого не осталось, и побежала к ней, мечтая только о том, чтобы утолить жажду».

Читая эти воспоминания до конца, получаю более точные сведения и о Петергофе, и об августовской эвакуации ленинградских предприятий в 1941 году. Узнаю и об ограниченных возможностях эвакуированных получить продуктовый паёк, и о заработках тех лет, и о голоде, который преследовал людей, оказавшихся в эвакуации, и о том, как трудно было вернуться из эвакуации в родные места, и о том, как выглядел переживший блокаду город:

«...Вернулись мы из эвакуации в конце весны. Ленинград 1944 года поразил меня немноголюдностью, почти пустыми улицами и цветами одуванчиков, пробившимися через потрескавшийся асфальт... Так странно: на огромной городской улице — жёлтые цветы...»

После возвращения из эвакуации мама чуть не подорвалась в Петергофе на фашистской мине...

Для нашей семьи это уже стало семейным преданием, так же, как и всё то, что довелось испытать и вынести во время войны некогда легкомысленной выпускнице 1941 года.

ШМЕЛЬКИН СЕМЁН ФЁДОРОВИЧ МОЙ ЛУЧШИЙ НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК. КУКЛА

Начало этой истории относится к далёкому довоенному времени — 1935 году.

Произошла она в большой коммунальной квартире, состоящей из двенадцати комнат, каких было немало в то время в Ленинграде.

В этой квартире, расположенной в Ковенском переулке, в центре города, на третьем этаже небольшого трёхэтажного дома, проживало двенадцать семей. Длинный коридор, куда выходили двери всех комнат, проходил по всей квартире от входной двери до кухни и служил прекрасной игровой площадкой для маленьких обитателей этого жилища. Лучшим местом для игры в прятки были многочисленные сундуки и шкафы — хранилища всякого нужного и ненужного добра, нажитого за долгие годы каждой семьёй. В одной из комнат, в семье учителей, жила девочка. Тогда ей было 6 лет. Сейчас ей уже много лет, и живёт она далеко от места своего рождения. Рассказав эту историю, она просила не называть своё имя, и поэтому наречём её просто Девочка.

Большую часть времени родители Девочки были на работе, поэтому с детства она была достаточно самостоятельной: ходила в магазин за продуктами, готовила на керосинке незатейливую еду, а в дни дежурства её семьи подметала пол в коридоре и в местах общего пользования. Груз не детских забот сделал Девочку не по возрасту серьёзной; она не участвовала в общих забавах детей и без надобности не выходила из своей комнаты.

Однажды, накануне нового 1936 года, жильцы квартиры решили сообща поставить для детей в кухне ёлку и повесить на неё все имеющиеся в каждой семье игрушки. За час до Нового года они заперли ребятню в своих комнатах и повесили на ёлке подарки — кукол, плюшевых мишек, зайцев из папье-маше и т. д., причём количество подарков было равно числу детей. После этого все разошлись по своим комнатам.

Встретить Новый год решили в кухне, все вместе. Дети, конечно, догадывались, что взрослые им что-то готовят, но, увидев

такую большую ёлку с таким количеством игрушек и подарков, они были вне себя от радости. Дети бегали вокруг лесной красавицы, рассматривали невиданные ранее игрушки, и их руки уже тянулись к гостинцам.

Но взрослые хотели доставить детворе ещё большую радость. Для этого они придумали вот что: каждый из маленьких обитателей квартиры должен был вытащить из шапки бумажку, на которой был написан номер. Этот номер означал, каким по порядку должен подойти ребёнок к ёлке и взять понравившуюся игрушку.

У Девочки оказался последний номер, и она, вздохнув, встала в самый конец длинной очереди. Дети чинно, в порядке своих номеров, подходили к ёлке и снимали светок приглянувшиеся игрушки. Взрослые были очень довольны своей затеей. А детские глаза, вначале загоровшиеся от такого обилия подарков и возможности взять любой, постепенно грустнели, улыбка сходила с их лиц, и в особенности у тех, кто находился в конце очереди, ведь количество подарков было равно числу детей, и самые красивые из них всё снимались и снимались с ёлки. Когда пришёл черёд Девочки, на ёлке осталась лишь одна кукла. Девочка медленно подошла к ёлке, обошла её со всех сторон и, убедившись, что на ёлке кроме куклы ничего нет, тихо вздохнула, сняла куклу с ветки, прижала к себе и, скрывая выступившие слёзы, села в углу на табуретку. Вокруг бегали дети, обменивались подарками, но к ней никто не подходил, никто не хотел с ней меняться. Через час взрослые и дети разошлись по своим комнатам; Девочка прошла в свою, разделась, и, взяв куклу с собой в кровать, быстро уснула. В эту ночь Девочке приснилось, что у неё появился прекрасный плюшевый мишка, который понравился ей больше всех; она бегала с ним по квартире, обнимала и целовала его.

Яркое солнце нового дня разбудило Девочку. Она с надеждой открыла глаза, но

вместо великолепного мишки на неё смотрела кукла. Но Девочке показалось, что от бездушной куклы исходит какое-то тепло. «Это будет моя дочка», — подумала она и решила сделать ей новогодний подарок. В одной рубашонке Девочка выбежала в кухню, оторвала снизу ёлки веточку и, сделав из газеты маленький кулёк, положила туда леденец, ломтик хлеба, кусочек картофелины и фантик из-под конфеты. У себя в комнате, в своём маленьком шкафчике она посадила куклу на веточку и положила рядом кулёчек с едой. Девочка говорила кукле какие-то ласковые слова и обещала ей, что никогда с ней не расстанется, что не будет её обижать.

Прошёл год, больше взрослые такого новогоднего праздника детям не делали, но Девочка по-прежнему в первый день каждого нового года делала подарок своей кукле, и так продолжалось пять последующих лет. С началом войны большая коммунальная квартира почти вся опустела — кто эвакуировался, кто поехал к родным и не вернулся. Отец Девочки служил под Ленинградом и, изредка навещая семью, отдавал им скопленный солдатский паёк. Поэтому мама с дочерью решили из города пока не уезжать.

Наступила осень, начались бомбёжки города, а потом ввели и продовольственные карточки. Мама Девочки работала в госпитале, и все обязанности по получению продуктов по карточкам легли на плечи ребёнка. Чтобы получить небольшую порцию продуктов, уменьшающуюся каждую неделю, Девочке приходилось часами выстаивать на холодном пронизывающем ветру. Когда отключили водопровод, она с двумя маленькими ведёрками ходила за водой к Неве — три километра туда, три километра обратно.

Однажды осенью, под утро, раздался мощный взрыв, окна в комнате задребезжали и чуть не раскололись. Жильцы выскочили на улицу. Девочка тоже выбежала из

дома, держа в руках самое дорогое — продовольственные карточки и куклу. Рядом с домом стояла церковь, теперь от неё остались лишь руины. А ведь бомба могла бы угодить в их дом.

К декабрю 1941 года количество выдаваемого хлеба резко уменьшилось. Отец из-за блокады уже не мог навещать семью. Какие-то крохи еды приносила из госпиталя мать Девочки.

Наступила новогодняя ночь 31 декабря 1941 года. За окном, завешенным тряпьем из сундуков уехавших соседей (всё деревянное, в том числе и сами сундуки, давно сожгли в буржуйке), стоял 30 градусный мороз. На столе лежало несколько кусочков только что полученного хлеба пополам с какой-то трухой, студень, сваренный из клея, два кусочка сахара. На двух почти разломанных стульях — женщина и десятилетняя девочка. Они ждали, когда часы пробьют 12, чтобы приступить к нехитрой новогодней трапезе. Вдруг Девочка, что-то вспомнив, подбежала к своему шкафчику и извлекла из него куклу и пять кульков, завёрнутых в газетную бумагу. Она бережно посадила куклу на стол, машинально накинула на неё какую-то тряпку, развернула кулёчки и положила их содержимое рядом с куклой. Пять небольших чёрных сухариков, пять леденцов и пять красивых фантиков показали маме с Девочкой чудом из другого, уже забытого мира. Они вдыхали запах настоящего довоенного хлеба, облизывали леденцы, разглаживали не потерявшие своих цветов фантики и вспоминали ту первую ёлку и ту последнюю игрушку, куклу, доставшуюся Девочке, и которая

сейчас, как казалось им, спасёт их от голода. Кукла мысленно вернула их в то время, которое уже успело стереться из их памяти. Казалось, что в комнате стало чуть-чуть теплее, и исхудавшие щеки Девочки слегка порозовели. В эту новогоднюю ночь Девочка заснула вместе с куклой, обнимая её своими худыми ручонками. Но в эту ночь ей уже ничего не снилось. А утром первого дня нового года, как всегда, Девочка взяла самый маленький кулёчек, положила туда 5 граммов блокадного ленинградского хлеба. А сколько это — 5 граммов хлеба, — она знала точно, получая его по карточке. Бережно взяв кулёчек, Девочка отнесла его в свой шкафчик и положила рядом с куклой. На следующий год Девочка отнесла кукле уже 10 граммов хлеба. В декабре 1944 года, в канун Победы, рядом с куклой уже лежало четыре кулёчка разного размера.

Девочка стала Девушкой, затем Женщиной, но она всегда помнила о той декабрьской ночи 1941 года и о кукле, которая, как казалось ей, спасла их от голодной смерти. Она была уверена, что эта кукла принесла в дом счастье: вернулся с фронта живой и невредимый отец, да и сама она вышла замуж за прекрасного человека.

И вот уже наступила пора рассказать своей взрослой дочери об истории куклы и передать её как самую дорогую семейную реликвию. Дочь, в свою очередь, когда-нибудь передаст куклу своей дочери, и все женщины этого рода будут всегда хранить и беречь её, ибо без этой куклы ещё в 1941 году прервалась бы тонкая жизненная ниточка семьи Девочки.

ШМЕЛЬКИН СЕМЁН ФЁДОРОВИЧ

БЫЛЬ О ДЕВОЧКЕ И КОТЕ КИРЮШЕ

Стояло жаркое лето 1943 года. На улицах все ещё находящегося в блокаде Ленинграда в знойной дымке кое-где проступали деревья с появившимися зелёными листочками, и, как чудо, сидящими на них редкими худыми воробьями. Они, случайно вылупившиеся в гнёздах не съеденных прошедшей весной и зимой их родителей, чирикали, что-то клевали, и редкие прохожие уменьшившегося вдруг города непроизвольно улыбались, каждый видя своё в этих маленьких пушистых живых комочках. И наша знакомая Девочка, ставшая старше на 2 года после того зимнего вечера 31 декабря 1941 года, глядела на это живое чудо с недетским изумлением, ведь за последние два года в своих постоянных заботах о получении продуктов по карточкам она не встречала на своём пути никого из мира животных. Конечно, она видела их, но только в постепенно сжигаемых в буржуйке книгах.

Мыши были первыми в её сознательной жизни существами, даже не сами мыши, а

их шорохи. Она в своей большой, уже пустой квартире слышала сначала пугающие её шорохи, и, как ей объяснила мама, это были мыши, такие же голодные, как и они. Но на картинках в книжках они казались ей такими маленькими и беззащитными, и за ними охотились большие рыжие коты с большими усами, что невольно она сочувствовала бедным мышкам. И как она радовалась, что мыши в очередной раз спасались от таких ужасных рыжих котов.

Выходя на улицу, Девочка видела людей с лопатами, которые старательно убирали остатки двухлетней блокады. Она понимала, что оставшаяся после бурной весны грязь могла бы повлечь за собой эпидемии, о чем непрерывно говорило никогда не выключаемое радио. Велика была опасность эпидемий от крыс, неимоверно расплодившихся ввиду отсутствия кошек, почти поголовно съеденных ещё в первую половину зимы 1941–1942 годов.

И вот однажды, таким же знойным летним днём, пришедшая с работы мама взвол-

нованно сказала, что скоро в город завезут несколько вагонов кошек, собранных жителями соседних городов. К ним в госпиталь тоже обещали дать несколько кошек для борьбы с крысами, особенно опасными для раненых. И правда, через неделю мама сказала Девочке, что завтра утром они пойдут на вокзал, куда из Ярославля привезут первых кошек. Надо взять одеяло, в которое они бережно завернут кошку и принесут к себе домой. Дымчатых и полосатых, рыжих и чёрных, взрослых и котят — их везли в вагонах, и их были сотни. К поезду уже с утра собралась большая толпа ленинградцев — они все дожидались кошек как спасителей, которые могли дать отпор всему крысиному племени. Действительно, крысы поутихли, но избавиться от них не удавалось. Просто не хватало кошек. И к концу войны в Ленинград приехало ещё 5 тысяч кошек — на этот раз из Сибири (недаром потом именно в Ленинграде была выведена на основе сибиряков невольная маскарадная кошка — генетического материала хватало).

Когда мяукающий состав подошёл к платформе, сопровождающие вагоны люди, одетые в толстые ватники и брезентовые рукавицы, стали передавать кошек в тянущиеся к ним руки ленинградцев. Всё новые и новые люди подходили к составу, и маме с Девочкой никак не удавалось даже близко подобраться к вагонам. Наконец остался последний вагон с кошками, а число желающих их взять, казалось, не уменьшалось. «У нас не будет кошечки», — со слезами сказала маме Девочка, и тогда мама, очень нерешительная по жизни, крепко схватив дочку за руку, буквально ворвалась в толпу людей с развёрнутым в сторону вагона одеялом, куда и шлёпнулся какой-то живой комочек. Она машинально завернула одеяло и с трудом выбралась из толпы. В стороне мама развернула одеяло, и они увидели на дне маленького, еле мяукавшего со страха, мокрого полосатого котёнка. Можно себе представить, сколько пережило это суще-

ство, судя по всему, родившееся в долгой дороге из Ярославля в Ленинград. Мама, за два года работы в госпитале превратившаяся из учителя в опытную санитарку, ловко перевернула котёнка на спинку, сказала дочке, что это, видимо, котик, но он такой маленький, что кот это или кошечка — она определит позже, когда это самое существо подрастёт. «Мама, а как мы его назовём?» — спросила дочка. «Придумай сама», — сказала мама, и Девочка задумалась. Почему-то ей в голову пришло имя Кирюша, если это будет котик. Так она ласково звала Кирилла, её одноклассника, знакомого мальчика из её двора. Если это будет кошечка, она назовёт её Диной, как в той сказке об Алисе в стране чудес, которую ей недавно читала мама. Отогретый и высушенный, почти невесомый, завернутый в тёплое одеяло, котёнок постепенно успокоился на руках Девочки. Всю дорогу домой она представляла себе, как познакомит котика с её дочкой Куклой, и теперь у неё будут и сын, и дочка. «В крайнем случае, две дочки», — вздохнула она. Придя домой, Девочка распеленала котика и положила его рядом со своей Куклой — пусть они познакомятся. Котик проснулся и тихо замаякал, видимо, он хотел есть. Девочка намочила маленький кусочек хлеба в остатке чая и поднесла к его красному язычку. Он понюхал и отвернулся, продолжая мяукать. Но, в конце концов, он взял кусочек хлеба в свой ещё почти беззубый рот и стал судорожно сосать. Наконец-то Девочка смогла разглядеть это крохотное существо. Оно было полосатым с изумрудными глазками и с белым нагрудником. И ещё: одна лапка была белой. Да, с такими знаками на теле она его никогда не потеряет. Сытый и довольный котик потянулся к Девочке и обнюхал её, видимо, запоминая запах своей «мамы» на всю жизнь. Затем, он, почувствовав такой же знакомый запах, обнюхал и Куклу. Наверное, по кошачьему правилу, эти два первых существа, встреченные им, стали на всю его небольшую

кошачью жизнь членами его стаи, которых надо всегда любить и защищать. Когда котик подрос, мама, заглянув ему под хвост, уверенно сказала — кот. Так в их семье появился Кирюша. Теперь продукты семьи делились уже на три равные части, и гордый Кирюша, видимо, понимая скудность еды, никогда не просил добавки. Вскоре в квартире прекратились шорохи, может быть, он дополнительно питался, охотясь на мышей. Кирюша несколько раз приносил Девочке пойманных мышей, видимо, пытаясь с ней поделиться, но после нескольких неудачных попыток он понял, что пойманные мышки никого, кроме него, не интересуют. Интересно отметить, что после появления в её жизни Кирюши, Девочка изменила своё отрицательное отношение к кошкам, ранее почерпнутое ею из книжек.

До конца войны Кирюшу не выпускали на улицу, помня о том, что кошек порой вылавливали голодные ленинградцы. За два года котик вырос в красивого и гордого кота, мир которого ограничивался коммунальной квартирой и тремя (включая Куклу) любимыми существами. Он усвоил все правила туалета, у него появились любимые места для отдыха и сна. Но вот однажды, привязав конец бечёвки к шее Кирюши, мама и Девочка, несмотря на его сопротивление, вывели кота на улицу. Сначала, увидев столько незнакомых существ и почувствовав столько незнакомых запахов, он прижался к Девочке, задрожал всем телом и замяукал от страха. На этом и закончилось его первое знакомство с улицей. В следующие разы он постепенно осмелел, но каждый раз, уходя на всю длину бечёвки, оглядывался и поджидал свою хозяйку. Он стал сильным и большим котом, и, видимо, не желал доставлять боль своей маленькой Девочке, слишком сильно натягивая бечёв-

ку. В то время в городе было слишком мало кошек, поэтому соседи, у которых были кошки, прослышав про такого породистого кота, просили Девочку отпустить его на время к ним в гости. Исполнив свой долг, Кирюша, облизываясь от предложенного угощения, приходил домой, но обязательно каждый раз приносил Девочке или кусочек мяса, или косточку — ведь надо накормить членов его стаи. Девочка, чтобы не обидеть Кирюшу, не отказывалась от угощения, и припрятывала его, а, затем отдавала ему как долгожданное лакомство.

Интересно отметить, что некоторые котята, отцом которых был Кирюша, имели точно такие же отметины, как у него. И ещё Девочка всегда просила назвать хоть одного кота Кирюшей, а кошечку Рюшей.

Прошло 12 лет, и взрослая уже Девочка, никогда не расстававшаяся с членом семьи — котом Кирюшей, решила оставить одного котёночка себе. Выбор пал на кошечку Рюшу. Благородный кот Кирюша обнюхал нового члена стаи и сразу же стал обучать её всем правилам семьи, начав с того, что привил ей уважение к Девочке и Кукле. Через два года Кирюша ушёл из жизни, но, казалось, его дух, дух праотца, не только был сохранен в многочисленных домашних фотографиях, но и в его многочисленном потомстве. У Рюши рождались котята с его неизгладимыми знаками на теле: полосатые, с изумрудными глазами, белым нагрудником и одной белой лапкой.

Затем ушла из жизни Рюша, оставив девочке кота Кирюшу — копию того, первого Кирюши, который принёс столько радости семье Девочки. И всегда, из поколения в поколение будет сохраняться память о том первом коте в виде фотографий, живых потомков и удивительного имени, которое обязательно носит один из них.

ШМЕЛЬКИН СЕМЁН ФЁДОРОВИЧ ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

Начало истории, которую я хочу рассказать, относится к далёкому 1946 году — первому мирному году. Ленинград, недавно переживший блокаду, с трудом приходил в себя, постепенно очищаясь от руин. Вместе с жителями города в разборке развалин и восстановлении домов участвовали и пленные немцы, которых каждый день откуда-то пригоняли. Они строили в разных районах города двух-трёхэтажные дома. Эти дома оказались очень крепкими, и даже сейчас, через 60 лет, не выглядят ветхими, видимо, потому, что строились немцами, характер которых не позволял им строить плохо даже в стране, их победившей.

Я впервые увидел пленных немцев в центре города, в Ковенском переулке, где они восстанавливали католическую церковь, разрушенную в 1942 году.

Мы, мальчишки военных лет, пережившие блокаду, часто прибегали посмотреть на пленных, по вине которых от голода и от обстрелов погибали наши близкие. Честно говоря, у нас, детей, особой ненависти к немцам не было, больше любопытства. Мы видели, как плохо они были одеты. У них были

тонкие шинельки, порванные и зашитые кое-как. Правда, и мы были одеты не лучше. Но у нас здесь был свой дом, где мы могли согреться, спрятаться от дождя или снежной бури. Немцам же негде было укрыться. Они прятались среди развалин, дрожа и кутаясь в свои промокшие шинели. Чтобы как-то прокормиться, пленные мастерили незатейливые деревянные игрушки, которые меняли на хлеб.

Со временем мы, ребятня, стали совсем близко подходить к пленным, глядя на их небритые, истощённые от голода и непосильного труда лица, и скоро мы даже стали различать их. У нас появились и «свои» немцы, дружески махавшие нам руками. Мы приносили им кусочки хлеба, которого ещё и сами не имели вдоволь. Они с жадностью ели хлеб, держа его двумя руками, чтобы не потерять ни крошки драгоценной еды. Иногда мы собирали окурки для них.

Взрослые, однако, нас не поддерживали в нашем желании накормить пленных, они не могли забыть себя такими же голодными всего два-три года назад, добавляя при этом, что если бы всё было наоборот, вряд

ли немцы кормили бы русских пленных. Но никто нас не гонял, а иногда сердобольные горожане даже давали для немцев кое-какую одежонку.

Со временем мы узнали несколько немецких слов, таких как «danke» — «спасибо», «gauchen» — «курить» и другие, сопровождаемые характерными жестами.

Особенно часто мы общались с немцем по имени Манфред. Он был старше других и казался нам, мальчишкам, стариком. Но ему, как я сейчас понимаю, было тогда 30–35 лет, просто он был истощён больше других.

Однажды в первых числах января 1947 года Манфред подозвал нас. Мы подошли к нему, поделились едой, оставшейся после нехитрой рождественской трапезы. Он взял, как и всегда, с благодарностью. И вдруг протянул моему другу спичечный коробок, что-то сказав при этом. Мы ничего не поняли. Лишь дома, открыв коробок, мы увидели в нем маленький оловянный крестик и кусочек бумажной полоски, видимо, оторванной от газеты, где на немецком языке были написаны какие-то слова и цифры. Тогда мы не поняли, что это были за знаки. Видимо, Манфред хотел нам что-то оставить на память, не надеясь выжить, и положил свой крестик в коробок. Вероятно, он думал, что мы сохраним его и записку как память о нём, ведь больше у него ничего и не было.

Это была последняя встреча с Манфредом. На следующий день стройка опустела: либо немцев перевели на другие, более важные объекты, либо их стали отпускать домой.

Я переехал в другой район Ленинграда, и мои отношения с другом прервались. Правда, мы иногда с ним перезванивались и поздравляли друг друга с праздниками.

Прошли годы. События тех лет не казались мне особенно важными, и я стал их постепенно забывать. Но вдруг звонок жены моего друга, прозвучавший в начале 2000 года, вернул меня в послевоенное детство. Женщина попросила приехать к ней, что-

бы передать мне, как она сказала, тот самый спичечный коробок с крестиком и запиской. Я знал, что мой друг детства недавно умер, но я, к сожалению, не был на его похоронах, и звонок его жены был для меня неожиданным.

Семья моего друга по-прежнему ютилась в той же коммунальной квартире, в которой я так часто бывал в детстве. По дороге к ним я задавал себе вопрос: как же они сохранили тот коробок? И тут я вспомнил, что, когда заходил к другу домой, то видел икону, висевшую в углу комнаты, и зажжённую перед ней лампадку. Теперь-то я понимаю, что семья моего друга была верующей. И вот почему его мать, люто ненавидевшая немцев и из-за блокады, и из-за погибшего на фронте мужа, из-за своей потерянной молодости и из-за мысли, что она должна остаться на всю жизнь одна, всё же не выбросила эту коробочку: ведь там же был крестик. И появился он у них в дни Рождества.

Я шёл по давно забытому переулку, и от чего-то щемило сердце: то ли воспоминания детства, то ли память о моём друге, с которым я не встречался более пятидесяти лет.

Меня встретила пожилая женщина и провела в свою комнату. Везде стояли фотографии её умершего мужа, а в углу висела та же икона из моего детства. Женщина предложила чай. Я не отказался. Затем она достала тот самый коробок. Я с волнением открыл его и увидел маленький оловянный крестик и изрядно выцветшую записку.

Я раскрыл её и только теперь смог прочитать написанное. Там был указан город — Нюрнберг, улица, номер дома и фамилия Манфреда — Вернер.

И вот, в 2008 году судьба занесла меня в Германию, в тот самый город Нюрнберг. Надеюсь отыскать родственников Манфреда или его самого, я взял с собой заветный спичечный коробок. По адресу, указанному в записке, я нашёл дом. Он оказался на окраине города. На двери не было номера квартиры, а только фамилия: Вернер. Я нажал звонок.

На вопрос, кто звонит, я ответил, что приехал из России и ищу Манфреда Вернера. Дверь открыли не сразу, видимо, хозяйева находились в некотором замешательстве. Я поднялся на второй этаж, где меня встретила седая полноватая женщина средних лет. Из-за её спины выглядывал молодой мужчина. Я представился ещё раз и вошёл в небольшую квартирку, затем достал заветный коробок и открыл его. Женщина с недоумением взяла крестик и взглянула на записку. И она всё поняла. У неё вдруг вырвалось по-немецки: «Mein Vater!» «Мой отец!». Слёзы появились на её глазах. Она прижала крестик к губам, что-то шепча при этом.

Придя в себя, хозяйка сказала мне, что её отца не стало совсем недавно. Потом она рассказала о его последних годах жизни. Он был очень бодрый, живой. Вместе с женой они объездили всю Европу. Три года назад, потеряв жену, он переехал к ним в просторный двухэтажный дом, где копался в их маленьком садике, разводил цветы, занимался мелким ремонтом по дому. Но два года тому назад он, видимо, перестарался, работая в саду на жарком солнце, и с инсультом попал в больницу. И тут ему ещё раз пришлось встретиться с далёким военным прошлым.

Рядом с ним в просторной, рассчитанной на двоих палате, лежал тоже очень пожилой человек, как оказалось, из России, который поступил сюда тоже с инсультом. Его родные рассказали, что он — бывший солдат, прошедший почти всю войну и потерявший глаз в последних боях под Берлином, стал инвалидом. Из немецких слов он знал только те, которые ему пришлось слышать от немецких военнопленных. Большой запас слов был у немца: он запомнил их за 10-летний срок в плену в России. Поэтому, находясь вдвоём в палате, они в основном молчали, лишь по утрам, просыпаясь, махали друг другу здоровыми руками в знак приветствия, показывая, что они ещё живы. А

вечером, перед сном, тем же взмахом руки желали друг другу спокойной ночи. Потом она добавила, что, видимо, их примирила мудрость пожилых людей, которым выпал редчайший шанс уцелеть в мясорубке войны. Они относились к каждому дню жизни как к подарку судьбы, и это не позволяло им, прикованным к кроватям одной и той же болезнью, упасть духом, замкнуться. Её отец, добавила она, часто рассказывал о русском плену, о том, что в Ленинграде ему помогли выжить два русских мальчика, и что он оставил им свой адрес, надеясь, что кто-нибудь из них найдёт его семью и передаст ей крестик из коробочки и записку. И вот теперь, более чем через 60 лет, его послание дошло до адресата.

Женщина познакомила меня с его внуком, тоже Манфредом. Он был очень похож на своего деда. Хозяйка, скрывая своё волнение, выставила на стол всё, что у неё было в холодильнике. Видимо, она хотела выполнить волю своего умершего отца: накормить своих спасителей.

Прожив большую жизнь, многое повидавший, видимо, став к старости сентиментальным, я с трудом удержался от нахлынувших на меня чувств.

Женщина с большим вниманием слушала мой рассказ о наших встречах с её отцом в Ленинграде. А прощаясь, я сказал, что просьба, высказанная в Рождество, обязательно должна быть выполненной. Так и случилось.

Что касается заголовка этого рассказа, то каждый читатель может поставить запятую там, где подскажет его совесть. Я же поставил запятую после слова «нельзя». Забыть нельзя, простить. Мои слова относятся к простым немцам, сознание которых в период нацизма было изуродовано фашистской идеологией, и это время навсегда пятном войдёт в историю Германии.

ФИЛАТОВА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ушли мальчишки и отцы
 На фронт, страну свою спасая.
 Они лишь Родины бойцы —
 Не все пришли в начале Мая.
 Сейчас их правнуки и внуки
 Не помнят уж годов лихих.
 Тех лет и подвиги, и муки
 Должны вы чтить во память их,
 Ушедших...
 Не забывают
 Родных и близких
 На фронтовых дорогах
 Погибших!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Из блокады на фронт уходил брат,
 Он, как все, был Отчизны солдат.
 Вскоре умерли мать и отец, —
 Это жизни ещё не конец.
 Что же делать? Прибавив себе пару лет,
 В эту бездну пошла я за братом вослед.
 Всё пройдя до Победы, вернулась назад.
 Только где же мне брата теперь отыскать?
 И мне мама поведала мысли свои:
 «Были поиски долгие, тщетны они».
 Много дней по архивам, помня мамин наказ,
 Я искала пропавшего без вести Вас.
 Вот стою у могилы в деревеньке простой:
 «Здравствуйте, дядя, для меня Вы — герой.
 Может, Вы не успели медаль получить,
 Только всё Вы свершили,
 Чтобы мы могли жить».
 Я его поминаю во храме всегда:
 «Я нашла его, мама, голубка моя».

КОСТЫШИНА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

НАГРАДА КРАЕВЕДУ

В апреле 2015 года в Мариинском дворце состоялось награждение победителей и лауреатов Ежегодной литературной премии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова. Людмила Васильевна Кисель-Загорская была удостоена премии за литературный историко-краеведческий труд «Горелово и его окрестности».

Людмила Васильевна Кисель-Загорская — житель блокадного Ленинграда. В 1953 году окончила Гатчинское педагогическое училище, затем Институт им. Герцена. Преподавала географию. Ветеран труда, член Общественного совета по краеведению Красносельского района, проводит уроки краеведения.

Л.В. Кисель-Загорская — автор книг, посвящённых истории и современной жизни Муниципального округа «Горелово». В основу изданий легли многочисленные архивные документы и рассказы свидетелей исторических событий, которые Л.В. Кисель-Загорская по крупицам собирала и обобщала в течение многих лет.

На сегодняшний день книга пережила пять переизданий и является наиболее полным историко-краеведческим трудом, посвящённым МО «Горелово».

Её выход в свет стал возможным, благодаря поддержке Муниципального совета и администрации МО «Горелово». Книги переданы в архивы, музеи и библиотеки Санкт-Петербурга.

Благодаря сотрудничеству библиотеки № 4 «Горелово» и Людмилы Васильевны Кисель-Загорской к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга в 2003 году в библиотеке была открыта постоянная экспозиция «Летопись земли Красносельской. Горелово», которая регулярно пополняется новыми материалами по истории микрорайона.

КИСЕЛЬ-ЗАГОРСКАЯ ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ... С УВАЖЕНИЕМ К СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ЗАЩИТНИКАХ ЛЕНИНГРАДА

*Мы для грядущих поколений
Всю память сохранить должны
О тех далёких днях сражений,
Чтоб новой не было войны.*

Всё дальше уходят в прошлое героические сражения за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны, но память о беспримерном подвиге советского народа останется в сердцах благодарных потомков.

Сейчас возрождается интерес к истории Отечества. Люди хотят знать подробности о событиях, о которых раньше умалчивали или принижали их значение. В работе, связанной с патриотическим воспитанием населения, очень важно сохранить связь между прошлым и настоящим; на основе материалов музеев, воспоминаний ветеранов воспитывать чувство готовности в любое время обеспечивать безопасность и защиту страны, совершать подвиги ради её независимости, трудиться усердно ради развития и процветания Родины.

В Муниципальном округе «Горелово» большое внимание уделяется изучению истории своего края. В школах ребята под руководством учителей готовят интересные выступления к историческим датам, проходят встречи с ветеранами. Оформлены экспозиции о героической защите Ленинграда в годы блокады.

Муниципальный совет и администрация нашего округа оказывают поддержку в краеведческой работе. Именно благодаря руководству округа в последние годы изданы книги «Горелово и его окрестности». Особенно полно даны исторические сведения о крае в последнем, 4-м издании. Книги переданы в архивы, музеи, библиотеки Санкт-Петербурга. Их содержание и оформление получили высокую оценку специалистов: например, в Россий-

ской Национальной библиотеке наша книга заняла почётное место на выставке среди книг, поступивших в дар библиотеке в 2014 году.

Долгие годы мы живём под мирным небом, но не дают покоя воспоминания о страшных днях войны и блокады Ленинграда:

*Блокады нет,
Но след блокадный
В душах —
Как тот
Неразорвавшийся снаряд.
Ю. Воронов*

Героическая оборона Ленинграда была самой продолжительной и самой кровавой операцией Второй мировой войны. Она действительно не имеет равных себе в истории человечества по своим масштабам, по героизму, стойкости и самоотверженности защитников и жителей города, по принесённым ими жертвам и по значению для исхода всей войны.

О подвиге Ленинграда надо знать истинную правду, чтобы гордиться своей принадлежностью не только к этому Великому Городу-Герою, но и к стране, в которой есть такой город.

Поисковая работа по краеведению продолжается. Я поддерживаю связи с ветеранскими организациями города, присутствую на встречах ветеранов с молодёжью.

Привожу пример описания встречи у места боя танкистов роты З.Г. Колобанова.

БЫЛ ТРУДНЫЙ БОЙ. НЕРАВНЫЙ БОЙ

20 августа 2014 года в Гатчинском районе прошёл митинг, посвящённый 73-годовщине легендарного боя танкистов под командованием Зиновия Колобанова у деревни Войсковицы. 19 августа 1941 года за 1 час боя танк Зиновия Колобанова уничтожил 22 вражеских танка, а его рота в составе 5 танков подбила 43 немецких танка.

Митинг на месте боя был организован директором гатчинского Дворца молодёжи, почётным гражданином Гатчины Юрием Ивановичем Назаровым. На митинге присутствовали ветераны, бойцы трудовых отрядов, военнослужащие...

Выступавшие вспоминали о подвиге танкистов, отмечая их беспримерное мужество и силу духа.

Меня также пригласили для участия в митинге. Я рассказала, что именем героя названа улица в МО «Горелово» — Колобановская. Проведена большая исследовательская работа, собран материал для раздела «Их именами названы...» в книге «Горелово и его окрестности». Экземпляры этой краеведческой книги, а также поэму Эльвиры Осиповой «Рассказ танкиста», вышедшую недавно из печати, я преподнесла в дар музею при Дворце молодёжи и в библиотеку им. А.И. Куприна в Гатчине.

Дворец молодёжи существует уже 15 лет. Основное направление его работы — воспитание гражданственности и патриотизма молодого поколения. Регулярно проводятся автопробеги по местам боевой славы Гатчинского района, встречи с ветеранами.

По инициативе Ю.Н. Назарова установлен памятник З.Г. Колобанову на территории воинской части № 44806.

В мае 2014 года делегация из Гатчины под руководством Ю.Н. Назарова была в Минске на открытии Мемориальной доски с барельефом З.Г. Колобанова «Танковый ас».

Во время поездки в Гатчину состоялся телефонный разговор с участником легендарного боя В.Ф. Мельниковым, которому уже 93 года. Ветеран не смог присутствовать на митинге, но благодарил за память, пожелал не забывать защитников Отечества, а в нашем округе продолжить благоустройство Колобановской улицы и установить мемориальную доску Герою.

Сотрудники Дворца молодёжи подарили нам диск с фотографиями митинга и открытия памятника З.Г. Колобанову. Это поможет дальнейшей работе по созданию музея в нашей библиотеке № 4 «Горелово», патриотическому воспитанию молодёжи.

27 января 2015 года было организован автопробег по местам боёв на гатчинской земле с посещением мемориала З.Г. Колобанову. Директором Дворца молодёжи я была приглашена для участия в этой акции. В нашем округе было собрано около 1000 подписей за присвоение З.Г. Колобанову звания «Герой России».

А 29 января я посетила музей 1-й Ленинградской Краснознаменной ордена Суворова II степени отдельной танковой бригады, созданный при школе № 372. Мы с руководителем музея обменялись сведениями по поисковой работе о подвиге З.Г. Колобанова. Я подарила в музей наши книги и была приглашена на конференцию Московского района, которая проходила в этот день в Российской Национальной библиотеке под названием «Непобеждённый Ленинград. Диалог поколений».

*Нам наше прошлое свято и дорого —
Гордость победам, горечь утрат...
Вечная память защитникам города!
Вечная память спасителям города!
Вечная слава тебе, Ленинград!*

Анатолий Молчанов

На защиту Ленинграда вместе с воинами Ленинградского фронта встали все горожане, кто мог держать оружие в руках. Взрослым помогали подростки. Видя, что город не сдаётся, Гитлер повелел: «Этот крупный населённый пункт стереть с лица земли путём блокады, массированных обстрелов и бомбёжек. Если, вследствие создавшегося тяжёлого положения будут заявлены просьбы о сдаче города, они будут отвергнуты».

В захвате Ленинграда противник видел ключ всей Русской кампании.

Выполняя свои варварские планы, фашистская авиация уже с первых дней устремила на Ленинград. 23 июня в 1 час 45 минут в городе была объявлена первая воздушная тревога. 18 июля Ленинград был впервые подвергнут бомбардировке.

Всего за время героической обороны Ленинграда сигнал воздушной тревоги подавался 649 раз. Больше половины всех налётов на город являлись ночными.

Город обстреливали как немецкие, так и финские оккупанты. Всего за период блокады 1941–1944 гг. по Ленинграду было выпущено 148 478 артиллерийских снарядов. В это число не вошли неразорвавшиеся снаряды, обнаруженные на территории Ленинграда после блокады. В 258 воздушных налётах участвовало 1 873 самолёта, которые сбросили на город 4 638 фугасных и 102 520 зажигательных авиабомб.

Следует отметить большую роль групп самозащиты местной противовоздушной обороны (МПВО) в борьбе с зажигательными бомбами и возникшими от них пожарами — 99%

возгораний тут же тушились. В сентябре 1941 года население ликвидировало 11 250 возгораний.

Я помню сигналы воздушной тревоги. Звуки метронома до сих пор не могу слушать без волнения даже в музеях. А как были сирены, прожектора высвечивали чёрное небо, полыхали пожары — этого не забыть никогда... Я сама дважды была засыпана в бомбоубежище, где спасалась во время воздушной тревоги. Налёт вражеского бомбардировщика застал нас в пути, когда мы шли с бидончиками за водой к Фонтанке. Недалеко от Калинкина моста был спуск к реке, и люди ходили туда набирать воду, ведь водопровод в городе не работал. Бомба попала прямо в дом, где было оборудовано убежище. Двухэтажный дом обрушился, люди без воздуха, в темноте оказались засыпанными под домом в бомбоубежище. Было очень страшно. Взрослые проталкивали детей туда, где через завалы хоть чуть-чуть поступал воздух. Часа через два нас откопали.

На всех встречах с ветеранами мы благодарили сандружинниц, которые спасали людей из-под завалов, помогали организовать эвакуацию детских домов, жителей Ленинграда. Однажды на встрече в музее «Дети блокадного города» в 1984 году я встретила двух женщин, которые эвакуировали наш 39-й детский дом 18 июля 1942 года через Ладогу на баржах по Дороге жизни. Что это была за встреча, сколько рассказов, воспоминаний было. Не зря бойцам МПВО посвящены стихи и песни.

И, конечно, меня поразила судьба генерал-майора Е.С. Лагуткина, который возглавлял работу МПВО в блокадном Ленинграде. Его именем названа улица МО «Горелово» на основании постановления Правительства Санкт-Петербурга № 1062 от 21 августа 2008 года. Жаль, что она очень маленькая, не заселена ещё, идёт вдоль железной дороги у Военного городка. Но в перспективе улица будет застроена красивыми домами, обращёнными фасадами к железной дороге.

При подготовке книги к изданию я ездила в музей МПВО, расположенный в Центральном районе Санкт-Петербурга на Кавалергардской улице. Там получила интересные сведения, которые были использованы мной для выступления на районной конференции и для раздела книги «Их именами названы». Позднее наши книги передали в музей.

Отзыв о поисковой работе руководителя музея:

Уважаемая Людмила Васильевна!

Музей Краснознамённой местной противовоздушной обороны Ленинграда школы № 18 Центрального района Санкт-Петербурга благодарит Вас за предоставленные в дар музею авторские экземпляры книг «Горелово и его окрестности».

Педагоги и учащиеся школы выражают Вам искреннюю благодарность и признательность за сотрудничество в деле сохранения памяти генерал-майора Лагуткина Емельяна Сергеевича, который в годы Великой Отечественной войны и блокады был начальником местной противовоздушной обороны Ленинграда.

Ваши книги о МО «Горелово» очень нужны и важны в процессе гражданско-патриотического воспитания молодёжи и интересны для старшего поколения.

Руководитель школьного музея Звонова Л.П.

МПВО

МПВО — отряд прекрасных женщин.
 МПВО — с блокадой повенчан.
 Вы много видели смертей
 И из развалин извлекали женщин и детей.
 И шли вы под обстрелы и бомбёжки
 Не в туфельках, а в кирзовых сапожках
 И людям помогали, как могли...
 И многие сражёнными легли.
 Вы выполняли труд мужской.
 И служба ваша была не простой.
 С годами вы теряете друзей,
 Но подвиг ваш в сердцах людей.
 Хоть мало вас, но вы всегда в работе.
 И людям вы всю душу отдаёте.
 Вы, как и прежде, все в строю,
 И защищаете вы правду как в бою.
 Ушло в былое МПВО...
 А МЧСу времечко пришло
 И снова, как в войну, они в бою
 И защищают Родину свою.

Борис Рассохин

В 1953 году по комсомольской путёвке я была направлена на работу старшей пионервожатой в школу военного городка Горелова. В 1955 году впервые отмечали 10-летие Победы в Великой Отечественной войне. В то время в городке проживало много участников Великой Отечественной войны. В школе был организован клуб «Поиск». Именно тогда начали создавать историю военного городка на основе встреч с ветеранами, их воспоминаний. Большую помощь оказывал штаб дивизии. Потом работа продолжилась в школе №391. Была издана первая книга о нашем крае под названием «Великая история маленького посёлка Горелово». После знакомства с Советом ветеранов 2-ого гвардейского Ленинградского истребительного авиационного корпуса мы узнали новые имена лётчиков-защитников нашего города. Это позволило расширить тему «Крылатые богатыри» в книге. Очень благодарна руководителям Совета ветеранов 2 ГЛИАК Н.Д. Сергееву и А.В. Веричеву за помощь в предоставлении уникального материала о защитниках ленинградского неба.

Отзыв о работе:

В Великую Отечественную войну мне пришлось воевать на Ленинградском фронте во 2-м гвардейском Ленинградском истребительном авиакорпусе ПВО г. Ленинграда. Этот корпус прикрывал Ленинград и Дорогу жизни от налётов фашистской авиации. Весь личный состав корпуса достойно выполнял свой воинский долг. За период войны лётчики корпуса уничтожили 1 044 вражеских самолёта, 21 лётчик был удостоен звания Героя Советского Союза за проявленную отвагу и мужество. А лётчик Карпов Александр Терентьевич был удостоен этого звания дважды. Некоторые полки авиасоединения и отдельные их

подразделения в период Великой Отечественной войны базировались на аэродроме в Горелове. Узнав об этом, Л.В. Кисель-Загорская, автор книги «Горелово и его окрестности» в четвёртом издании своего краеведческого сборника с высокой достоверностью и настоящей любовью пишет о большой группе героев-лётчиков.

Рассказ этот настолько убедителен, что невольно напрашивается вывод о том, что героизм присущ всему советскому народу, сражавшемуся в Великой Отечественной войне, и что такой народ победить невозможно.

Говоря об участниках Великой Отечественной войны, Людмила Васильевна справедливо утверждает, что каждый, сражавшийся за свободу и независимость своего Отечества, достоин вечной памяти, а имена героев должны быть увековечены в различных формах. Именами всех героев её повествования уже названы улицы, посёлки, предприятия, учебные заведения и т.д.

Читая книгу Людмилы Васильевны, понимаешь, какой колоссальный труд вложен в подготовку и написание историко-краеведческого сборника «Горелово и его окрестности».

Людмила Васильевна, работая учителем географии, собрала и обобщила огромный разнообразный материал о своём крае, совершив настоящий творческий подвиг. Книга сразу вызвала большой интерес у широкого круга читателей.

К сожалению, книга издана очень малым тиражом — 300 экземпляров.

Ветераны войны и вооружённых сил, ознакомившиеся с книгой, единодушно считают, что издание краеведческого сборника Л.В. Кисель-Загорской в таком количестве не удовлетворяет спрос читателей. Сборник «Горелово и его окрестности» необходимо переиздать большим тиражом.

Совет ветеранов 2-го гвардейского Ленинградского истребительного авиакорпуса поддерживает эту просьбу.

Сергеев Николай Дмитриевич, председатель совета ветеранов 2-го гвардейского Ленинградского истребительного авиационного корпуса, член Комитета Союза ветеранов войск противовоздушной обороны г. Ленинграда, лауреат литературной премии имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

На протяжении 30 лет я сотрудничаю с музеем при колледже № 8. Это единственный музей в стране, посвященный детям и воспитателям периода блокады Ленинграда.

Отзыв о книгах Л.В. Кисель-Загорской.

Народный музей педагогического колледжа № 8 «Дети и дошкольные работники осаждённого Ленинграда» познакомился в 1984 году с воспитанниками детского дома № 39 блокадного Ленинграда.

За это время в музей поступил интересный материал, воспоминания о жизни детей в блокадном городе от воспитанницы детского дома № 39 Кисель-Загорской Людмилы Васильевны. Она предоставила нам свои статьи из газет «Вестник ветерана», книги из города Перевоза Нижегородской области, куда в июле 1942 года был эвакуирован детский дом № 39.

Особенно ценными являются её книги по краеведению о своей малой родине — МО «Горелово», изданные в 2011–2014 годах.

Немного найдётся в человеческой истории таких глубоко трагических и невероятных тяжких испытаний, подобных тем, что вынес город в годы Великой Отечественной войны.

Книги Л.В. Кисель-Загорской знакомят с условиями войны и блокады, в которых приходилось работать воспитателям. Условия работы в годы блокады диктовали новые формы и методы воспитания, обучения, сохранения жизни и здоровья детей, требовали самопожертвования, самоотверженности и героизма от воспитателей. Именно в этих тяжелейших условиях проявились самые лучшие человеческие качества педагогов.

Людмила Васильевна неоднократно выступала в музее на встречах со студентами и ветеранами. Это творческое сотрудничество мы надеемся продолжить.

Заведующая народным музеем
«Дети и дошкольные работники осаждённого Ленинграда»
СПб ГБПОУ «Педагогический колледж №8» Е.Н. Дмитриева.

Встречи с ребятами в школах, в библиотеках очень волнительны. Но надо рассказывать о том, что знаешь, что пережил... Это пример отзыва на выступление в школе № 382 Красносельского района:

Сегодня на втором уроке к нам приходила Людмила Васильевна Кисель-Загорская. Она рассказала нам историю своего трудного детства во время блокады. Война началась, когда ей было семь лет. Она потеряла всех своих близких. Её мама умерла прямо на работе от голода. Меня поразили её рассказы. Например, когда она со своей бабушкой была дома, к ним в окно влетел горящий осколок снаряда, и у них загорелся пол. Особенно страшно ей было, когда их детский дом № 39 везли в эвакуацию в июле 1942 года по Дороге жизни через Ладожское озеро на барже: был шторм, детей трясло, а над ними летали немецкие самолёты и бомбили. В некоторые баржи попадали бомбы, и баржи тонули прямо с людьми. Людмила Васильевна помнит, как очевидцы рассказывали, что видно было, как в воде плавали детские панамки, игрушки и много разных вещей.

Она нам показывала фотографии, на которых видно, как женщины пахали землю.

А в городе Перевозе Нижегородской области местные жители установили памятник детям и воспитательнице детского дома, которые умерли от тяжёлых последствий блокады.

Людмиле Васильевне было очень трудно. Я уважаю таких людей, они заслуживают нашу любовь, и мы не должны забывать наших героев, нашу историю.

Настя Богославская, 6 «А» класс 382-й школы.

Очень трогательные душевные встречи проходят с ветеранами, например, в Комплексном центре социального обслуживания населения Красносельского района.

Отзыв руководства Центра.

В течение 14 лет, с 2001 года Л.В. Кисель-Загорская является клиентом отделения дневного пребывания Комплексного центра социального обслуживания населения Красносельского района. Людмила Васильевна принимает активное участие в

культурно-просветительской работе отделения, ежегодно проводит лекции к памятным датам на темы: «Ленинград — город-герой» — начало блокады 8 сентября 1941 года и «День Ленинградской Победы» — снятие блокады 27 января 1944 года; «Город над вольной Невой» ко дню рождения Санкт-Петербурга. Кисель-Загорская Л.В. регулярно проводит лекции, посвящённые Красносельскому району. В 2011 году за большой вклад в просветительскую работу на форуме «Старшее поколение» Людмила Васильевна была награждена дипломом «Народный просветитель». Она часто сопровождает автобусные экскурсии для посетителей Центра интересными рассказами о памятных местах Санкт-Петербурга и его пригородов.

Отзыв о новой книге Санкт-Петербургского государственного учреждения культуры Центральной городской публичной библиотеки им. В.В.Маяковского:

Отдел петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского выражает благодарность автору книги «Горелово и его окрестности» Л.В. Кисель-Загорской, депутатам Муниципального округа «Горелово», поддержавшим издание книги, ветеранам войны, поделившимся своими воспоминаниями, издательству «Летопись», а также всем, чьё участие сделало возможным выпуск четвёртого, значительно дополненного издания этой книги. Особенно приятно поблагодарить наших коллег-библиотекарей местного филиала Централизованной библиотечной системы Красносельского района, которые в течение многих лет занимаются краеведением, собирая воспоминания местных жителей об истории Горелово.

История Петербурга не будет полной без истории многих исторических поселений, из которых сложился наш уникальный, самый северный в мире мегаполис. Труд Л.В. Кисель-Загорской вносит большой вклад в это сложное, но необходимое дело. Занимаясь петербурговедением, мы знаем, как необходимы такие книги в библиотеках и как трудно их создавать. Уверены, что книга будет полезной для молодёжи, преподавателей и принесёт чувство удовлетворения людям старшего поколения, наглядно доказав, что подвиги остаются в памяти народной.

Заведующий отделом петербурговедения Центральной городской библиотеки
имени В.В. Маяковского Зинаида Абрамовна Рудая.

Уходят из жизни защитники нашего города... Но вечная, добрая память о них остаётся. О подвигах и делах ветеранов рассказывают в музеях, записаны их воспоминания.

Необходимо отметить большую работу библиотеки № 4 СПб ГБУК «ЦБС Красносельского района» как культурного центра Горелова. Сотрудники библиотеки — настоящие патриоты своего края. Возглавляет библиотеку с 1988 года Надежда Ивановна Карсакова.

В 2002 году появилась возможность при библиотеке создать экспозицию о нашем крае. Я с радостью приняла участие в подготовке её открытия. Началось тесное сотрудничество. Шла активная подготовка к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга. Были оформлены стенды. А 30 мая 2003 года открыта для посетителей музейная экспозиция «Летопись земли Красносельской. Горелово».

К этому времени был впервые выпущен сборник по краеведению в Красносельском

Л.В. КИСЕЛЬ-ЗАГОРСКАЯ

районе, куда вошли сведения о нашем крае.

И уже в течение 13 лет к ежегодной краеведческой конференции в районе через библиотеку предоставляются новые поисковые данные о МО «Горелово».

В результате большой краеведческой работы в течение последних лет собран уникальный материал по истории и современной жизни нашего края. Это дало возможность обновить оформление музейной экспозиции. Отзывы посетителей свидетельствуют о том, что краеведческая работа вызывает большой интерес у читателей библиотеки, у жителей микрорайона и наших гостей. «Мы рады, что есть такие прекрасные музеи по истории нашей земли родной, которые ещё раз подтверждают, что никто не забыт и ничто не забыто», — пишет один из посетителей музейной экспозиции.

Библиотека проводит приём членов общества «Жители блокадного Ленинграда» и организует встречи ветеранов Великой Отечественной войны с интересными людьми.

Посетители благодарят сотрудников библиотеки за доброжелательное отношение, за организацию выставок к памятным датам, за концерты.

С нетерпением ждём открытия новых экспозиций о нашем крае в современных условиях библиотеки.

Связь поколений продолжается. Я очень рада, что в школах проводится большая работа по изучению истории героической обороны Ленинграда. И от старшего поколения ветеранов, жителей блокадного города желаю молодёжи побед на конкурсах района и города. Главная задача современности — сохранить мир!

ТКАЧЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА УЧАСТИЕ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ВОССТАНОВЛЕНИИ КРАСНОСЕЛЬСКОГО РАЙОНА

Мы знаем, как защищали Родину во время Великой Отечественной войны наши воины, знаем, сколько горя, страданий испытали ленинградцы. Но немалую цену заплатили и враги.

Где война, там кровь, трагедии, страдания. Расплата за преступления тоже кровавая.

8 января 1946 года на площади у кинотеатра «Гигант» состоялась казнь немецких военнопленных. Перед публичной казнью прошёл судебный процесс по делу о зверствах фашистов в Ленинградской области. Казнили через повешение 8 человек. Двоих приговорили к каторжным работам на 20 лет.

В августе 1942 года по Невскому проспекту провели колонну пленных немцев, среди них было много раненных; оборванные, обритые наголо, шли они под конвоем, опустив головы, боясь встретить взгляды ленинградцев.

Горька, незавидна судьба попавшего в плен... Для раненных и больных немцев в 1941 году не было госпиталей.

18 октября 1941 года журналист Павел Лукницкий посетил в больнице им. Мечникова 24-летнего немецкого лётчика, бом-

бившего на Ладоге Дорогу жизни: «Увидев немца, я ощутил нечто, будто волной ожегшее меня», — писал журналист. Немецкий лётчик Курт Обермейер умер 31 декабря 1941 года, похоронен на Пискаревском кладбище. Об этом писала газета «Смена» в 2004 году.

В октябре 1941 года в больнице им. Мечникова была открыта палата № 2222 для пленных, с 1941 по 1945 годы в ней умерли 47 человек. Их хоронили с русскими на Пискаревском кладбище. Не было средств устроить им похороны отдельно.

С конца 1944 года в системе НКВД были созданы спецгоспитали и лагеря для пленных на территории Ленинграда и области.

Пленные немцы должны были искупать преступления нацистов, трудясь на восстановлении разрушенного хозяйства нашей страны.

Сохранились воспоминания блокадников, тех, кто в период блокады были детьми.

Лидия Ярцевская: «Немцы работали на восстановлении зданий на Оборонной улице, их водили на работу под конвоем, руки назад, в своей форме — серая масса людей, понурые лица».

ПЛЕННЫЕ

Удивительную доброту проявляли дети, пережившие зиму 1941–1942 года в Ленинграде к тем, кто отнял у них хлеб, родных, мир.

Лариса Евгеньевна Баукова проживала на улице Пестеля, д. 11: «В блокаду, в ужасную зиму я боялась выходить на улицу. А когда шла куда-то со взрослыми, закрывала глаза, чтобы не видеть трупы. Когда с мамой и братом вернулась из эвакуации, пошла в школу. Пленных видела каждый день. Они восстанавливали часть нашего дома, а стену торцевую, которая видна от Фонтанки, превращали в памятник в честь героев-защитников полуострова Тангут. Лица у немцев были серые, худые, они просили поесть что-нибудь.

И я приносила им часть своего школьного завтрака, да и не одна я...»

Татьяна Карловна Вильнер, жительница блокадного Ленинграда, училась в школе № 320, проживала на улице Правды: «Пленные работали на разрушенных объектах, ремонтировали их. Мы, школьницы, носили им свои завтраки, общались на немецком и на русском, мы что-то знали по-немецки, они по-русски.

Один из военнопленных был до войны клоуном. Он пытался нас рассмешить, говорил, что у него двое детей и что он хочет их поскорее увидеть.

Мы не испытывали ненависти к пленным. Напротив, просили учителя немецкого языка

КИНОТЕАТР «ГИГАНТ»

научить нас правильно задавать вопросы.

Яков Пуховицкий жил в Ленинском районе: «После войны много немцев-военнопленных работало на стройках Ленинграда. Мы, мальчишки, их не боялись, во время обеденного перерыва подбегали к ним, хотя их охраняли милиционеры и солдаты.

С немцами ребята обменивались: мы им что-нибудь съестное, они нам — всякие поделки, особенно ножички».

И ещё один эпизод, произошедший осенью 1949 года на станции Лигово. Осенний вечер, темно, на платформе несколько человек — немцы-строители из лагеря, который был совсем рядом. Один из них подходит к молодой женщине:

— Guten Aben, wohin du gehst, junge Dame?

— Keine Angst, du bist, ist es zu spät!

— Guten Abent, ich bin nach Leningrad gehen, ich bin ein Student der Fakultät für den Abend.

(— Добрый вечер, куда вы едете, юная дама?

— Вы не боитесь, уже поздно?

— Добрый вечер, я еду в Ленинград, я студентка вечернего факультета.)

Этот диалог запомнила жительница Урицка Наталья Толмачева, которая знала немецкий язык, воевала с 1942 по 1945 годы, после войны работала секретарём в Горсовете Урицка.

Воспоминания, которые удалось записать — подлинные, они являются подтверждением того, что немецкие военнопленные в период с 1944 по 1951 годы принимали активное участие в восстановлении Ленинграда.

Не только в Ленинграде работали строительные отряды немцев-военнопленных, но и в Сталинграде, и даже в Сибири.

Использование пленных в трудных строительных работах — традиция, мировая практика со времени походов Александра Македонского.

Ещё одна традиция — отбирать среди взятых в битвах врагов специалистов, использовать их достижения, их знания.

Пётр I во время Северной войны (1700–1721) издал приказ: «Отбирать среди пленных шведов, тех, кто владеет мастерством знатным: врачей, литейщиков, корабелов, садовников... использовать их труд во благо России».

Так, например, появились у нас славные садовники по фамилии Гарнихфельд.

Из книги краеведа Юрия Калинина «Немцы в Ораниенбауме»: «Для работы в институте-400, располагавшемся в Меншиковском дворце, среди военнопленных отбирали инженеров, техников, станочников для создания оружия. Немецкие специалисты получали за свою работу в 3 раза больше наших, имели право вызвать в Ораниенбаум (30 км от Ленинграда) свою семью. Жили семьи в служебных корпусах, дети посещали школу, которая была в Оперном доме (напротив дворца). В конце 40-х годов и в начале 50-х годов пленные могли передвигаться по ограниченной территории».

Немецкие специалисты, их дети отличались дисциплинированностью, аккуратностью. В начале 1950-х годов они получили возможность уехать в Германию.

В Урицке и в Сосновой Поляне пленные

2-Я КОМСОМОЛЬСКАЯ УЛИЦА

2-я КОМСОМОЛЬСКАЯ УЛИЦА

работали с 1946 по 1951 годы. Лагерь их (по свидетельству жителей) располагался на восточной стороне Красносельского шоссе, примерно там, где сейчас пересекаются проспект Ветеранов и улица Маршала Жукова. Он был довольно большой: одноэтажные дома, деревянные бараки, два магазина, медчасть.

Что же построили при участии военнопленных в нашем районе? Один из важных объектов — виадук, мост, по которому проходит участок Красносельского шоссе. Он реконструирован, сохранился. По нему едут автомашины, а под ним проходят электропоезда с Балтийского вокзала в Гатчину, Петергоф, Калище. Создавали виадук в 40-х годах.

В Сосновой Поляне есть целый квартал «немецких домов»-коттеджей, построенных по проекту архитектора Андрея Андреевича Оля.

Двух-трехэтажные дома, стоящие среди скверов, зелени, выглядят не современно, но есть в них некая прочность, фундаментальность. Район между улицей Пограничника Гарькавого и улицей 2-й Комсомольской имеет свой неповторимый облик. Нельзя сносить эти по-своему исторические коттеджи, их нужно изучить, запечатлеть.

Очень жаль, что изувечено здание детского сада рядом с отделением полиции, почти на углу проспекта Ветеранов и улицы Пограничника Гарькавого. Здание создано по

законам архитектуры: выделяются несущие конструкции — колонны, балкон, полукруглый козырёк над ним. Оно развёрнуто к югу, строили для детей! У него есть свой облик, и такого детского сада в районе больше нет.

Застройку микрорайона отличает продуманность, комплексность. Улица Ленина, дом 54 — это бывший адрес нашей школы № 383, единственной в Урицке, нынешний адрес — улица Авангардная, дом 35.

Точно известно, что её строили военнопленные. Посмотрите на здание внимательно: прочные, солидные стены, окна на восток и на запад — на восход и на закат. В школе было светло и тепло. Украшением её была главная лестница. И никаких излишеств, строго и удобно. Школа открылась в 1951 году. Грустно было видеть, как наши классы разделили стенами, сделали много дверей, изуродовали коридоры.

Недалеко от школы, на месте сквера у домов № 22 и № 24 по улице Партизана Германа, до 1970 года стояло административное здание Урицка — Горсовет, светлое, двухэтажное, похожее на перестроенную лютеранскую церковь Святого Николая. Стены Горсовета возвели пленные в 1946 году, там открыли два класса, почту, на втором этаже были кабинеты председателя, инженера, секретаря, библиотека.

Возможно, пленные строители возводили здания станции Лигово, электроподстанции, депо. Это нужно ещё доказать. Сделать это нелегко, так как документы хранятся в архивах, куда краеведов ещё не допускают. Знаю, что есть карта расположения лагерей немецких пленников, но материалы на эту тему не представили ни в Музее блокады Ленинграда, ни в фонде поддержки русско-немецких отношений. Сложная тема, тяжёлые воспоминания, но из истории страниц не вырвать.

ЭШИМОВА НИНА СЕРГЕЕВНА СЛЕДЫ ВОЙНЫ. КРАСНОЕ СЕЛО В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Печальную картину являло собой Красное Село в первые послевоенные годы. Неприглядный деревянный железнодорожный вокзал вместо красивого довоенного. Полуразрушенный фундамент, оставшийся от летнего театра. Разрушенные полностью или частично дома жителей. В парке множество пней от берёз, спиленных немцами. Эти пни жители вырубали и использовали на растопку печей. Я с подругами ходила за дровами в военный лагерь, расположенный на западном берегу Дудергофского озера. Собирали там щепки и мелкие осколки досок от разрушенных казарм. Личного состава в лагере не было, кроме часовых, охранявших уцелевшие казармы.

Дорога к лагерю вела через поле от военкомата (здание не сохранилось), расположенного у спуска Кедровой горы (ныне ул. Восстановления). Уныло выглядело поле, изрезанное траншеями, усеянное воронками от взрывов. У дороги — могилы погибшей разведгруппы, дальше — разбитые, обгоревшие танки. Иногда со стороны леса слышались взрывы. Это мальчишки взрывали оставшиеся от войны боеприпасы. Всё кругом напоминало о минувшей войне. Послевоенный голод тоже напоминал о войне. Продукты получали по карточкам в недостаточном количестве. Пищу готовили на керосинках и керогазах. Керосин покупали в небольшом магазинчике, называемом «Керосинка». Располагалась «Керосинка» на пустыре у горы под названием Пушки. Название своё гора получила от сигнальной пушки, установленной на ней в восемнадцатом веке и не покидавшей своего места до Октябрьской революции.

В первые послевоенные годы в Красном Селе было две школы. Одна из них, так называемая «синяя школа», располагалась на Штабной горе (ныне ул. Равенства), вторая — на пр. Ленина у нынешней площади (в те годы площади не было). Здания школ не сохранились. Одеты ученики были бедно. Не у всех были портфели. Лично я ходила в школу с маленьким чемоданчиком, а моя подруга — с полевой сумкой, с которой вернулся с войны её отец.

Помню, как один ученик бегал в школу и из школы не из спортивного интереса. У него не было пальто. Позже я встретила его в райкоме комсомола и сразу вспомнила о послевоенной бедности.

Наряду с трудностями жизни было у нас и развлечение, а именно — кино. Мы, дети, жившие на Госпитальной улице (ныне ул. Ю. Пасторова) и ближайших улицах, ходили в кино в военную школу санинструкторов, расположенную на территории бывшего военного госпиталя. Проходили мы не через КПП, а пробирались через проход, проделанный в заборе. Но кино смотреть нам разрешали. На ребят, служивших в школе санинструкторов, мы смотрели как на героев. Это были ребята 1926–1927 годов рождения — последнего призыва на фронт. Многие из них имели боевые награды.

По воскресеньям мы ходили в кино на дневные сеансы в Дом культуры, в клуб, расположенный в Троицкой церкви. Фильмы в большинстве своём демонстрировали о войне. Вечерние сеансы школьникам запрещалось посещать. В клубе дежурили учителя. Была в клубе и художественная самодеятельность, но концерты проходили в вечернее время. Помню, однажды концерт проходил в дневное время. От того концерта в моей памяти остались слова песни, исполненной хором девушек, слова, которые при каждом воспоминании об этой песне вызывают патриотические чувства в душе:

*То, что с детства любим и храним
Никогда врагу не отдадим.
Лучше сложим голову в бою,
Защищая Родину свою...*

На наши дневные киносеансы приводили военнопленных немцев.

Военнопленные немцы восстанавливали разрушенные в процессе боёв здания, ремонтировали дорогу. Во время ремонта дороги под мостом у переулка Щуппа были обнаружены оставленные немцами при отступлении боеприпасы. К счастью, их не успели взорвать. Мосты над железной дорогой в Скачках и в Лигово тоже построили военнопленные немцы.

Однако не все следы войны замело время. Они остались навсегда в памяти людей. Возьмём, например, улицу Равенства (до войны — ул. Красина). На чётной стороне улицы не сохранилось ни одного дома. Все они сгорели во время боёв при освобождении Красного Села советскими войсками в январе 1944 года. Напротив больницы (ныне — подворье Свято-Троицкой церкви) растут совсем старые яблони. Это то, что осталось от сада Дойниковых, там, где находился их дом. А на углу проспекта Ленина и улицы Равенства, где стоял дом Жумковых, в начале 50-х годов были перезахоронены останки бойцов, погибших при освобождении Красного Села. Это захоронение вобрало в себя все одиночные могилы окрестностей. Первый памятник, бывший на этом захоронении, являл собой пятиконечную звезду. Звезда была деревянная, облицована бетоном. Смастерил ту звезду красносёл Власов Василий Афанасьевич. Позже звезду заменили «Скорбящей матерью».

Она скорбит над могилой погибших сыновей нашей Родины, погибших за наше светлое будущее, за мирное небо над головой, за то, чтобы послевоенные поколения знали о войне и всех горестях, которые несёт война, лишь только по фильмам, книгам и воспоминаниям старших.

ЮЖНЕВИЧ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДИРЕКТОР СПБ ГБУ «ПМЦ «ЛИГОВО»

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Ещё девять солдат, защищавших Ленинград в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, обрели покой в братской могиле у Храма Святой Равноапостольной Нины в Полежаевском парке в День Героев Отечества.

Два с половиной года на этой земле шли кровопролитные бои, рвались снаряды, свистели пули... Врага ценой своей жизни удалось остановить воинам 42-й армии и бойцам народного ополчения. Огневую поддержку защитникам города оказывал Балтийский флот. Многие солдаты остались здесь навечно...

«Вахта памяти» — это комплекс мероприятий, включающий в себя поисковые экспедиции, торжественные митинги, захоронения воинов, найденных поисковиками, патриотические акции, связанные с увековечением памяти погибших защитников Отечества. Эта работа и бескорыстное отношение к делу не дают погаснуть благодарной памяти людей, забыть, какой неизмеримой ценой была завоёвана Победа, свобода и будущее нашей страны.

Ежегодно в рамках Всероссийской акции «Вахта памяти» на территории Красносельского района поисковые отряды находят останки воинов, чтобы затем перенести их в братскую могилу.

В 2015 году поисковую работу вели отряды «Ораниенбаумский плацдарм», «Авангард», «Терра», «Неман», «Северный», «Боевой Авангард», «Отряд им. Евгения Ковалева» и другие.

На тожественно-траурной церемонии захоронения воинов присутствовали ветераны, блокадники, представители муниципальных образований и общественных организаций, депутаты Государственной Думы, депутаты Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, представители Комитета по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга, представители Дома молодёжи Санкт-Петербурга, представители субъектов РФ, представители Межрегиональной общественной организации «Координационный Центр поисковых объединений/отрядов», воспитанники подростково-молодёжных клубов Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Подростково-молодёжного центра «Лигово», учащаяся молодёжь, жители. Активное участие в организации и проведении мероприятия принимали волонтеры добровольческого агентства Санкт-Петербурга «Волонтеры 70».

Открыл церемонию член Правительства Санкт-Петербурга — глава администрации

ПОЛЕЖАЕВСКИЙ ПАРК. ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОГО ЗНАКА
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

ПОЛЕЖАЕВСКИЙ ПАРК. ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОГО ЗНАКА
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Красносельского района Санкт-Петербурга Евгений Владимирович Никольский.

Глава муниципального образования «Урицк» Николай Кузьмич Прокочник поблагодарил поисковиков за нелёгкую, но такую нужную работу. А председатель общества «Жители блокадного Ленинграда» Красносельского района Санкт-Петербурга Елена Сергеевна Тихомирова обратилась к подросткам и молодёжи: «На этих полях сражений лежат люди, которые защитили не просто город, они отстояли нас. Расспрашивайте бабушек и дедушек о том страшном времени! Говорить о нём нелегко, но необходимо, чтобы память о трагических и героических днях Ленинграда жила».

По христианской традиции павших солдат отпели в Храме Святой Равноапостольной Нины и захоронили с воинскими почестями, укрыв свежую могилу еловыми лапами.

В почётном карауле замерли курсанты, в немом молчании склонили головы и седовласые ветераны, и подростки, и молодёжь района, многие из присутствующих не смогли сдержать слез... И вот в тишине мирного парка прогремели залпы оружейного салюта, отдавая честь Героям Отечества, торжественным маршем прошли курсанты Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, Санкт-Петербургского университета МВД России и Суворовского училища МВД России.

В этот же день в Полежаевском парке на Аллее Славы был торжественно открыт десятый памятный знак. Он посвящён «Многонациональному советскому народу, сражавшемуся за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Чести открыть его удостоились представители таджикской и дагестанской диаспор Санкт-Петербурга. В знаменательный год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. по инициативе администрации Красносельского района Санкт-Петербурга в Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении «Подростково-молодёжный центр «Лигово» реализовывался проект «Великая Победа». Основная цель проекта – сохранение и увековечение памяти погибших защитников, отстоявших ценой своей жизни Ленинград. В Полежаевском парке Красносельского района на Аллее Славы в течение 2015 года было установлено 9 памятных знаков в виде противотанковых бетонных блоков-надолбов.

«Великая Отечественная война навсегда в истории нашей страны останется народной войной против фашизма. Память о каждом солдате, защищавшем нашу Родину, священна, — подчеркнул, выступая на митинге, член Правительства Санкт-Петербурга, глава администрации Красносельского района Санкт-Петербурга Евгений Владимирович Никольский. — Когда на землю нашей стра-

ны вступил враг, все республики СССР поднялись на борьбу с фашизмом. Солдаты и офицеры всех национальностей сражались рядом, плечом к плечу, жили в одних землянках, делили друг с другом тяготы военных лет. И в тылу наш многонациональный народ трудился ради общей цели — Победы. Мемориальный памятный знак на Аллее Славы в честь победителей — это дань памяти благодарных потомков защитникам нашего Отечества».

На протяжении двух лет в Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении «Подростково-молодёжный центр «Лигово» работает поисковый отряд «Авангард», который базируется в подростково-молодёжном клубе «Восход». Основу отряда составляет молодёжь в возрасте 14-30 лет, проживающая на территории Красносельского района. Предметы, найденные поисковиками во время

экспедиций, стали основой для создания гражданско-патриотического центра «Победа» на базе подростково-молодёжного клуба «Солнышко», открытие которого состоялось 3 октября 2015 года.

Каждый человек, независимо от его национальности, стремился принять участие в защите Родины с оружием в руках. Все нации и народности большой страны внесли свой вклад в победу над фашизмом. Как мыльный пузырь, лопнули планы врагов поссорить нации, разобщить их. То, что фашисты считали слабым звеном нашего государства, стало его могучей силой!

Так было в те суровые годы, так и сейчас молодые ребята из поисковых отрядов Санкт-Петербурга с горячими сердцами восстанавливают историческую справедливость о Великой Отечественной войне и передают свои знания молодому поколению патриотов нашей Родины.

ПОЛЕЖАЕВСКИЙ ПАРК. ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОГО ЗНАКА
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

МИХАЙЛОВА ВАСИЛИНА

9 КЛАСС, ШКОЛА-ИНТЕРНАТ № 289

РУКОВОДИТЕЛЬ: ВОСКРЕСЕНСКАЯ МАРИЯ МИХАЙЛОВНА

ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЮНЫЕ ВОИНЫ В БОЯХ ЗА ВОРОНЬЮ ГОРУ

*Под Вороньей горою погибших солдат
снегириная стая накрыла.
Мне всё снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета.*

Дудин М.

В январе 2014 года наш город отмечал 70-летие со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. В нашей семье этот праздник никогда не забывался, так как мой дедушка, Владислав Алексеевич Ефимов — житель блокадного Ленинграда. Из его рассказов-воспоминаний мы знаем о его тяжёлом блокадном детстве и эвакуации на Урал. Поэтому военная тематика дорога мне как его потомку.

15 лет назад наша семья переехала из центра Санкт-Петербурга на южную окраину города, в Красносельский район. Теперь наш дом стоит на берегу Дудергофского озера, а на холме противоположного берега находится памятник «Воинам 63-й гвардейской стрелковой дивизии». И, может быть, всё это тоже не случайно. Я учусь в школе-интернате № 289, которая располагается в одной из долин Дудергофских высот, они похожи на настоящие горы и называются Ореховая и Воронья. К востоку и западу от Дудергофских высот тянутся гряды возвышенностей, это создаёт впечатление крепостного вала-стены вокруг Санкт-Петербурга. Со времён Великой Отечественной войны на склонах гор сохранились окопы, траншеи и воронки, свидетельствующие о проходивших здесь боевых действиях. Высоты являются любимым местом отдыха; с их вершин открываются прекрасные виды, а в ясную погоду виден золотой купол Исаакиевского собора. Отсюда в праздничные дни местные

жители любят разноцветными россыпями фейерверков из центра Санкт-Петербурга, дружно кричат «Ура!» после каждого залпа салюта.

В прошлом году я приняла участие в автопробеге на автобусе «Памяти верны», приуроченном ко Дню освобождения Красного Села и ликвидации вражеской блокады Ленинграда. Маршрут автопробега проходил боевым путём 42-й армии. Эта поездка пробудила мой интерес к военной истории на нашей красносельской земле и непосредственно в Дудергофе. Я занялась поиском источников, отражающих данную тему. В результате этих занятий я узнала не только исторические сведения, но и литературные произведения, которые дополняли и усиливали мои впечатления о тех событиях. Особым открытием для меня стало понимание, что среди тех, кто сражался и погиб, было много молодых людей чуть старше меня. Об этом будет мой рассказ.

Гитлеровские войска группы армий «Север» стремились молниеносно овладеть Ленинградом. Жители города создавали укрепрайоны вокруг города. Одним из таких рубежей стал южный склон Дудергофских высот. Он представлял собой батарею «А» из 9 дальнотбойных орудий, снятых с военных кораблей, в том числе с «Авроры». 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда, а Дудергофский рубеж был захвачен фашистами 10–11 сентября. Фашисты продвинулись до Урицка и Пулковских высот, там были окончательно остановлены в конце сентября 1941 года. На захваченной территории они создали мощную систему обороны¹, которая преградила подступы к Дудергофским высотам, Красному Селу и сковала Ленинград стальным кольцом². Воронья гора, по словам О. Берггольц, превратилась в «...ту высоту проклятую, откуда два года вёл фашист корректировку всего артиллерийского огня».

Освободить город от этих оков было трудно, сами захватчики были уверены в неприступности созданного ими «Северного вала». Операция «Нева-2» предусматривала силами 2-й ударной армии с Ораниенбаумского плацдарма и 42-й армии с Пулковских высот уничтожить оборону противника, окружить и разгромить петергофско-стрельнинскую группировку и полностью освободить Ленинград от блокады. Эта операция была утверждена Ставкой Верховного Главнокомандующего. Для начала наступления необходимо было сформировать многочисленное, хорошо вооружённое войско. С декабря 1943 года проходило обучение и комплектование армий. О занятиях новобранцев я прочитала в стихотворении человека из «последнего набора», будущего Красносельского поэта А. Наумкина:

*Вполне освоена винтовка,
Как и метание гранат...
И в лютый холод подготовку
Не прерывал военкомат.
Нас обучали офицеры,
В ком пыл героизма не потух...
Они на боевых примерах
Вселяли в нас победный дух.
И мы, хоть были и безусы,
Мотали их слова на ус.*

¹ Соколов В.А. Пулковский рубеж. — Санкт-Петербург: Полрадис, 2002. — С. 72.

² Рожков А.М. На Юго-Западе Санкт-Петербурга: из истории Красносельского района / А.М. Рожков; фото: Е.Н. Киль. — Санкт-Петербург: Лики России, 1997. — 216 с. — С. 187.

14 января 1944 года воины 2-й ударной армии начали выполнение поставленной задачи с Ораниенбаумского плацдарма, на следующий день воины 42-й армии с Пулковских высот стали наносить основной удар. Январь. Сорок четвёртый год.

*Лишь занялся рассвет лиловый,
С оживших Пулковских высот
Пошли бойцы на бой суровый.
Пошли на бой, врагам назло —
За взводом взвод, за ротой рота
На город Красное Село,
На Дудергоф, к его высотам.*

От Пулковских до Дудергофских высот, если идти напрямик всего 13,6 км, но как это расстояние преодолеть?

*И так нелёгкок каждый шаг
По снежным кручам и откосам,
А тут, укрывшись в доты, враг
Огнём встречает смертоносным.*

Из записей военного корреспондента П. Лукницкого: «На холме немцы засели в каком-то укрытом кустарником опорном пункте <...> Оттуда веером сыпал пули станковый пулёмёт. Наступавшая на левом фланге рота автоматчиков, потеряв немало людей, вынуждена была залечь. Комсомолец гвардии рядовой Чижилов, укрываясь за изгибом склона холма, пробрался в тыл к немцам, прополз в немецкую траншею и с тыла автоматом уничтожил пулёмётный расчёт, а потом гранатой убил в блиндаже двух снайперов и одного обезоружил. Рота без новых потерь заняла опорный пункт на холме»³. Это редкий и счастливый случай. Как правило, ценой жизни отвоёвывалась каждая огневая точка противника. 17 января 1944 года на подступах к Вороньей горе, овладевая высотой 112, совершил подвиг 19-летний гвардии рядовой Александр Типанов. Он своим телом закрыл амбразуру дота, спасая от пулёмётного огня жизни товарищей. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Обобщённый образ трагической судьбы безымянного юного бойца создан М. Дудиным:

*Из милой сутолоки школьной
Он с батальоном из-под Стрельны
К Вороньей вырвался горе.
И первым рухнул в снег метельный
В седом, как вечность, январе⁴.*

Ещё более кровопролитные бои происходили при взятии Дудергофских высот (Вороньей горы). 18 января 1944 года три попытки атаковать были безуспешны. Об одном из тех,

³ Лукницкий П.Н. Сквозь всю блокаду: дневник / П.Н. Лукницкий; сост. В.К. Лукницкая. — Л.: Лениздат, 1988. — 720 с. — с. 598.

⁴ Дудин М.А. Книга лирики. — Ленинград: Художественная литература, 1986. — 678, [1] с.: рис., 166

кто погиб смертью храбрых в эти дни, оставлена память в стихах О. Берггольц:

*Не все имена поколение запомнит,
Но в тот исступлённый, клокочущий полдень
безусый мальчишка, гвардеец и школьник,
поднялся — и цепи штурмующих поднял.
Он знал, что такое Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул «Пора!»⁵*

И хотя в тексте имя бойца не названо, мы узнаем его из рассказа автора о создании стихотворения. К поэтессе обратилась сестра 20-летнего гвардейца Владимира Нонина:

*Она просила написать о брате,
три дня назад убитом в Дудергофе.
Не для того, чтобы его прославить,
Но чтоб над ним могли чужие плакать
Со мной и мамой, — точно о родном...⁶*

О. Оконева, написавшая книгу о жизни и творчестве Ольги Фёдоровны Берггольц, комментирует смысл смерти героя: «Может быть он, Нонин, знал, что самое главное в его жизни — сделать вот этот, пусть короткий, но такой значимый для других шаг?

*И, может быть, самый счастливый на свете
всей жизнью в тот миг торжествуя
победу, —
он смерти мгновенной своей не заметил,
ни страха, ни боли её не изведав»⁷.*

Результатом всех утрат стала победа на Вороньей горе. В ночь на 19 января 1944 года рота автоматчиков смогла овладеть ею⁸:

*Вёл капитан Массальский их
На штурм горы январской ночью...
Смели они врагов лихих
С горы Вороньей, как и с прочих⁹.*

⁵ Берггольц О.Ф. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / О.Ф. Берггольц; авт. проекта Наталия Соколовская. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. — 539 с. — С. 476–477.

⁶ Там же, С. 476.

⁷ Оконева О. «...И возвращусь опять»: страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц. — Санкт-Петербург: Loqos, 2010. — С. 142.

⁸ Ради жизни на Земле: сборник / Администрации Красносельского района г. СПб, Совет ветеранов Красносельского района, Акад. воен.-ист. наук; ред. В.В. Фролов и др. — Санкт-Петербург: Береста, 2009. — 321 с.

⁹ Наумкин А.Н. Избранное: в 3-х томах. — Санкт-Петербург: Издательство «Дизайн». Т. 2. — 2006. — 326 с. — С. 38.

То, что происходило 19 января на Дудергофских высотах, описано и в поэме М. Дудина:

*В седом январе
На Вороньей горе
Сугробы
Огонь озарил на заре.
И катятся грома
И дыма шары
В долину проёма
С Вороньей горы.
Расколот,*

*Как молотом,
Кованый лёд.
И, падая, молодость
В песне встает* ¹⁰.

В 1975 году М. Дудин написал стихотворение «Это память опять от зари до зари». Позднее оно превратилось в песню «Снегири».

Освобождение Дудергофских высот от фашистских захватчиков было решающим в операции «Нева-2» для ленинградцев, по словам О. Берггольца:

*Впервые за долгие годы снаряды
на улицы к нам не ложились в тот вечер...* ¹¹

Открылся простор для дальнейших действий армии. В этот же день было освобождено Красное Село — важный дорожный узел. Поздно вечером состоялась встреча с воинами 2-й ударной армии в селе Русско-Высоцкое. По фронтовым документам 19 января 1944 года является завершающим днём операции «Нева-2» по ликвидации фашистской блокады Ленинграда. На следующий день в 7 часов 55 минут был составлен «Акт о соединении солдат Пулково и воинов Ораниенбаумского пятка». В нём сказано, что приказ командования выполнен. С этого дня войска перешли в наступление за освобождение Ленинградской области.

Для сохранения памяти о тех героических днях в местах боев были возведены мемориалы и памятники. Во время автопробега я увидела их.

Первый обелиск был установлен в селе Русско-Высоцкое в феврале 1950 года на месте встречи двух армий. Это памятник федерального значения. Его авторы — архитекторы К.П. Иогансон и В.А. Петров.

6 мая 1975 года на месте подвига А.Ф. Типанова был открыт мемориал «Бессмертию солдата». Авторы проекта — архитектор А.Д. Левенков, художник В.В. Фомин и конструктор П.Ф. Панфилов. Мемориал состоит из шести блоков-таранов, символизирующих наступательный порыв советских воинов; стелы с надписью «Через смерть, через небытие вы с

¹⁰ Дудин М.А. Книга лирики. — Ленинград: Художественная литература, 1986. — 678 с. — С. 158.

¹¹ Бергголец О.Ф. Стихи. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962. — С. 136.

нами живые вечно»; и полуразрушенного немецкого дота ¹².

19 января 1991 года у подножия Дудергофских высот состоялось открытие памятника «Воинам 63-й гвардейской стрелковой дивизии». Его авторы: архитектор А.Д. Левенков, художник А.П. Олимпиев и инженер И.Н. Дмитриев. Памятник состоит из двух стел: на одной выбита надпись о воинах 63 гвардейской стрелковой дивизии, штурмом овладевших Вороньей горой 19 января 1944 года; на другой — перечень имён погибших воинов, преимущественно рядовых. Наверное, большинство из них — это те молодые люди, «безусые мальчишки и школьники», которые в момент испытания на зрелость стали воинами, освободившими наш любимый город от фашистской блокады. Фамилии Нонина в списке на стеле нет. Это подтверждает, что он погиб не 19 января при штурме Вороньей горы, а 18 января при одной из атак, как точно сказано в стихотворении О. Берггольца «Он пал, Воронью гору атакуя». Сколько же воинов погибло в эти два дня? Ежегодно, 19 января и 9 мая, у этого памятника ученики нашей школы проводят митинги. Здесь раньше встречались участники боев января 1944 года, теперь приезжает только сын Героя Советского Союза В.Г. Массальского.

Памятники и мемориалы, связанные с боевым путём 42-й армии, находятся на территории Ломоносовского района Ленинградской области. Именно там происходили действия по полному освобождению советскими войсками города Ленинграда от блокады его немецко-фашистскими войсками.

Отдельно я хочу рассказать о братских захоронениях.

498 человек, погибших при освобождении Красного Села 19 января 1944 года, нашли покой в сквере, рядом с тем местом, где теперь находится здание администрации г. Красное Село. Здесь установлена скульптура «Скорбящая мать» (автор И.Н. Дмитриев). О горе матерей тех погибших солдат поэт А. Наумкин написал:

*Где-то матери вдали
Своих сынов напрасно ждали,
Они в атаках полегли,
Сражённые свинцом и сталью* ¹³.

В 1955 году все воины, погибшие в ходе операции «Нева-2», были перезахоронены в Верхнем парке Красного Села. Там же находится могила Героя Советского Союза Александра Фёдоровича Типанова. В 2008 году было принято решение Правительства Санкт-Петербурга о реконструкции этого братского захоронения. Архитектор проекта — Е.В. Емельянов. На 22-х гранитных плитах золотом нанесены имена 2 145 воинов. 6 мая 2010 года был зажжён вечный огонь.

2 августа 2013 года, в память о воинах, принявших участие в освобождении Ленинграда от блокады, на вершине Ореховой горы установили поклонный крест. В преддверии празднования 70-летия великой Победы на вершине Вороньей горы были высажены 70 саженцев клёна, дуба, каштана и липы. Так возникла Аллея Памяти о воинах 63-й Гвардейской стрелковой дивизии, взявших штурмом высоту 19 января 1944 года. 21 июня там же был воздвигнут поклонный крест.

¹² Морозов Е.Е. Страницы истории и культуры Красного Села и его окрестностей: пособие по истории Красного Села. Ч. 2 / Е. Е. Морозов. — Санкт-Петербург, 2010. — 230 с.

¹³ Наумкин А.Н. Избранное: в 3-х томах. — Санкт-Петербург: Издательство «Дизайн». Т. 2. — 2006. — 431 с.

Время отдаляет нас от тех военных событий, но слова О.Ф. Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто» призывают нас бережно и благодарно относиться к военной истории.

Источники:

1. Берггольц О.Ф. Стихи. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
2. Дудергофские высоты — комплексный памятник природы / ред.: Е. А. Волкова, Г. А. Исаченко, В. Н. Храмцов. — Санкт-Петербург: 2006. — 137, [4] с.: ил., карты.
3. Дудин М.А. Книга лирики. — Ленинград: Художественная литература, 1986. — 678, [1] с.: рис.
4. Дудин М.А. Рубежи: поэмы. — Ленинград: Художественная литература, 1975.
5. Лукницкий П.Н. Сквозь всю блокаду: дневник / П.Н. Лукницкий; сост. В.К. Лукницкая. — Ленинград: Лениздат, 1988. — 720 с.
6. Морозов Е.Е. Страницы истории и культуры Красного Села и его окрестностей: пособие по истории Красного Села. Ч. 2 / Е. Е. Морозов. — Санкт-Петербург, 2010. — 230 с.: ил. — Библиогр.: с. 225-230.
7. Наумкин А.Н. Избранное: в 3-х томах. — Санкт-Петербург: Издательство «Дизайн». Т. 1. — 2006. — 326 с.
8. Наумкин А.Н. Избранное: в 3-х томах. — Санкт-Петербург: Издательство «Дизайн». Т. 2. — 2006. — 431 с.
9. Оконевская О. «...И возвращусь опять»: страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц — Санкт-Петербург: Logos, 2010.
10. Берггольц О.Ф. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / О. Ф. Берггольц; авт. проекта Наталия Соколовская. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. — 539, [2] с.: фот.
11. Ради жизни на Земле: сборник / Администрация Красносельского района г. СПб, Совет ветеранов Красносельского района, Акад. воен.-ист. наук; ред. В.В. Фролов и др. — Санкт-Петербург: Береста, 2009. — 321 с.
12. Рожков А.М. На Юго-Западе Санкт-Петербурга: из истории Красносельского района / А.М. Рожков; фото: Е.Н. Киль. — Санкт-Петербург: Лики России, 1997. — 216 с.: ил. — (Иллюстрированный исторический очерк).
13. Соколов В.А. Пулковский рубеж. — Санкт-Петербург: Полградис, 2002. — 280 с.
14. Чернов Ю.М. Судьба высокая «Авроры». — Москва: Политиздат, 1983. — 336 с.: фото.

ЧИСЛОВА ВЕРА

10 КЛАСС, ШКОЛА № 262

РУКОВОДИТЕЛЬ: КУДРЯШОВА ВЕРА СЕРГЕЕВНА

УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРАСНОГО СЕЛА 19 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА. КРАСНОЕ СЕЛО ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ

Битва за Ленинград — беспрецедентное по продолжительности сражение Второй мировой войны. Город, который по всем расчётам должен был умереть, не только выжил, но и нашёл в себе силы победить врага, стоящего у его стен. История героического сопротивления фашистам жителей и бойцов Ленинграда изучается на протяжении десятилетий. Записаны свидетельства очевидцев, опубликованы и исследованы архивные материалы, созданы художественные произведения, воспевающие подвиг защитников города.

На территории современного Красносельского района дважды в ходе битвы за Ленинград решалась судьба города: в 1941 году враг был остановлен на ближних подступах к нему (от Урицкого рубежа до Дворцовой площади всего 14 км, а корпуса Кировского завода находились практически на рубеже

обороны), а в 1944 году на Красносельской земле началось полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

Каждый год отделяет нас от событий Великой Отечественной войны. Но от этого не должна притупиться наша память. Наоборот, мы обязаны сохранить для будущих поколений имена и подвиги тех, кто остановил в те далёкие сороковые годы смерть на подступах к Ленинграду.

К сожалению, эта страница истории нашего города воспринимается молодым поколением как простой исторический факт: да, была блокада, сражались все 900 дней. Многие могут ответить только на самые общие вопросы, касающиеся истории Ленинграда, периода Великой Отечественной войны. Но если так пойдёт и дальше, то не забудем ли мы свою историю?

Все мы с детства учимся уважать тех лю-

дей, которые нас окружают. Мы гордимся своими родителями, друзьями и близкими. И с самого детства, мы, граждане России, должны научиться уважать и любить землю, на которой мы живём, и за которую отдавали жизни наши отцы и деды¹.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРАСНОГО СЕЛА 19 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА

Красное Село с 12 сентября 1941 года было оккупировано фашистскими войсками. Почти 857 дней Красное Село находилось в оккупации. До войны в районах и городах области жили 2 миллиона 466 тыс. человек. К моменту освобождения на этой территории осталось около трети жителей. Фашисты убили и замучили в лагерях более 52 тыс. мирных жителей Ленинградской области. 250 тыс. человек были насильственно вывезены на работы в Германию, Прибалтику и другие места.

18 и 19 января бои за Красное Село вели воины 30-го гвардейского корпуса под командованием генерал-майора Н.П. Симоняка (64-я и 291-я стрелковые дивизии).

18 января удалось очистить от гитлеровцев восточную часть города. Отступая, гитлеровцы решили Красное Село стереть с лица земли. Сжигали дома. Пытаясь задержать наступление советских войск, гитлеровцы взорвали плотину, которая сдерживала воды Дудергофских озёр. Район бумажной фабрики и вся южная часть Красного Села были затоплены. Местами уровень воды был больше 70 сантиметров. В ледяной воде оказались солдаты и танки. Но прорыв атакующих частей уже ничто не могло остановить.

Оккупанты нанесли Красному Селу огромный ущерб. Из 1045 домов гитлеров-

цы уничтожили свыше 600, остальные были повреждены. На проспекте Ленина осталось всего 4 дома. На 90% разрушено здание бумажной фабрики. Все основное оборудование фашисты вывезли в Германию.

Красное Село было освобождено от оккупации 19 января. Советские войска прорвались в город со стороны Вороньей горы. Не захватив Воронью гору, нельзя было закрепиться в Красном Селе и рассчитывать на успешное продвижение на Кипень. Воронья гора — возвышенность с крутыми склонами. Она господствует над местностью на несколько десятков километров. За два с половиной года немцы укрепили её особенно сильно. Подступы к Вороньей горе закрывали сплошные проволочные заграждения и минные поля.

Воронью гору штурмовала 63-я гвардейская дивизия. В ночном бою отличились автоматчики под командованием капитана В.Г. Массальского. Его рота прорубила в немецкой обороне коридор для танкового десанта.

В 11 часов 19 января 1944 года гвардии старший лейтенант Багуковец водрузил на вершине Вороньей горы красное знамя. Взятие Вороньей горы послужило сигналом для решительного штурма Красного Села. Бой шёл уже в Красном Селе².

К 19:30 19 января 1944 года город был полностью освобождён.

Огромное, в пол горизонта, зарево. Горит Красное Село. Горит Дудергоф. Артстрельбы нет. Поток машин движется вперёд, на Красное. О Красном Селе говорят: «Взяли и уже дальше прошли».

Окраина Красного Села. В двухэтажном разбитом доме, внутри — светляки костров, помещение набито бойцами. Едкий дым ест глаза. Разговоры уставших, но возбуждён-

ных успешным наступлением солдат и офицеров. Это сапёры 47-го отдельного сапёрного батальона 224-й стрелковой дивизии³.

Писатель П.И. Лукницкий, приехавший в город сразу после его освобождения, вспоминает: «Идём через Красное Село. Оно обстреливается миномётами. Разрывы то далеко, то близко. Местами возникает ружейно-автоматная перестрелка. Солдаты вылавливают последних немецких автоматчиков из подвалов и блиндажей. Кое-где взлетают на воздух дома, напичканные минами замедленного действия. Пламя взмывается, разлетаясь. Везде работают группы сапёров — извлекают мины, расчищают проходы, чинят разбитые мостики. Мост через привокзальный ров взорван, три пролёта встали торчком. Нагромождение брёвен, досок, лома, проволоки. Спуститься в ров невозможно иначе, как катясь по обледенелым скатам. Пути залиты водой из взорванной водонапорной башни. Разбиты вагоны и паровоз. Вокзал сгорел. Расспрашивая людей, делаю записи, ходим, остерегаясь мин. Почерневшие, с пустыми глазницами окон корпуса бумажной фабрики.

В корпусах, на волокушах, — раненые.

Тут в горах завалов работают сапёры. Языки яркого пламени возносятся на фоне каменных руин, а на руинах, будто на невыносимой сцене, как призраки, расположились группой бойцы. Ниже, на талом шипящем снегу вокруг гигантского торфяного костра — сотни две настороженно-неприятных ко всем приближающимся автоматчиков. Они только что из боя, в обволакивающей их тьме им ещё чудится враг. Стоя, лежа и сидя, они греются, сушатся, от них идёт пар, они что-то варят, перевязывают раны.

Им явно не до разговоров с посторонними...

Красное Село, разрушенное и разграбленное, горит со вчерашнего дня — от артиллерийского огня, мин, поджогов. Проходим город насквозь. Знаменитая Троицкая церковь, построенная в первой трети XVIII века, ощерилась чёрными головешками.

В церкви на колокольне были немецкие пулемёты и мелкокалиберное оружие. По приказанию командира полка Зарубы дали арт-огонь по церкви. Прямым попаданием разрушили и зажгли колокольню, но стрельба продолжалась из церкви снизу. Немцев выбили оттуда, когда подошли наши части. Дымится сожжённый красносельский театр, созданный почти сто лет назад. Дальше!.. Город мёртв. В нём ни одного жителя...»⁴

КРАСНОЕ СЕЛО ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ

Зоя Александровна Вечер родилась 4 сентября 1925 года в деревне Старое Окажьево Мошенского района Ленинградской области (сегодня это Новгородская область). В 1941 году успешно окончила первый курс педагогического училища, и началась Великая Отечественная война. Во время войны в родной деревне Зоя Егорова (девичья фамилия) работала счетоводом, была секретарём комсомольской организации. В Красном Селе она живёт с 1944 года. В конце января 1944 года З.А. Вечер вызвали в Ленинградский обком комсомола, в Смольный. Шёл набор комсомольских кадров для работы в освобождённых от фашистов районах. Отказаться было нельзя. Можно было выбрать место. Зоя попросилась ближе к Ленинграду. И ей предложили город Красное Село. Зоя Александровна вспоминает: «В Ленинград приехала 27 января 1944 года и попала на салют в честь полного освобождения Ленинграда от блокады. Люди радовались и плакали. Только

¹ Красное Село в годы оккупации Великой Отечественной войны 1941-1944 г. // Моя Красносельская земля / сост. В.Н. Пархоменко, сост. Л.А. Федорова. — Санкт-Петербург, 2002. — 96 с., с.3

² Ради жизни на Земле: сборник / Адм. Красносельского р-на г. СПб, Совет ветеранов Красносельского р-на, Акад. воен.-ист. наук; ред. В.В. Фролов и др. — Санкт-Петербург: Береста, 2009. — 321 с., 21, 27

³ Лукницкий П. Н. Сквозь всю блокаду: дневник / П.Н. Лукницкий; сост. В.К. Лукницкая. — Ленинград: Лениздат, 1988. — 720 с.

⁴ Лукницкий П. Н. Сквозь всю блокаду: дневник / П.Н. Лукницкий; сост. В.К. Лукницкая. — Ленинград: Лениздат, 1988. — 720 с.

потом поняла, на какое торжество попала. Тогда не осознавала важности события, потому что не были известны все ужасы блокады. 12 февраля 1944 года вышла на работу в Красном Селе, которое только освободили. Первое впечатление от города было тяжёлое. Идёшь по проспекту Ленина — все сторело или было разрушено. Уцелело лишь несколько кирпичных зданий, которые стояли пустые на проспекте Ленина: дом, где в настоящее время находится детская библиотека и дом, в котором в расположена детская музыкальная школа. Троицкая церковь стояла без колокольни, с пробитым куполом. Парк ужасал берёзовыми крестами — там было немецкое кладбище. Офицеров и рядовых было похоронено 887 человек. Потом всех перезахоронили в общей могиле в Ленинградской области.

Местное население поначалу вообще не было видно. Осенью 1943 года жителей вывезли в Германию. Были только партийные и комсомольские работники, и много милиции.

Милиция ездила по пустым домам, собирала мебель, а потом это продавалось через райфо. Другого ничего не было! У меня кровать была так куплена...

Лишь к осени 1944 года Красное Село стало понемногу оживать: возвращались люди, кто из оккупации, кто из деревень.

Стали создаваться комсомольские организации — сначала при горсовете и милиции. Я была инструктором организационного отдела райкома комсомола, затем — заведующим отделом учёта и заведующим отделом пионеров.

Главной задачей была уборка города. Для этого организовывали местное население.

В короткое время создавали комсомольские организации в Красном Селе и в районе, в деревнях Русско-Высоцкое, Кипень, Ропша, Глядино, Витино. Комсомоль-

цы должны были хорошо трудиться и быть примером. В основном это были девушки.

Тех, кто был в оккупации, при вступлении в комсомол проверяли. Я делала запрос в МГБ⁵. Некоторым кандидатам отказывали.

Из оккупации возвращались разные люди — еле живые или сытые и обеспеченные. Одна семья приехала с пятитонкой добра. Или молодая пара пришла вступать в комсомол с золотыми кольцами на руках, хорошо выглядят, а говорят, что были в Бухенвальде...

Некоторые приезжали и рассказывали, где им пришлось скитаться. Но в основном люди не признавались, что были в оккупации. Боялись.

В конце 1945 года из эвакуации вернулся первый цех главного по тем временам предприятия Красного Села — Красногородской экспериментальной фабрики. Это был специальный цех, где делали фильтры для самолётов. Его в начале войны эвакуировали вместе с работниками куда-то за Урал. Здание фабрики была разрушено до основания.

Во время оккупации на фабрике был лагерь для советских военнопленных. Их почти не кормили, морили голодом, поэтому, говорят, вся трава была съедена.

Для восстановления фабрики прислали выпускников ремесленных училищ.

Молодёжь и комсомольцы восстанавливали церковь. В здании сделали кинотеатр и Дом культуры. Здесь проходили все партийные конференции, пока не построили кинотеатр «Экран». Органы МГБ и военкомат располагались на улице Восстановления.

Там, где сейчас детская библиотека, расположился горсовет, а также литературная столовая⁶ и магазин для партийных работников.

Жили скудно. Магазинов всего было три на Красное Село. Каждый был прикреплен к своему магазину. У меня как у работника райкома комсомола были литературные карточки.

Но мяса не давали даже нам, его вообще в рациионе не было. Вместо него по карточкам давали селёдку. Карточки отменили только в 1947 году, стало ещё сложнее, хлеба все равно не хватало. Буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей. Пекарня находилась на ул. Красных Командиров, д. 32. В столовой, где питались партийные работники, работала рыженькая подавальщица Зина. Как-то приходим, а её нет. Говорят, арестовали. Прошёл слух, что её немцы специально оставили пищу травить.

Были судебные разбирательства. Например, судили людей, которые сотрудничали с газетой, издававшейся немцами. Но проходило это тайно, об этом даже говорить боялись.

Позже, занимаясь музеем Бумажной фабрики, я, изучая историю Красного Села, столкнулась с неприятными фактами — предатели были; были те, кто с немцами неплохо общался...

В 1941 году, когда наши отступали, в Красном Селе были оставлены коммунисты для подпольной работы. И они поджигали деревянные дома. Одна из жительниц говорила, что её дом на Гвардейской улице (тогда называлась улица Красного Пахаря) сожгли. Люди потом спрашивали — за что нас спалили? Партизаны ссылались на приказ — чтобы врагу ничего не оставлять. Но говорили, дома поджигались выборочно. Люди потом мыкались без крова.

Многих партизан выдавали немцам, а потом, говорят, их расстреливали на болоте.

В 1942 году немцы открыли Троицкую церковь. Устроили богатую пасху. Часть народа это хорошо восприняла. Говорят, что в церкви были вывешены большие красивые

иконы. Все потом удивлялись, куда они делись; по всей видимости, их вывезли немцы.

После освобождения Красного Села люди, жившие здесь, побаивались. Ещё шли бои за Нарву, канонада была слышна и в Красном Селе. Был разговор, а вдруг немцы прорвутся.

Местное население приезжих партийных работников принимало не очень хорошо.

В комсомол вступать тоже не хотели. Красносёлы привыкли жить вольно, да и близость к Петербургу их избаловала.

До революции они занимались извозом, выращивали овощи, поставляли творог, молоко в царские дворцы. Могли видеть императора и его семью.

К весне 1945 года стали восстанавливать колхозы Глядино, Кипень. В Красном Селе работал мобилизационный отдел, он отправлял людей на работы в колхоз, если не было работы в городе.

Восстанавливали Красное Село пленные немцы. Восстановление шло медленно, только к 1949 году была застроена центральная часть города⁷.

В нашем городе хранят память об освободителях Красного Села. В сквере на пересечении улицы Равенства и проспекта Ленина мемориал «Скорбящая мать». Памятник стоит на братской могиле. Здесь захоронены 498 неизвестных солдат, погибших при освобождении Красного Села и других населённых пунктов района.

В парке находится памятник «Героям Красного Села». Памятник стоит на братском захоронении воинов, павших за Красное Село в январе 1944 года. На плитах увековечены фамилии 2,5 тысяч погибших воинов. В центре на пьедестале — обелиск, а перед ним — солдат с автоматом. Справа и слева от обелиска находятся могилы Героев Советского Союза Т.В. Федорова и А.Ф. Типанова.

⁵ МГБ – Министерство государственной безопасности

⁶ Литерная столовая – столовая для обслуживания определенных категорий населения.

⁷ Воспоминания, записанные со слов Зои Александровны Вечер, жительницы Красного Села с 1944 года.

На улице Бронетанковой, д. № 10 — мемориальная доска в честь передового отряда танковой группы А.С. Мацаканова, первым прорвавшегося в город.

Мемориальная доска в честь советских войск, освободивших Красное Село, есть и на здании по адресу проспект Ленина, д. 73. Хранят память и школьные музеи: в школе № 380 — музей «Истории Красного Села», в школе № 262 — музей «Залп за Родину».

В последние годы в городе развернулось большое строительство, построены два новых района. Многие старинные дома разрушаются, а хорошо бы их сохранить для истории. Появились новые жители, не знающие истории Красного Села.

Школьные музеи посещают школьники, а надо, чтобы жители Красного Села могли посещать музеи семьями. Тогда бы красносёлы лучше знали историю своего города, а новые красносёлы знакомились бы с историей края.

В своей работе мне удалось это сделать — записать воспоминания Зои Александровны Вечер, которая принимала участие в восстановлении Красного Села после оккупации.

Источники:

1. Ради жизни на Земле: сборник / Администрация Красносельского района г. СПб, Совет ветеранов Красносельского района, Акад. воен.-ист. наук; ред. В.В. Фролов и др. — Санкт-Петербург: Береста, 2009. — 321 с.

2. Лукницкий П.Н. Сквозь всю блокаду: дневник / П.Н. Лукницкий; сост. В.К. Лукницкая. — Ленинград: Лениздат, 1988. — 720 с.

3. Рожков А.М. На Юго-Западе Санкт-Петербурга: из истории Красносельского района / А.М. Рожков; фото: Е.Н. Киль. — Санкт-Петербург: Лики России, 1997. — 216 с.: ил. — (Иллюстрированный исторический очерк).

4. Красное Село в годы оккупации Великой Отечественной войны 1941–1944 г. // Моя Красносельская земля / сост. В.Н. Пархоменко, сост. Л.А. Федорова. — Санкт-Петербург, 2002. — 96 с.

5. Воспоминания, записанные со слов Зои Александровны Вечер, жительницы Красного Села с 1944 года.

БОРОДИН ДЕНИС

10 КЛАСС, ГБОУ ЛИЦЕЙ № 369

РУКОВОДИТЕЛЬ: ВАЛЬСКАЯ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ОТ ПРОЕКТА ДО ВОПЛОЩЕНИЯ: СОХРАНЕНИЕ ВОЕННОЙ ПАМЯТИ ПОЛЕЖАЕВСКОГО ПАРКА

Тему для своего исследования я выбрал не случайно: в 2014 году наш город отметил 70-летний юбилей со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Об этом нельзя забывать никогда! Я живу и учусь в Красносельском районе, который гордится своим военным прошлым. Его улицам присвоены имена Великой Отечественной войны, в их названиях отражены характер и нравственные качества защитников Ленинграда. Я хожу по этим улицам каждый день, и меня очень волнует вопрос: как ещё, кроме названия улиц, сохраняется память о событиях Великой Отечественной войны на территории моего района — на бывших южных подступах к Ленинграду. На занятиях по краеведению я узнал, что ближе всего к городу враг подошёл со стороны современного Петергофского шоссе, здесь расположился передний край обороны города.

В то время эти территории ещё не вошли в состав городской черты, но на границе с Ленинградом в 30-е годы XX века появился современный рабочий посёлок Клиново, от которого не осталось ничего, кроме кусков разрушенного фундамента и арматуры. Двигаясь по Полежаевскому парку на лыжах или велосипеде, я часто останавливал свой взгляд на этих бесформенных глыбах. Тогда я не понимал, насколько тесно это связывает нас с блокадным прошлым...

Из муниципальной прессы я узнал, что в преддверии юбилея Дня Победы в парке появится мемориальная зона. Тема военной истории юго-западной части района, где я живу, меня затронула настолько, что результатом моего интереса и стала исследовательская работа, получившая название «От проектов до воплощения: сохранение военной памяти Полежаевского парка».

ДОВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЕЖАЕВСКОГО ПАРКА

Территория в пределах современных улиц — пр. Маршала Жукова, Петергофского шоссе и пр. Ветеранов — начинает свою историю задолго до рождения Петербурга. Деревня «на усть Лиги до моря» — Лигово — упоминалась в писцовой книге 1500 года. В петровские времена близ неё проходила Петергофская дорога, давшая название современному шоссе. Место, где река Дудергофка (первое название — Лига) скатывается с древнего берегового уступа, привлекло самого Петра I и, раздавая участки вдоль дороги своим приближенным, император оставляет Лигово в личном владении.

Речка Дудергофка продолжена позднее Дудергофским каналом. Я был немало удивлён, когда узнал, что от неё в петровское время был прорыт Лиговский канал для питания фонтанов Летнего сада. Однако выполнять своё предназначение канал не смог, впоследствии его засыпали, а сегодня о его существовании напоминает Лиговский проспект.

Близ речки, как было сказано, располагалась деревня Лигово. В 1765 году Екатерина II подарила эти земли своему фавориту Григорию Орлову, где он построил усадебный дом и обустроил территорию.

В 1783 году по завещанию графа имение перешло к дочери — Наталье Алексеевне, потом её сыну из династии Буксгевденов. В 1798 году дачу Лигово с парком и прудом выкупил П.А. Шепелев, но продал в 1840 году графу Григорию Григорьевичу Кушелеву. Кушелев активно благоустраивал имение и перестраивал усадьбу. Для этого даже пригласил архитектора А.И. Штакеншнейдера, по проекту которого был разбит английский пейзажный парк, устроены аллеи, природные горки, очищены пруды. С севера от дома был посажен фруктовый сад и устроена оранжерея, конюшни, птичий и скотный дворы. Это

хозяйство стало образцово-показательным. Сюда специально приезжали учиться вести приусадебное хозяйство, знакомиться с новой сельскохозяйственной техникой.

В 1874 году владельцем имения становится купец Павел Куриков, который начинает распродавать земли по частям. 78 десятин с усадьбой приобретает Константин Матвеевич Полежаев — председатель правления Санкт-Петербургского Московского коммерческого банка. В 1909 году его сын Борис Константинович Полежаев, надворный советник, директор правления Южно-Русского металлургического общества, член правления Петербургского коммерческого банка строит дачный посёлок. Однако после революции дачные места пустеют. Усадебный дом разбирают на кирпичи «за ненужностью».

ПОСЁЛОК КЛИНОВО

В 30-е годы XX века в северо-западной части Полежаевского парка появляется новый посёлок Клиново. Имя было дано в честь старого большевика Якова Ильича Клинова, одного из руководителей треста «Знамя труда». По его инициативе началось строительство домов для рабочих. Рабочие были настолько благодарны Якову Ильичу, что выдвинули идею поставить ему в центре посёлка памятник. По проекту архитектора С.Е. Бровцева в посёлке строится пять блочных бетонных четырёхэтажных домов, состоящих из коммунальных и отдельных квартир. Клиново располагалось на холме, вблизи Петергофской дороги. Дорога была очень красива: ряды плакучих ив слева, над ними — Лиговская гряда. Справа, то отдаляясь и напоминая о себе лишь влажным ветром, то появляясь вновь, совсем рядом — море. У подножия холма — неглубокая Бабыя речка, в которой дети учились плавать.

По воспоминаниям бывших жителей посёлка Клиново, в 30-х годах XX века семьи у рабочих были большие, почти в каждой по

4–5 детей, но жили очень дружно. В выходные и праздничные дни женщины пекли пироги, накрывали столы в клубе, а дети устраивали концерты.

Мария Александровна Пронякина, житель довоенного Клинова, вспоминала:

«Мы жили одной большой семьёй, по вечерам выходили во двор с гитарой, аккордеоном, пели и танцевали. Делились друг с другом и радостью и бедой, всем посёлком играли свадьбы. Даже лыжи, коньки и велосипеды для детей покупали в складчину, а катались по очереди. Ведь и работали мы вместе, и по-хорошему соревновались, а были небогаты, но богаты душой».

А потом — страница истории с цифрами, врезанными в память народа двумя датами, не требующими пояснений: 1941–1944 гг. Здесь — тьма, прорываемая грохотом и огнём, смерть, борьба и победа.

В 1941 году не стало на земле посёлка Клиново. Здесь, у домов рабочих, прошла самая узкая нейтральная полоса — чуть больше 40 метров до врага.

*Враги стремились к Ленинграду,
Но встали здесь на рубеже
И простояли всю блокаду
На взрытой бомбами меже.*

Тая Лог

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Всем известна дата 22 июня 1941 года — начало Великой Отечественной войны.

В первые же недели развивалось быстрое наступление фашистских войск в Северном направлении. Меньше чем через 2 месяца вражеские солдаты оказались на дальних подступах к Ленинграду. С юго-запада Ленинград прикрывал Гатчинский укрепрайон, который строился в основном во время войны, в большой спешке. Укрепления были частично преодолены. В августе 1941 войска группы «Север» подходили к Ленинграду с юга — юго-запада. Немецко-фашистские

войска, используя превосходство своих сил, вторгались всё глубже и глубже в пределы нашей страны. У Ленинграда главные силы противника были сосредоточены в направлении Урицка и Пулковских высот. Занята Стрельна. Ставка принимает решение о незамедлительном строительстве укрепительного района на ближних подступах к Ленинграду. За месяц, вырванный у врага, ленинградцы строят линию обороны под самым городом. И когда фашистская махина прорывается сквозь истекающие кровью ряды бойцов Лужского рубежа, перед ней оказывается первый, уже неприступный рубеж — Урицк, Пулково, Колпино.

Передняя линия обороны с юга вначале планировалась от Угольной косы к Автово через станцию Предпортовая и посёлки Купчино и Мурзинка. Внешний обвод Ленинграда на юго-западном направлении должна была занять 21-я стрелковая дивизия НКВД под командованием Михаила Даниловича Папченко. Командир, прибыв в район дислокации в Автово, близ Красненького кладбища, обнаружил, что видимость переднего края оказалась нулевой. Шереметевский парк, посёлки Княжево и Дачное затрудняли обзор, они же могли дать врагу возможность сосредоточить под их прикрытием силы для броска на Ленинград. М.Д. Папченко предложил переместить расположение линии обороны на другой рубеж: Финский залив — Клиново — окраина Лигово — Авиагородок — Купчино — Мурзинка. Таким образом, наши тылы становились невидимыми для врага. План был принят Военным Советом фронта.

В ночь с 13 на 14 сентября фашисты заняли Урицк, а утром 15 противник возобновил наступление.

15 сентября 1941 года многие непосредственные участники боевых действий на этом рубеже считают самым трудным днём. Фашистам была открыта дорога на Урицк и железнодорожную станцию Лигово. Наших войск там не было, и вражеские танки бес-

препятственно вошли на охваченные пожаром улицы и улочки городка и станции. Не задерживаясь, они проскочили Урицк и очутились в заболоченной, кое-где поросшей невысоким кустарником низине. Теперь перед ними оказался последний заслон — 21-я дивизия НКВД.

Чтобы предотвратить прорыв противника через Урицк в Ленинград, 16 сентября 21-я дивизия была усилена 6-й дивизией народного ополчения и двумя стрелковыми бригадами из моряков и личного состава различных частей ПВО Ленинграда.

К 17 сентября бои достигли наивысшего предела. Защитники города отстаивали буквально каждый метр, непрерывно контратакуя врага. Оценив ситуацию как исключительно опасную, Военный совет фронта 17 сентября 1941 г. отдал категорический приказ: «Драться до последнего снаряда, стоять насмерть, но врага в Ленинград не пропустить. Ни по воздуху, ни по земле. Ни шагу назад!».

Несмотря на огромные потери, немцы не смогли преодолеть рубежи, занимаемые 21-й дивизией НКВД, и к вечеру 17 сентября были вынуждены прекратить атаки и перейти к обороне. Враг был остановлен.

До 23 сентября на Урицком рубеже шли ожесточённые бои, и 25 сентября немецким командованием группы армии «Север» было доложено в главный штаб, что продолжать наступление на Ленинград наличными силами невозможно. Немцы перешли к позиционной обороне. В начале октября разведка доложила: фашисты окапываются, строят инженерные сооружения и явно готовятся к зиме. Линия обороны на подступах к Ленинграду с юга стабилизировалась и осталась без существенных изменений до января 1944 года!

14 месяцев (с сентября 1941 по октябрь 1942) 21-я стрелковая дивизия НКВД держала оборону Ленинграда под Урицком. Все попытки врага потерпели крах, хотя и ценой больших потерь. В ходе боев посёлок Клино-

во был разрушен. Нет данных о погибших, нет данных о захороненных. Только могила 3-х безымянных бойцов и 2-х жителей Клиново являлась до недавних пор местом памяти о тех страшных днях:

*В конце Аллеи Славы
Тропинка среди полей.
Там братская могила,
Цветы всегда на ней...*

Посёлка нет, только несколько кусков фундамента напоминают нам о Клиново.

ПРОЕКТЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ ЗОНЫ ПОЛЕЖАЕВСКОГО ПАРКА

В генеральном плане 1960-х предполагалось сделать на месте бывшего посёлка Клиново рекреационную зону. Но весь проект реализован не был. Часть парка стала мемориальной зоной и вошла в так называемый «Кировский Вал» Зелёного Пояса Славы. Однако через наиболее запущенную часть прошла лишь Аллея Славы, а весь военный ландшафт остался нетронутым.

Проект создания мемориала «Клиновские дома» в 1991 году был включён в план монументальной пропаганды!

В 1991 году был создан концерн «Полежаевский парк», который возглавил бывший депутат райсовета Владислав Свириденко. К 1993 году разработан проект реформирования парка для градостроительного совета, начался поиск инвесторов, но планы сорвались из-за внесения корректировок с учётом подготовки Петербурга к предполагаемому участию в летних Олимпийских играх.

С тех пор прошло более 20 лет, в жизнь проект так и не воплотился. Авторы проекта Л.Б. Дмитриев и А.И. Алымов предложили оставить бывший Полежаевский парк под мемориальную зону и сделать его началом всего Зелёного пояса Славы — центром экскурсионных маршрутов, историческим

музеем под открытым небом. В проекте предполагалось организовать 3 зоны парка. Первая — мемориальная: по оси от здания администрации Красносельского района должна пройти широкая аллея с группами серебристых елей и цветниками. Строгие памятные камни должны встать вдоль этой аллеи. Архитекторы предложили возродить плотину, а в струях 6-ти метрового водопада установить скульптурную группу героев, противостоящих стихии. Таким образом, был бы создан образ — символ героической обороны города. Вторая зона парка была задумана как зона торжественной тишины. На всем протяжении Аллеи из 900 берёз (на сегодняшний день это 830 деревьев) предлагалось восстановить оборонительные сооружения военного времени и устроить выставку оружия, применявшегося в годы Великой Отечественной войны. Третья зона предлагалась как зона отдыха: карусели, кафе, пруды.

Следует сказать, что, изучая военную историю Красносельской земли, ученики школы № 369 участвовали в конкурсе проектов по созданию памятника разрушенному посёлку Клиново в Полежаевском парке.

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕЖАЕВСКОГО ПАРКА

Ещё в 2004 году шесть поисковых отрядов дали согласие на проведение раскопок и перезахоронений в рамках комплекса поисковых мероприятий «Полежаевская Вахта Памяти». Разрешения за подписью заместителя главы администрации Красносельского района и начальника РУВД розданы на руки командирам поисковых отрядов. Немного работы лопатой, и из земли пошла россыпь советских пулемётных гильз с датой производства 1939, 1938, 1935 годов. Потом немецкая каска, советская сапёрная лопатка с уцелевшей ручкой, кирпичи. Монетки 1930-х годов. Полежаевский парк «заговорил».

Свидетели, присутствовавшие на раскопках, были потрясены тем, что хранила в себе земля старинного парка. Вскрытые воронки были сплошь забиты лежащими друг на друге человеческими останками вперемешку с землёй и обрывками одежды — это были так называемые «санитарки», в которые во время войны сбрасывали погибших. Во время первой «Вахты памяти» были найдены останки 68 человек. Правда, опознать по медальону удалось лишь одного солдата, имена остальных неизвестны.

10 декабря 2008 года в Полежаевском парке звучала военная музыка, было море цветов и слез... Погибших захоронили со всеми воинскими почестями пока что под железным крестом. Вопрос о памятном мемориале должен был ещё решаться. Рядом с захоронением установили алый крест с табличкой, гласящей, что на этом месте будет построена церковь Святой Равноапостольной Нины. «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат», — говорил А. Суворов.

Три последующих года «Полежаевская вахта памяти» продолжалась.

ПЛАНЫ – К ВОПЛОЩЕНИЮ!

Рассказывает Е.В. Никольский: «На углу проспекта Маршала Жукова и Петергофского шоссе планируется установить памятник советскому военачальнику. Это будет входом в мемориальную часть парка. Изначально проектом предполагалось, что Георгий Жуков должен располагаться лицом к входящим в парк, но ветераны Великой Отечественной войны обратили внимание на несуразность такого размещения памятника. Ветераны сказали, что там, за речкой, располагались немецкие войска. И получается, что Жуков стоит к ним спиной... Опять же, на эскизе памятника Жуков был изображён в форме маршала-победителя, хотя речь идёт о начале войны, когда он возглавлял Ленинградский фронт, — уточнил глава Крас-

носельского района. — Поэтому пришли к выводу, что Жукова надо развернуть лицом к врагам и «переодеть» в форму образца 42-го года».

Инициаторами ещё одного проекта выступили жители ряда домов, расположенных на улице Десантников. Речь идёт о создании в микрорайоне сквера истории воздушно-десантных войск. Сквер будет связан идеей прославления подвига воздушно-десантных войск. Он будет обустроен на пересечении ул. Десантников и Петергофского шоссе. Жители уже согласовали свою идею с Псковской дивизией и ветеранами воздушно-десантных войск. Сейчас идёт обсуждение самих проектов. В частности, предлагается создать некий монумент в виде раскрытой книги, на страницах которой будут представлены четыре этапа истории ВДВ. Ещё один вариант — разместить уходящий в небо десантный самолёт, но эта идея оказалась слишком затратной. Было предложение сделать монумент в виде голубого берета или просто георгиевской ленты с надписью «Никто, кроме нас» и эмблемой ВДВ. Все эти варианты пока только обсуждаются. Площадка перед мемориалом будет выполнена в цветах морской тельняшки.

17 февраля 2014 был торжественно заложен камень будущего памятника. Также в администрацию района обратились и сами десантники с предложением сделать в сквере фонтан, ведь у них есть традиция — купаться 2 августа в фонтане. Десантники попросили сделать, скажем так, специальный фонтан для этих целей. Он же будет не историческим, можно и купаться.

9 мая 2015 года состоялось торжественное открытие Триумфальной арки Победы в Красном Селе на пересечении дорог, через которые войска возвращались в Ленинград с Западного фронта. Пролёт арки — 12 метров. На её пилонах размещены символы Славы.

Установка в Красном Селе памятной арки героям войны представляется вполне логичной и оправданной историей. Ведь освобождением Красного Села от фашистов в январе 1944 года завершилась операция по полному снятию блокады Ленинграда. Отметим, что петербуржцы издавна стремились запечатлеть в произведениях монументального искусства подвиги русской армии. В своё время с инициативой сооружения монументальной арки в ознаменование торжества Великой Победы выступал писатель, Почётный гражданин Санкт-Петербурга, участник обороны города Даниил Гранин, взяв за основу одну из трёх бывших временных арок. Выбор пал на триумфальную арку, созданную академиком архитектуры А.И. Гегелло, как наиболее выразительный и сохраняемый в памяти людей образ.

Проектирование и строительство арки осуществлялось за счёт внебюджетных источников. Заказчик строительства арки в Красном Селе — межрегиональная общественная организация «Совет героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров Ордена Славы Санкт-Петербурга и Ленинградской области». Генеральный проектировщик — ОАО «ЛЕННИИПРОЕКТ»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ежегодно небольшие участки Полежаевского парка попадают под раскопки поисковых отрядов для нахождения останков погибших здесь в годы войны 1941–45 годов, а в День героев Отечества их предадут земле со всеми воинскими почестями. Если находят солдатский медальон — приглашают родных погибшего принять участие в захоронении.

Какое отношение к военной истории имеет церковь в Полежаевском парке?

27 января, в день памяти святой Нины-заступницы жителей осаждённого города — был освобождён Ленинград от фашистской блокады.

Как будет выглядеть мемориал, планируемый для возведения в Полежаевском парке?

Будут вырыты траншеи, блиндажи, установлена военная техника времён Великой Отечественной войны — это будет музей военной славы под открытым небом, единственный в нашем городе; вход в мемориальную зону будет украшать памятник Г. К. Жукову — организатору линии обороны Ленинграда в годы блокады.

В ходе написания работы у меня возникли новые вопросы и предложения по поводу сохранения военной памяти на территории Полежаевского парка, а значит — и в будущем году у меня будет тема для создания нового краеведческого исследования.

Источники:

1. Батырева и др. Бессмертье павших в памяти живых. — СПб, лицей 369.
2. Битва за Ленинград. 1941— 1944. — М., 1964.
3. Вальский С. Это нужно не мёртвым, это нужно живым. — СПб, лицей 369.
4. Зяблова Г. Строка на обелиске: документальная повесть. — Л.: Лениздат, 1989.
5. Кублашвили И. Да не погаснет никогда лампада памяти. — СПб, лицей 369.
6. Макаров Н. Мужество и стойкость защитников Ленинграда. // Ориентир. — 1998. — № 12.
7. Память о клиновских домах. // Ленинградский рабочий. — 1986. — 20 июня.
8. Рожков А. М. На Юго-Западе Санкт-Петербурга: из прошлого Красносельского района: учебное пособие для учителей-краеведов / А. М. Рожков; фото: Е. Н. Киль. — Санкт-Петербург: Б. и., 1995. — 76 с.: ил.
9. Славная Победа под Ленинградом: воспоминания, статьи и документы, посвящённые разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом / сост. Л. Г. Винницкий; ред. М. П. Стрешинский. — Ленинград: Лениздат, 1976. — 632 с.: ил.
10. Солдаты сто девятой: сборник воспоминаний / сост. А. И. Вересов — Л.: Лениздат, 1963.
11. Материалы газет: «Мой район», «Петровский курьер», «Вечерний Петербург», «Новая газета», Муниципальный вестник «Юго-Запад» (2008 год).
12. Интервью с П. Ю. Бурмистровым, первым заместителем главы администрации Красносельского района Санкт-Петербурга.
13. Материалы общественных слушаний в Администрации Красносельского района Санкт-Петербурга.
14. В Красносельском районе может появиться сквер для десантников. URL: <http://news.meta.ua/archive/07.12.13/cluster:33304459-V-Peterburge-postroiat-spetsialnyi-fontan-dlia-desantnikov> (дата обращения 25.02.14).
15. Музей под открытым небом. URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2013-12-09/v-krasnom-sele-poyavyatsya-triumfalnaya-arka-i-muzey-oborony-leningrada-pod-otkryтым-nebom> (дата обращения 09.01.14).

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово. Е.В. Никольский, член Правительства Санкт-Петербурга, глава администрации Красносельского района Санкт-Петербурга	3
Глава I. Красносельский район в годы Великой Отечественной войны	
<i>Петров Юрий Николаевич. Сверхмощная немецкая пушка «Дора». Была ли она под Ленинградом?</i>	<i>4</i>
<i>Тупицына Марина Петровна. Дудергоф и Красное Село в годы оккупации 1941–1944 годов</i>	<i>8</i>
<i>Петров Юрий Николаевич. Краеведческий взгляд на поэтическую гиперболу Михаила Дудина</i>	<i>13</i>
<i>Филимонов Николай Сергеевич. Действия 602-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии в ходе Красносельско-Ропшинской наступательной операции (13-20 января 1944 года)</i>	<i>17</i>
<i>Казанков Николай Владимирович. Старо-Паново. Малоизвестные фортификационные сооружения времён Великой Отечественной войны</i>	<i>23</i>
<i>Осипова Эльвира Юрьевна. Ненаписанное письмо</i>	<i>27</i>
Глава II. Воспоминания	
<i>Курылёва Елена Юрьевна. История одной судьбы</i>	<i>31</i>
<i>Пименов Владимир Дмитриевич. «Я думал, что отец привезёт нам с войны новую игрушку»</i>	<i>35</i>
<i>Эшимова Нина Сергеевна. Я откликнулся на призыв Родины (Соловьёв Александр Алексеевич)</i>	<i>63</i>
<i>Сластькина Елена Николаевна. Великая Отечественная война в поселке Володарский. (Воспоминания моей бабушки)</i>	<i>65</i>
<i>Костышина Светлана Владимировна. Героические защитники Ленинграда: Мария Алексеевна Кошкина ...</i>	<i>67</i>
<i>Щербинина-Халецкая Наталья Ильинична, Воскресенская Мария Михайловна. Чтобы живые знали и помнили (о жизни и творчестве Е.Ю. Зубаровского)</i>	<i>70</i>
<i>Уварова Татьяна Васильевна. Рожков Анатолий Михайлович — ветеран, фронтовик, краевед, создатель музея</i>	<i>75</i>
<i>Григорьева Надежда Николаевна. Война глазами выпускницы</i>	<i>79</i>
<i>Шмелькин Семён Фёдорович. Мой лучший новогодний подарок. Кукла</i>	<i>81</i>
<i>Шмелькин Семён Фёдорович. Быль о девочке и коте Кирюше</i>	<i>84</i>
<i>Шмелькин Семён Фёдорович. Забыть нельзя простить</i>	<i>87</i>
<i>Филатова Тамара Николаевна. В день Победы. Без вести пропавший</i>	<i>90</i>
Глава III. 70 лет без войны	
<i>Костышина Светлана Владимировна. Награда краеведу</i>	<i>91</i>
<i>Кисель-Загорская Людмила Васильевна. Связь поколений... С уважением к сохранению памяти о защитниках Ленинграда</i>	<i>92</i>
<i>Ткачева Татьяна Алексеевна. Участие немецких военнопленных в восстановлении Красносельского района</i>	<i>101</i>
<i>Эшимова Нина Сергеевна. Следы войны. Красное Село в первые послевоенные годы</i>	<i>105</i>
<i>Юхневич Виктор Александрович. Они сражались за Родину</i>	<i>107</i>
Глава IV. Юные краеведы о Великой Отечественной войне	
<i>Михайлова Василина. Юные войны в боях за Воронью гору</i>	<i>110</i>
<i>Числова Вера. Освобождение Красного Села 19 января 1944 года. Красное Село после оккупации</i>	<i>117</i>
<i>Бородин Денис. От проекта до воплощения: сохранение военной памяти Полежаевского парка</i>	<i>123</i>
Содержание	130

РУБЕЖИ ПАМЯТИ

За содержание и точность сведений, приведенных
в опубликованных материалах и статьях, несут ответственность их авторы.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 50
Тел.: (812) 777-05-17, www.letopis-spb.ru

Подписано в печать ##0*.2016
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro
Тираж 500 экз.

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

ГРАЧЁВ АНДРЕЙ, 12 ЛЕТ

В ГОСПИТАЛЕ

МИШУСТИНА НАСТЯ, 12 ЛЕТ

АТАКА

ГОВОРОВА ДАША, 10 ЛЕТ

ПРОВОДЫ

ВАЛЬКОВСКАЯ КСЕНИЯ, 12 ЛЕТ

НА ЛИНИИ ФРОНТА

СУХАРЕВА ПОЛИНА, 12 ЛЕТ

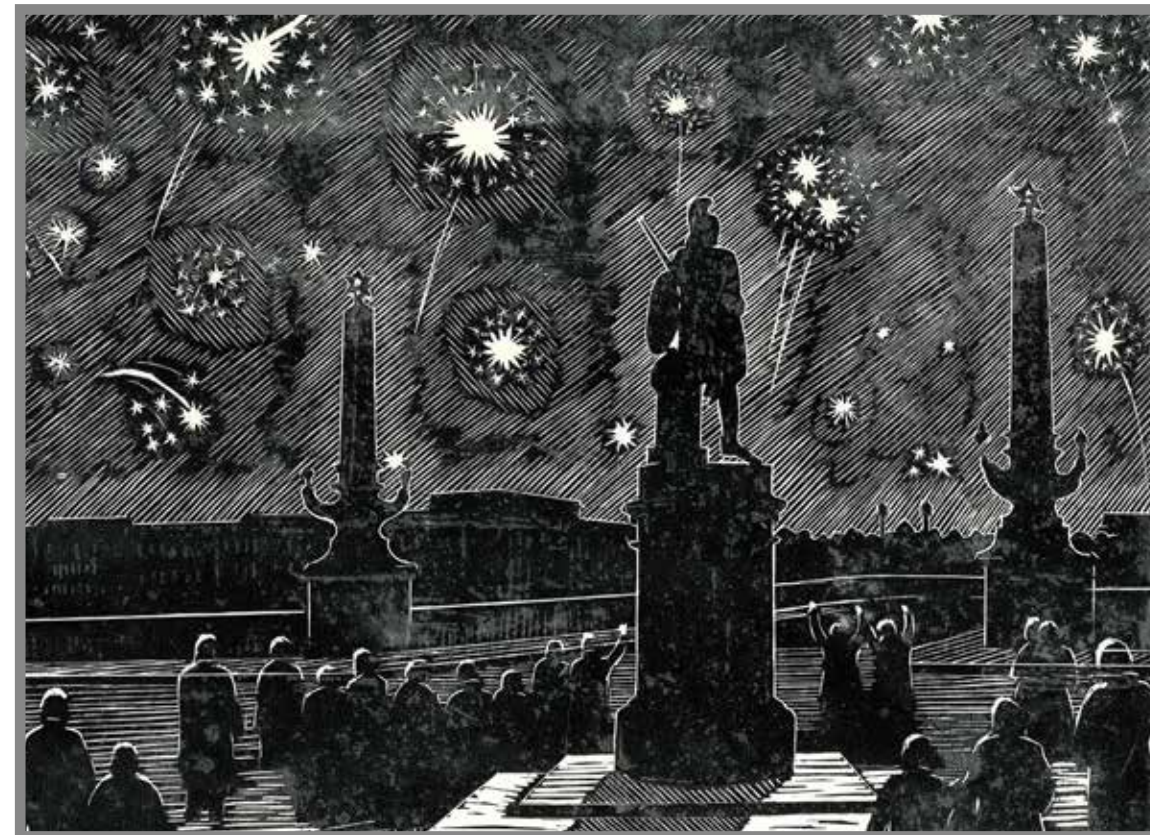

БЛОКАДА

РОДИМОВА АРИНА, 14 ЛЕТ

КАЛИНИНА ЛЕНА, 14 ЛЕТ

НОВОЖИЛОВА МАША, 13 ЛЕТ

САХАРОВА АНГЕЛИНА, 13 ЛЕТ

ПАНТЕЛЕЕВ АНДРЕЙ, 15 ЛЕТ

В ГОСПИТАЛЕ

СУХАРЕВА ПОЛИНА, 13 ЛЕТ

